

Владислав Шурьгин
Реквием по шестой роте

ВЛАДИСЛАВ ШУРЫГИН

**РЕКВИЕМ
ПО ШЕСТОЙ
РОТЕ**

МОСКВА

2007

**Владислав Шурыгин
РЕКВИЕМ ПО ШЕСТОЙ РОТЕ**

Чечня. Война. Спецназ

...Спецназ угрюмо грузился в самолеты. Ледяной аэродромный ветер стегал по лицам колючей снежной сечкой. До онемения студил ноги. Обжигал холодом уши. Выли турбины вспомогательных движков. Нахохлившись, как воробьи, солдаты ловили спинами их горячей выхлоп. Аэродром медленно заносило снегом.

Неопытному глазу могло показаться, что не происходит ничего. Беспорядок. Растерянность. На самом же деле шла тяжелая «пахота». В сумеречных пещерах грузовых отсеков красные от мороза солдатские руки швартовали технику. Выбеленные снегом, чем-то похожие на щук корпуса БТР оплетались швартовочными тросами и цепями. Спешно укладывались и закреплялись сотни тонн брони, тушенки, гранат, брезента, патронов, хлеба, амуниции.

Спецназ, как средневековая дружина, всегда все берет с собой. От гвоздя и валенок до

«Шмеля», промедола и кольев для палатки.

Все это вбирали в себя темные чрева «Илов».

Последним и самым, пожалуй, легким довеском ко всей этой громаде груза были сами десантники. По команде роты буквально просачивались сквозь переплетение тросов и цепей, рассаживались на сидушки вдоль бортов. Бойцы укутывались в мех воротников и, облапив оружие, почти тотчас, невзирая на холод, засыпали. Удивительная армейская привычка – использовать любое свободное время для отдыха. Бетонка пустела. Одна за другой захлопывались тяжелые стальные «челюсти» створок грузовых отсеков. Оживали движки. Длинный ряд белоснежных кораблей готовился к взлету.

За иллюминатором тронулось и поплыло куда-то назад чахлое аэродромное деревце. Корабль медленно выкатывался на взлетную полосу. Его огромный корпус вздрагивал на стыках плит, и эта дрожь напоминала дрожь сильного животного перед рывком.

Обвальный рев затопил, оглушил все вокруг, и наконец отпущенный на свободу зверь рванулся вперед по полосе, легко оторвался от нее и круто ушел в небо. «Отжалась» вниз, растворилась в белесой пелене земля. Зашипел нагнетаемый воздух, попритихли до утробного урчания движки. Спецназ покинул родную землю. Колонна «Илов» легла на заданный курс. Юго-восток. Северный Кавказ. Чечня...

Выпили разом за взлет и за посадку, за пилота и с мороза. В кармане сидушки нашли пару пустых бутылок. Водка тульского розлива. Значит, тульская вэдэдэ уже там – профессионально оценили этот факт спецназовцы.

Аэродром Моздока встретил все тем же снегом и морозом. Как будто и не улетали никуда. Так, покружили чуть-чуть и сели.

– Вот тебе и юг, – разочарованно протянул кто-то, поглубже натягивая шапку на уши. – А я еще кепку прихватил, думал, запаримся...

Рядом со взлетной полосой на земле рядами горбатились «вертушки». Ветер шевелил лопасти винтов, и издалека вертолеты походили на стаю серо-зеленых стрекоз, перебирающих перед взлетом крылами.

У некоторых «вертушек» зеленой краской были замазаны номера и знаки государственной принадлежности.

– Оппозиция, – пояснил встретивший нас офицер. – А пилоты – наемники. Пять миллионов за вылет платят...

Почему-то эта сумма сразу вызвала неприязнь к наемникам-пилотам. Пять миллионов годовая зарплата комбата спецназа. Потом, правда, выяснилось, что наемников-летчиков не было. Обычные пилоты одного из вертолетных полков. И совершают они боевые вылеты за обычную зарплату. Выплачивали, правда, премии, но не по пять миллионов...

Выгружались дотемна. Опустевшие «Илы» тотчас улетали еще за кем-то. А спецназ оставался один на один с горами снаряжения и амуниции. Для «базы» была отведена стоянка самолетов на самом краю аэродрома. В почти полной темноте начали готовиться ко сну. Стучали топоры, звенели о промерзлую землю ломы. Солдаты спешно ставили палатки. Только глубокой ночью, убедившись, что все люди расположились на ночлег, мы собрались в комнате аэродромного домика. В широкие щели на окнах ветер задувал снежную пыль. Батареи не грели. Иваныч, прапорщик из парашютно-десантной службы, взялся чинить

розетку. Отыскали и принесли «козла» – самодельный электрообогреватель. Спали вповалку на полу, засыпая практически мгновенно, едва успев залезть в спальник.

...Сквозь сон вдруг вспомнил: завтра последний день мира. Приказ быть готовым к боевым действиям через двое суток.

* * *

Из разговора с резидентом:

– Я в Грозном работаю с 90-го. Сейчас уже почти и не вспоминается, а ведь когда-то мы обеспечивали безопасность Дудаеву. Организовывали его приезд. Команда из Москвы была – помочь «нашему генералу», скинуть «красного» Завгаева! Допомогались...

Обстановка сейчас в Грозном противоречивая. Все ждут, чем закончится конфликт Дудаева и Ельцина. Воинственности, конечно, сейчас хватает. Чеченцы вообще любят оружие, любят пострелять в воздух, потанцевать с ним. Но всерьез воевать мало кто хочет.

А во-вторых, понимаешь, другой менталитет у чеченцев. Это, как ни крути, не средневековые мусульманские фанатики, выросшие на Коране в племени, как те же афганцы. Чеченцы уже давно советские люди. В смысле того, что за последние сорок лет они весьма изменились. Жили все эти годы хорошо, зажиточно жили в Союзе. Торговали, ездили на дорогих машинах, строили дома. В общем, приобщались к цивилизации. И теперь, хорошо пожив, умирать за неизвестно какие идеалы мало кто захочет.

Истерия на тему русской экспансии, конечно, поднята большая, но всерьез ее воспринимают разве что зеленая молодежь да замшелые старики. Работяги же, те, кто руками на жизнь зарабатывает, мечтают, чтобы все поскорее закончилось.

Три года люди во всей республике не получают ни копейки зарплаты. А миллиарды долларов за торговую нефть оседают у главарей дудаевских банд. И все это видят. А у чеченцев чувство справедливости сильно развито.

Дудаев держится на том, что своим полевым командирам он дал полную свободу и безнаказанность. Чечня последний год – это регион уголовного беспредела. Закон один – автомат. Русские в Чечне – парии, отбросы. Не найдешь сейчас в Грозном русской женщины моложе сорока лет: все выехали, сбежали. Потому что насилие над русской – это даже и преступлением-то не считается. Почти подвиг. Никакие заявления властями от русских не принимаются, никакие уголовные дела по преступлениям против русских не заводятся. Они – никто. Конечно, среди соседей, простых людей отношения нормальные. Помогают как могут. Я говорю о власти. О ее отношении к русским.

Дудаев честолюбив, мнителен и жесток. Его сегодняшние заявления о том, что ничего, кроме свободы для Чечни, ему не нужно, – это пыль в глаза наивным обывателям. На самом деле у Дудаева совсем другие планы. «Независимость» Чечни в них – только основа. А далее – подчинение окружающих горских республик.

За три года Чечня подмяла под себя руководство всех северо-кавказских образований. Дудаева боятся осетины. Под Дудаевым – Ингушетия, Кабарда, Дагестан, Абхазия, Карачаево-Черкессия. Лидеры их вынуждены вести свою политику, оглядываясь на Чечню, которая является сегодня силовым и финансовым лидером региона.

Мощное мусульманское государство, объединяющее весь Северный Кавказ, – вот цель Дудаева. К ней он стремится.

В этом ему активно помогают из-за рубежа. В Грозном беспрепятственно разворачиваются резидентуры Турции, Саудовской Аравии, Англии, которые тоже заинтересованы в отколе от России мусульманских регионов Кавказа.

* * *

– Не к добру это, – озадаченно сказал Михалыч, сердито топорща усы. – А-ля Саддам Хусейн. Ой, не к добру.

Говорил он о том, что за последние два дня батальону не было ни в чем отказа. Нужны валенки – пожалуйста. Пулеметные ленты – получите. «Мухи» – сколько угодно, гранат – хоть завались. «Шмели» – берите. «Начальство просто так щедрым не бывает!» – старый армейский афоризм, похоже, точен. Уже третий день спецназ в бешеном темпе готовится к боям. С утра и дотемна на стрельбище стоит грохот. Давно пристреляно все стрелковое оружие и «крупняки» бэтээров. Почти каждый «спец» стрелял из «Мухи», метнул не одну гранату. Расчеты автоматических гранатометов своим огнем почти сравняли с землей холмы, по которым стреляли. Опробовано все – от «РПГ» до «Шмеля». И все равно стрельбище не утихает.

Теперь отработка огневого взаимодействия, целеуказания, сосредоточение огня.

В лесу глушат уши взрывы толовых шашек – тренируются саперы. Прямо на дороге два бойца отрабатывают установку мин. Промерзшими пальцами раскручивают проволоку для растяжки.

Командир Никульников сосредоточен. За эти дни куда-то делась его обычная медвежья неторопливость, свойственная людям ростом за метр девяносто и весом за сотню килограммов. В нем вдруг проступила стремительность, собранность. И сам стал стройнее, что ли. Опаснее. Сейчас он действительно похож на того Никульникова, что делал в Афгане «духам» «мамину маму».

Из управления, пожалуй, только Леха Черушев не прошел Афган. Но ему хватило Абхазии, где он пробыл все два года на абхазско-грузинской войне.

– Вам завтра с солдатами в бой идти. Так вы хоть поговорите с ними перед этим. В батальоне больше тридцати человек мусульман – башкир и татар. Чем они дышат, что их волнует? Это вы должны знать, чтобы завтра очередь в спину не получить, – чеканил командир слова. – А то у нас некоторые «голубые князья» никак не поймут, куда приехали. «Тушняк» навернут и на боковую. Ничего больше не волнует.

А с солдатами работать надо, заботиться о них. Тогда они вам поверят и в бою не подведут...

...Из двадцати зажигательных дымовых патронов не сработал ни один. – Они еще и в Афгане не зажигались, – горячится зампотыл Лозовой. – Суки, гонят брак.

Действительно, «ЗДП» так ни один и не загорелся. Пришлось их выставить как мишени для снайперов. И уже вскоре весь склон обваловки стрельбища переливался алыми факелами.

Честно говоря, обидно видеть, что за пять лет, прошедших после Афгана, в амуниции и

обеспечении не изменилось ничего. Части готовились к боям с тем же оружием и в том же снаряжении, с которым они выходили из Афганистана. «Демократия» и Грачев ничего не дали армии за эти годы. Все те же тяжелые, вечно растрепанные бронежилеты, которые, даже будучи подогнанными, не закрывают жизненно важные органы. Неуклюжие, тяжелые и почти не греющие куртки. Ботинки, в которых даже в шерстяных носках ноги стынут до онемения уже при легком морозе.

Чтобы не мерзнуть, солдаты на валенки надевают чулки от защитных комплектов, отчего становятся похожими на водолазов. Офицеры греются тем, что натягивают на себя прихваченные из дома свитера, белье, шерстяные носки. В итоге «спецназовец» на морозе от всего надетого становится похожим на пожилую сторожиху перед складом.

Это, конечно, всех угнетает и служит постоянной темой злых замечаний, а то и просто забористого мата в адрес министров и президента...

– Чем эту новую обезьянью форму вводить, – говорит зампотех Мартинс, – лучше бы на эти миллиарды разработали и переделали части в хорошую теплую и легкую зимнюю форму да нормальную выкладку бы сделали...

Сам он уже третий день в свободные часы терпеливо орудует иглой, переделывая плавжилет в «лифчик».

– Я в таком весь Афган проходил. Удобный.

«Лифчик» Андрея совмещает в себе выкладку и бронежилет. Титановые пластинки прикрывают сердце, печень, живот, позвоночник и левую лопатку. Сверху все обтянуто тканью от маскети. Удобные карманы для магазинов, гранат, ракет. Примериваю и соглашаюсь. «Лифчик» действительно намного удобнее и практичнее того, во что обряжает войска Грачев...

* * *

Григорий Ефимович Погребной, несмотря на свои шестьдесят с лишком лет, бодр и крепок. Если бы не ранение ноги, казачий полковник был бы сегодня в Чечне. У него своя война с Дудаевым. Головорезы Джохара вырезали почти всю его семью. После этого Погребной пришел к Автурханову. Кроме казачьей должности, Григорий Ефимович исполняет еще одну. Он советник в Министерстве национальностей России.

Ранен был Погребной во время неудачного штурма Грозного оппозицией. Настроен решительно.

– Мне бы только подлечиться. И в строй. Надо сокрушить Дудаева.

К «оппозиции» настроен скептически.

– Без толку все это. Никогда бы они Дудаева не скинули. Зачем? Что потом делать? А так – помощь бесплатная из России, поддержка. Да и солдаты оппозиционеры – слабые. Так, один форс и гонор. Не стойкие.

Во время штурма танки с русскими вперед пустили – пошли за ними, а чуть под обстрел попали – откатились назад и даже танкистов не предупредили. Бросили.

А те расползлись по городу, заблудились, встали, тут их и начали жечь, как сено.

Я с отрядом к Госплану пробивался. Там меня и зацепило. Тоже все разбежались. Так

бы и в плен попал, если бы не один молодой чеченец. Вытащил...

Зря вообще столько сил в оппозицию вложили, столько средств и оружия. Надо было сразу вводить сюда войска, не влезая в грязь с наемниками и пленными. А так обгадили по самые уши...

* * *

Утром по «Маяку» передали – войска вошли в Чечню. Класс! А мы ничего не знаем. Только слухи. Те ушли, эти пошли... Лишь спустя час до всех довели это официально. Даже легче почему-то стало. Наконец-то! Ожидание измотало людей. Всем хотелось определенности.

* * *

В палатке инженерного пункта управления авиацией пышет жаром буржуйка. На сбитых деревянных нарах тесно от пилотов. Кто дремлет, кто негромко переговаривается. На столе разложена карта. В подключенных динамиках – радиообмен:

– ...133 – я Облако, держи связь с 133-м, он сверху работает.

– ... Понял вас.

– Пять полсотни первый, я Акула-3 (позывной одной из колонн), обстрелян из минометов в квадрате Береза-34,3.

– Акула-3, я пять полсотни первый, вас понял. Через три минуты буду там.

– Полсотни первый, я Облако.

– ...Отвечаю.

– ...Наблюдаете минометы?

– Наблюдаю. Начинаю работу.

– После атаки вам сразу выход вправо и на тысяча пятьсот. Будут работать «Грачи».

– Понял вас, Облако.

Спустя несколько секунд:

– Отработал. Занял тысяча пятьсот. Наблюдаю работу «Грачей».

– ...Что наблюдаете?

– ...Хорошо горит...

– Облако, я Акула-2, необходим санитар в квадрат «Ясень-24».

– Вас понял, Акула-2, высылаем.

И тотчас с нар поднимаются два пилота. Экипажи «санитара». У выхода их уже поджидает доктор с чемоданом. Все спешат к «вертушке». Там уже стоит «АПА» (аэродромный подвижной агрегат). Запуск. И через минуту «Ми-8» резко взмывает в небо.

Доктор, раскрыв санитарный чемодан, привычно готовит медикаменты. Обезболивающие, перевязочные материалы, капельницу.

– «Двухсотых» много? («Двухсотые» на афганском сленге – погибшие. Так и закрепилось с тех пор.)

– Я четверых привез. А вообще через Моздок десять «двухсотых» прошло. Сколько в

Беслане – не знаю.

За иллюминатором «вертушки» показался темный на белом снегу серпантин дороги. На ней – серые «коробки» бронетехники. Она стоит веером, образуя небольшое кольцо в центре. В этот центр и скользит вертолет. Земля резко наплывает, приближается. Захватывает дух, холодит в груди. Но у самой земли машина резко тормозит и плавно, легко касается дороги.

Без вопросов понятно – пилоты прошли Афган...

В распахнутый люк врывается шум винта и ледяной ветер. К «борту», пригибаясь, нестройно бегут солдаты. Четверо тащат носилки, пятый над носилками держит в руке пластиковый пакет капельницы. В свист рассекаемого винтом воздуха то и дела впечатывается какой-то треск.

И вдруг понимаешь – это же стрельба. Идет перестрелка. Звонко, заглушая звук движка, ахнул пушечный выстрел. А метрах в двадцати между двумя БМП вдруг полыхнуло пламя, вспучилась и безмолвно метнулась в разные стороны земля. Разрыв! Через долю секунды его «кашель» донесся сквозь свист винта.

Раненого укладывают на пол. Неестественно серое лицо. Пот на лбу. Бушлат расстегнут. На животе сквозь бинты густо проступает кровь. Доктор ловко перехватывает из рук санитаря капельницу и прилаживает ее к сиденью над носилками.

– Осколок мины между пластинами «броника» попал, – кричит в самое ухо врачу санитар.

Доктор кивает. Санитар спрыгивает на землю и, пригибаясь, бежит к «броню», а «вертушка», захлопнув люки, резко отталкивается от земли и, круто кренясь, уходит с набором высоты в сторону от боя.

Торопливо накрученные бинты сползают в сторону, и становится видна неестественно темная, кровоточащая рана. Но доктор рассматривает ее удовлетворенно. Потом быстро и умело накладывает повязку, делает укол.

– Осколок косо пошел. Не в брюшину, а вскользь. Выкарабкается.

Лицо раненого постепенно из пепельно-серого становится бледно-розовым. Шок проходит – видимо, действует обезболивающее. Уже на подлете к аэродрому раненый открывает глаза. Что-то шепчет. Наклоняюсь.

– Пить!

Доктор смачивает марлю и кладет ее на губы раненого.

– Потерпи. Скоро все будет хорошо.

Вертолет садится прямо на бетонку перед ИПУ. К борту подлетает «таблетка» – «рафик» с красным крестом вместе с раненым срывается с места и летит к госпиталю.

Будь жив, солдат!

* * *

Вечером после совещания – ужин. Обрыдшая тушенка, хлеб, чай, сало. Сало привезли все, кто мог. Копченое, соленое, малосольное. Вместе с головкой лука на бескормице – это изысканный армейский деликатес.

За трапезой – обмен мнениями. Заканчивается пятый день войны. Войны совершенно

невнятной, непонятной.

– По телику опять какого-то бородатого старца с ружьем гоняли. Мол, смертник ислама...

– Где они, эти смертники? Грозный окружили, а боев толком и не было.

– Сплюнь три раза.

– Плюй не плюй, но сам видишь – боевики, как вши, прячутся. Пока только женщин и детей в бой посылают...

Действительно, первые дни главной проблемой войск были толпы мирных жителей, которые блокировали дороги и поселки. Войска вязли, останавливались. Пятились. Стрелять по безоружным – не в традиции русских солдат. И людей бесило, что такие воинственные и героические по телевизору чеченские бойцы посылают вперед детей и женщин в надежде спровоцировать армию на огонь по безоружным, а сами прячутся за спинами и избегают встречи с армией. В лучшем случае их мужества хватало на то, чтобы из засады обстрелять колонну и попытаться скрыться.

* * *

Армия вышла к Грозному. Сняв все заслоны и засады, колонны войск вышли на подступы к городу. Авиация блокирует город с воздуха. Артиллерия занимает господствующие высоты.

Настает черед спецназа.

Все личные документы, фотографии, записные книжки сданы в штаб, запечатаны в конверты и убраны в сейф. Наступают сумерки. Разведывательно-диверсионные группы готовятся к посадке в «вертушки». На бетоне – ряд рюкзаков, карманы бронежелетов, курток оттянуты магазинами, гранатами, ракетницами, запасными боекомплектами. За спинами солдат – тубусы «Мух» и «Шмелей». Последние минуты перед уходом. Последние слова:

– Ты все видел сам. Мы должны быть здесь. И мы должны это сделать. Знаешь, если завтра политики остановят армию и не дадут нам взять Грозный – это будет самым подлым ударом нам в спину. Мы не желаем этой войны, но, уж если она началась, мы хотим ее закончить. И не так, как закончен Карабах или Таджикистан. А раз и навсегда.

Мы воюем здесь не за политиков. Мы воюем здесь за Россию. Попытайся это объяснить там, в Москве.

...«Вертушки» одна за другой отрывались от бетона и растворялись в серых сумерках. Спецназ уходил в бой.

Сорок четвертое декабря

... И теперь каждое утро, когда я просыпаюсь, то молюсь о них. Господи, не дай им умереть!

Пусть будет жив Леха, мой добрый Леха – «душа моя». Да минует смерть Сергеича. Ему с избытком хватает седины на висках и пуль, просвистевших над его головой. Спаси, Господи, земляка моего Игоря. Видеокамера – такая хрупкая защита. Укрой от безносой

Михалыча. Ты спас его в Афгане, сохрани и в этом аду.

Список мой длинен. В нем имена почти всех друзей. Как странно вышло вдруг, что здесь, на чеченской земле, война собрала их всех вместе: журналистов и врачей, десантников и танкистов. Почти все мои друзья на этой земле, на этой войне. Кто-то вернулся, кто-то еще там – под огнем. И опаленный войной, вернувшийся оттуда живым, я в последней своей надежде обращаюсь к Богу. Господь, не оставь их своей сенью. Сохрани! Спаси!

* * *

Эта война соткана из материи преисподней. Тяжело качающиеся рыжие, жирные факелы нефтехранилищ, черная копоть от горизонта до горизонта, нагромождение искореженных глыб металла сгоревшей техники. Руины, завалы, остовы стен, куски тел – свежие и загнившие, изломанное оружие и грязь... Грязь, взбитая, перемешанная гусеницами, колесами, сапогами, разрывами до липкости майонеза, она везде и на всем. На бинтах, на стенах, в горячей банке «тушняка» и на лицах убитых. На одежде и на оружии. По ней невозможно ходить, только скользить, но то и дело в нее приходится падать, вжиматься, спасаясь от пуль или от стервозного свиста падающей мины. Белесая и липкая эта грязь напоминает гной, и, кажется, сама земля этого города, зараженная смертью, отмирает навсегда в этом огне.

* * *

Долго лежим между обломанных «зубов» стен, переживая очередной обстрел. Сквозь кирпич плечо воспринимает глухие удары пуль. Тук-тук-тук, как гвозди кто-то забивает. Тело непроизвольно сжимается в комок.

Капитан рядом со мной молчалив и измотан. Он здесь уже десять дней – кто был бы больше, мало кого найдешь. Тут и там среди обломков стен горбатятся зеленые скаты касок и бронежилетов – солдаты его батальона. Батальон – это всего полторы сотни человек. Может, даже меньше. Батальон получил задачу выдвинуться на усиление полка, занимающего оборону впереди нас. Собственно говоря, с позиций этого полка нас сейчас и «долбят» из всех калибров. Но капитану это, как видно, достаточно привычно. Он досадливо сколупывает с брови засохшую кляксу грязи и смотрит на часы. Потом на меня.

– Минут через десять – выдохнется, а там «оборвемся».

«Оборваться» – это установить звуковую связь. Крикнуть попросту, что мы свои.

Как капитан и обещал, огонь понемногу начал стихать. Наконец поперхнулся и замолк самый настырный пулемет. Тогда, резко набрав в легкие воздух, капитан во всю глотку орет:

– Хорош х... ярить, пехота! Свои!..

Спустя несколько секунд из-за стены дома, стоящего метрах в пятидесяти, доносится:

– Кто свои? Отзовись!

– Капитан... второй батальон.

– Покажись!

Капитан еще раз глубоко вздыхает и рывком встает. Но по всему видно, как он

напружинен – чуть что юркнет в каменную щель.

Опять пауза. Наконец слышно:

– Давай сюда!

– Подъем! – негромко командует капитан.

Из руин начинают выползать солдаты. Вскоре вся площадка наполняется людьми. Батальон ротными группами перебегает к дому. Комбат и группа управления идут предпоследними.

За стеной мешанина ящиков с боеприпасами, мешков с песком, оружия, ломов, лопат и прочего военного скарба.

Капитана встречает другой капитан. Жмут руки как ни в чем не бывало, но не улыбаются.

– Прости, Игорек, «мохор» (*солдатск.* – жарг.) решил, что «чечи» в атаку пошли.

– Где ты видел батальон «чечей»?

...Капитан прав. Чеченцы группами больше десяти-пятнадцати человек не воюют. Это, так сказать, ударный отряд. А чаще – трое-пятеро. И обычно родня.

На ящичке из-под «Мух» фельдшер бинтует левое предплечье какого-то солдата. На белом бинте ярко проступает кровь.

– Сейчас? – спрашиваю солдата. Тот кивает, кривя от боли губы.

– Сильно?

– Нет, – отвечает фельдшер. – Чуть мазнуло! Кровит только...

В Грозном не найдешь сегодня офицера или солдата, не побывавшего под огнем у своих. По своим кроют все: авиация и артиллерия, танки и снайперы. Сейчас меньше, в первые дни – больше.

Войска, брошенные на штурм города, без четкого взаимодействия, организации единого боевого управления, связи заблудились, перемешались и практически остались в одиночестве. Никто не знал, где соседи, где противник. В такой неразберихе побеждают простейшие инстинкты – бить по всему, что движется. И били. Еще как били.

Командир мотострелкового полка подполковник Владимиров давно прошел здесь фазу страха за свою карьеру. И потому предельно откровенен.

– Когда я слышу рев самолета – меня просто колотит. Авиация работает преступно плохо. Артиллерия чуть лучше. Любое передвижение по городу – это однозначный огонь своих. А уж если это в темное время суток, тут и до расположения своих батальонов можно не дойти. Люди измотаны и взвинчены до предела. Полк десятые сутки в городе. Вошли деблокировать окружение после «новогоднего штурма» части. Сюда пробивались четверо суток. Тут вроде бы как дралась в окружении сводная бригада из Сибири. Так и стоит где дралась, – и комполка кивает в сторону окна. За узкой бойницей – небольшая площадь, на ней сюрреалистический пейзаж. В беспорядке, как на детской площадке игрушки, на площади замерли в самых причудливых формах десятки танков, бээмпэ. Взгляд выдерживает из общей массы невиданную конструкцию. Танковое шасси, вычурная башня, направляющие ракет, колпак локатора, стволы пушек по бокам.

– «Тунгуска», – объясняет командир, – новейший войсковой пэвэошный комплекс. – Какой мудака пригнал его сюда и зачем – ума не приложу.

Это беспорядочно разбросанное стадо сожженной техники подавляет и угнетает.
Сколько же здесь ее?

– Танков мы насчитали восемнадцать. Бэтээры не считали. Там за поворотом еще пара «шилок» стоит.

– Когда их?

– В новогоднюю ночь...

* * *

Когда-то мы узнаем имена тех, кто 31 декабря 1994 года сделал навеки черным днем Российской армии. Когда-то мы узнаем их имена, но сегодня надо знать правду о том, что произошло в ночь с 31-го на 1-е. В новогоднюю ночь в городе Грозном.

Дивизии и бригады в считанные часы дошли до центра, после чего встали, «выполнив задачу». И тогда начался ад. С верхних этажей, из подворотен в колонны ударили сотни гранатометов. Смертельно опасные в поле, но беззащитные, неуклюжие в городе, танки, бэтээры вспыхивали один за другим. По свидетельству уцелевших, колонны уничтожались за минуты.

Трагедию усугубляло то, что войска имели жесткий приказ: «От техники не отходить, в дома не входить!» – найти бы идиота, отдавшего его! Экипажи, пехота, боекомплект – все было в технике. Никто не прятался, не рассредоточивался. Гранатометчики били с крыш, куда даже при максимальном угле возвышения танковой пушки просто не достать. Это было избиение.

Из нескольких сотен танков, БМП, БТР, САУ, вошедших в город, обратно вышли единицы.

Лгут и ерничают «демжурналисты» о том, что техника у нас некачественная. У тех редких танков, которые смогли вырваться, меньше пяти попаданий из гранатомета автор этих строк не насчитал ни у одного. И практически ни у кого не был израсходован даже наполовину боекомплект.

– Я не видел целей, – сказал мне один из танкистов, – а те, которые видел, достать не мог. У меня танк, а не зенитная пушка, чтобы стрелять вверх...

От мотострелкового полка, прибывшего из Самары, осталось несколько офицеров и чуть больше десятка солдат. На девятые сутки в распоряжение наших войск вышел капитан Евгений Сурин и с ним шестеро солдат – все, что осталось от стрелкового батальона.

От танковой роты на улице Орджоникидзе остались в живых только двое рядовых – москвич Андрей Виноградов и Игорь Куликов из Лобни.

Это было преступление и безумие – загнать в город, напичканный боевиками и оружием, колонны войск. Но грачевские генералы сделали это. Позор им и презрение.

* * *

За двое суток новогодних боев мы понесли чудовищные потери – больше тысячи убитыми и пропавшими без вести.

Даже воздушно-десантные войска – элита армии, единственные действительно боеготовые части на этой войне, за эти три недели боев до Нового года потеряли убитыми двадцать шесть человек, а за двое суток, 1–2 января, – больше восьмидесяти.

Части морской пехоты были спешно доукомплектованы перед выездом моряков с кораблей. Им не дали даже недели на подготовку. Батальоны были брошены в бой, невзирая на то, что почти каждый четвертый моряк автомат в руки впервые взял три дня назад...

К штабу дивизии у горбольницы прибыл сводный полк Закавказского округа. Ротный одного из батальонов бесхитростно спросил: «Где тут можно пристрелять оружие, все новое со складов, не пристрелянное».

Через несколько часов этот батальон был уже введен в бой...

Вообще слово «сводный» – самое распространенное в группировке. Им маскируется та степень развала, до которой дошли войска под руководством «главверха» Ельцина и министра Грачева.

«Сводный» – это значит набранный с «бору по сосенке». Не осталось в Российской армии полнокровных частей и соединений, и потому на войну торопливо собирают все, что можно собрать.

От дивизии собирается «сводный» полк, куда «забивают» всех, кто не может отвертеться от войны. И даже в «сводном» виде этот полк едва укомплектован процентов на пятьдесят...

В «сводных» полках, брошенных на Грозный в новогоднюю ночь, сплошь и рядом экипажи знакомились друг с другом на марше, а уж ни о каком боевом сколачивании подразделений речи не шло.

Один типичный диалог:

Танкист рядовой Еремеев. Из самарского «сводного» полка. Документов у танкиста нет.

– Ротный собрал.

– А как фамилия ротного?

– Не знаю. Нас ему 31-го передали. Не успел запомнить.

– А где он сам?

– На Первомайской сгорел...

Даже в десантных войсках за громкими словами «дивизии», воюющие на том или ином направлении, скрываются «сводные» два-три батальона...

Умываясь своей кровью, под непрерывным огнем противника «сводные» полки становятся боевыми полками, а «сводная» армия чеченского похода становится боевой армией. Становится... но какой ценой?

За три недели боев в одной только Северной группировке из строя выбыло больше тысячи человек убитыми и ранеными...

* * *

Наверное, таким, как этот пехотный комбат, был артиллерийский капитан Тушин у Толстого. Невысокий, плотный, чуть лысеющий, весь какой-то мужиковатый майор Иван Петрович больше похож на тракториста. Сходство усугубляет замызганный до бесцветности

грязью бушлат, прокопченные руки.

Батальон Ивана Петровича неторопливо, но упрямо идет к центру Грозного. В день одна-две улицы.

– Так боевой устав, дорогой мой, читать надо, – убеждает меня, хитровато улыбаясь, Петрович. – Уставы же, не зря говорят, кровью пишутся. В городе роте на день ставится задача взять улицу. Батальону – квартал. У нас, считайте, под ружьем (как раньше говорили) чуть больше трехсот бойцов вместо пятисот положенных. Нам квартал – сложно. А вот пару-тройку улиц – возьмем с божьей помощью.

Сначала на улицу просачивается разведка. Если противника там не обнаруживает, то занимает верхние этажи, крыши, а на улицу входят штурмовые группы. Они «чистят» дома и подвалы.

– Каждую квартиру проверь, в каждый закуток залезь, – инструктирует в который раз уже комбат. – Боишься – закатай впереди себя гранату, только за угол не забудь спрятаться, да посмотри, чтобы стенка не из фанеры была.

После того как группы «сядут» на дома, на улицу броском выдвигается боевая техника – батальоны, бэтээры и «Уралы» с минометами?

Их сразу рассредоточивают, маскируют среди домов так, чтобы были полностью укрыты от огня гранатометов, занимают оборону, а разведка опять идет вперед.

Петрович совершенно стоически выслушивал льющийся на него из наушников поток отборной матерщины какого-то старшего начальника, требующего «немедленно... броском... с ходу... вперед...» После чего батальон вновь неторопливо двигается по Грозному.

Тактика простая и, как мне кажется, очень эффективная. За неделю боев в батальоне Петровича всего двое убитых и трое раненых. За это же время, как сообщил «по секрету» начальник штаба, «вычистили» больше сотни боевиков.

– Товарищ майор, к вам женщина просится, – докладывает какой-то солдатик из охранения.

– Чеченка?

– Нет. Русская.

Вопрос резонный. Дней пять назад в расположение батальона пришла чеченка. Спросила командира. А потом вытащила из кармана лимонку... Еле выбить из рук успели, благо, она толком и не знала, как с ней обращаться.

– Дети есть? – спросил ее на допросе Петрович.

Давясь слезами, та кивнула:

– Д-двое.

– И что тебе больше делать нечего, как с гранатой бегать по городу? Муж есть?

– Нет. Убили.

– Сейчас?

– Нет. Год назад.

– Так какого же хрена ты дурью маешься?

– Тесть послал.

– Тесть?.. А что же он сам не пошел?

– Старый. Плохо ходит. И у него жена новая. А я вдова. В доме тесно, сказал, детей

воспитает сам.

С напутствием тестю оторвать женильный аппарат женщину выгоняют из расположения...

– Русская? Веди!

Заходит женщина. Как все гражданские люди в этом городе – без определенного возраста. Усталость, грязь, изнеможение. Если она скажет, что ей тридцать – поверишь, но если скажет, что пятьдесят, тоже поверишь.

– Здравствуйте, – спокойно здоровается она. Обводит взглядом всех. Останавливается на Петровиче, сразу признав в нем начальника. – У меня сверху живет чеченец из дудаевской контрразведки. Он сейчас дома вещи собирает. С ним еще четверо. У них автоматы и труба, которой танки жгут. Я могу проводить.

– Где это? – спрашивает Петрович.

Женщину подводят к карте. Она называет адрес. Уточняют, как пройти.

Наконец комбат вызывает разведчиков. Ставит задачу сухощавому старшему лейтенанту. Женщина вызывается проводить, но ее оставляют в штабе. Возможно, «на всякий случай»...

Пока ожидаем разведку, слушаем бесхитростный ее рассказ.

Нина Сергеевна по профессии – воспитатель в яслях. Была. Муж – инженер-нефтяник. Двое сыновей росли. Незадолго до прихода к власти Дудаева муж Нины Сергеевны, родом из Краснодар, сам казак, увлекся историей Сунженского казачества, ездил по станицам, встречался с людьми. Была у него мечта возродить сунженское казачество.

Через месяц после прихода к власти Дудаева за мужем пришли. Вооруженная группа чеченцев. Без ордера, без вещей мужа забрали и увели. Больше его Нина Сергеевна не видела. Старшему сыну было в ту пору семнадцать, младшему – четырнадцать. Через полгода после восемнадцатилетия старшего тоже точно так же ночью увели. Младшего Нина Сергеевна вывезла в станицу к знакомым. Там сейчас и живет.

– Почему сама не уехала?

– Жить у чужих людей горько. Да и хоть какая-то надежда оставалась – вдруг вернутся...

Где-то неподалеку вдруг начинается перестрелка, но сразу резко обрывается.

– Все «чики-чики», командир. Двоих взяли, остальных «завалили». Вести?

– Нина Сергеевна, вас сейчас старшина покормит, есть хотите, небось? Даст продуктов с собой, чем богаты, поделимся. И проводит. Не надо, чтобы ваш сосед вас видел.

Но женщина неожиданно жестко возражает.

– Нет, я не уйду. Пусть этот гад меня увидит. Он, сволочь, полтора года мне в лицо скалился: что, мол, тварь русская, извели твоё семя?

Заводят двоих. Солдат вслед заносит четыре автомата, самодельные подсумки с магазинами и трубу гранатомета.

Один высокий, сероглазый, лет двадцати пяти. По его заметавшимся глазам понятно – он и есть сосед. Второй лет тридцати пяти, смуглый, бородатый.

– Обыскали?

– Так точно.

– Есть что-нибудь?

На ящик перед комбатом ложится удостоверение дудаевской службы безопасности и какая-то бумажка с арабской вязью. Петрович их внимательно изучает, потом обращается к разведчику.

– Этого, – он кивает на молодого, – в штаб. Ты знаешь, к кому. А этого оставь.

Сероглазого выводят. В дверях ему дорогу заслоняет женщина.

– Извели нас, говоришь? – неожиданно срывающимся голосом говорит она. – Это вас, сволочь дудаевскую, изведут, как бешеных собак.

И неожиданно низко кланяется комбату:

– Спасибо вам, родные мои. Ничего мне больше не надо.

– Старшина, проводи, накорми и дай консервов. Понял?

– Есть, товарищ майор.

Остается пленный. Комбат долго на него смотрит, потом вдруг спрашивает что-то на незнакомом языке.

...Вот уж не ожидал, что мужиковатый Петрович еще и языки знает. Скорее догадываюсь, чем понимаю – спрашивает на каком-то из афганских наречий.

Пленный молчит. Но по его черным блестящим глазам, жестко упершимся в пол, видно, что слова комбата он понял.

Комбат еще что-то спрашивает. Пленный опять молчит.

– Ладно, все ясно, – переходит на русский Петрович. – «Душок» это. А кто, откуда – неважно. Афгана мало было, так еще и сюда, сука, приполз.

– Ивашов, – обращается он к разведчику, – отведи его.

Старлей кивает и подходит к душману. Ствол «АКСа» тычет ему в бок в сторону двери.

Смуглое лицо душмана вдруг сереет до землистого, покрывается бисером пота, он шумно дышит через ноздри. Его выводят. Вскоре где-то неподалеку гулко бьет короткая очередь.

На полу в углу остаются четыре трофейных автомата и «РПГ» 1991 года выпуска...

* * *

Уже сейчас ясно – чеченская война стала водоразделом в постсоветской истории Российских вооруженных сил. Эта война развеяла все иллюзии относительно той роли, которую сыграли в обороноспособности государства некоторые политики того времени.

При планировании и подготовке операции были допущены грубейшие просчеты и ошибки, руководство не смогло даже приблизительно вскрыть и выявить реальные силы Дудаева. В течение нескольких недель войска получали неправильную информацию. В результате произошел грубейший просчет в замысле и организации начального этапа – российская сторона силами всего нескольких частей воздушно-десантных войск начала наступление на чеченскую группировку, превосходившую по численности нашу в два с половиной раза.

Можно только восхищаться стойкостью и боеспособностью наших солдат и офицеров,

которые смогли в условиях численного превосходства противника, отсутствия четкой информации и разведки смять все его заслоны и выйти к Грозному, несмотря ни на что.

Солдаты и офицеры полны решимости драться до конца. Многие солдаты, у которых закончился срок службы, отказываются уезжать из частей до взятия Грозного. В двухнедельных боях уцелевшие части получили боевой опыт и теперь уверенно ведут наступление на дудаевские позиции.

* * *

В поисках пропавшего без вести солдата иду с доктором в морг Моздока.

На окраине гарнизона площадка, огороженная колючей проволокой. Несколько брезентовых палаток. От внимания не ускользает, что груба печки торчит только из одной...

У прохода в колючей проволоке – сгущающийся в сыром тумане часовой. Пройдя мимо горы огромных дощатых ящиков, сворачиваем у палатки, скользя все по той же вездесущей грязи, и перед глазами открывается запредел – вся площадка морга забита рядами носилок. На каждом тело, обернутое в металлическую фольгу, ту, которую хозяйки используют для жарки и тушения. Из-под фольги видны только подошвы сапог. Почему-то неосознанно начинаю их считать. Сбиваюсь, немного не досчитав до ста.

– Этим повезло, – философски объясняет мне военврач одной из частей внутренних войск. – Опознанные. На отправку.

Некоторые тела под фольгой странно плоские и короткие, некоторые, наоборот, горбатятся. Из-под ближайшей фольги торчит только один сапог...

У входа в «жилую» палатку – елочка. Память о Новом годе. На елочке все из той же фольги вырезанные звезды, ленты, какие-то игрушки. Запредел...

Главный в морге – бородатый майор Юра. В палатке жарко натоплено. На столе перед Юрой чай в кружке и гора документов. Обгорелые, простреленные, некоторые в засохшей крови – хоть сейчас под музейное стекло – память Чеченской войны.

Разговор наш обычный для Юры.

– По документам такой не значится, – отвечает он, перелистав свой блокнот.

Блокнот, я вижу, плотно исписан.

– Те, кто его вытаскивал, говорят, он без ноги был, – объясняет доктор.

– Ты знаешь, сколько у меня безногих лежит? – раздраженно спрашивает Юра, потом успокаивается. – Нет у меня такого. Ни 6-го не привозили, ни позже.

– А среди неопознанных? – опять заводит свое доктор.

Юра вздыхает.

– Неопознанные у меня почти все с 1-го числа. До сих пор везут. Среди «свежих» – неопознанных почти нет, по крайней мере такого, какого ты описал, точно нет.

Увидев неудовлетворенные глаза доктора, Юра опять вздыхает, потом обращается к здоровому рыжему старшине.

– Отведи их в «музей». Пусть ищут.

«Музей» – палатка. В ней – «неопознанные». Мы молча и подавленно идем мимо рядов все тех же носилок с телами, но уже без фольги. Обезглавленные, обрубки, обгоревшие до

кости, развороченные до неузнаваемости, просто куски тел. Над всем – жуткий запах горелого мяса, тряпок, солянки, человеческих испражнений и дух сырого мяса. Мутит.

В палатке у Юры врач извиняется за настойчивость. Юра не обижается. У входа стоит майор в летном.

– Генерал прилетел. Говорит, сын его здесь лежит – лейтенант-танкист. Хочет сам его забрать.

Юра долго листает свой блокнот.

– Сергей Петрович? – спрашивает он у летного майора имя убитого.

– Да. Генерал его заберет. Он сам летчик.

– Пусть в Ростов летит. Позавчера еще отправили. Красивый был парень...

Уже перед уходом спрашиваю Юру:

– Что с «музеем» будет?

– Ничего. В холодильнике – и в Ростов. После войны всех разберут. Еще не хватит...

По грязевой реке, называемой улицей, навстречу шагает колонна солдат. А из головы все не выходят ряды сапог, торчащих из-под фольги. И один без пары.

И становится страшно. Очень страшно – до озноба. Я вдруг понимаю, что тех, «из музея», уже никто никогда не опознает. Они навеки – неизвестные. Разве что Господь узнает их по именам. Людям узнать это уже не дано.

Я был почти на всех войнах, гремевших на пространствах бывшего Союза за последние четыре года, но никогда не мог представить подобного. Я патриот армии, я знаю, что режим Дудаева нужно было сокрушить. Но я никогда не мог себе представить, что за пять лет до начала третьего тысячелетия жизнь русского солдата и офицера будет цениться столь дешево.

Даже в Афганистане в самые тяжелые кровопролитные операции не допускались такие потери, какие понесла Российская армия с 1 по 10 января 1995 года. В Афгане снимались погоны, лампасы, звезды, но солдат и офицеров берегли! Останавливались операции, перегруппировывались части, изменялись планы и сроки, но людей берегли!

Чеченский поход останется памятником русскому духу, мужеству, стойкости русского солдата и офицера, которые в очередной раз показывали всему миру, что не сломлена Россия, жива ее армия.

...Уже перед сном вдруг вспоминаю слова Юры: «После войны всех разберут. Еще не хватит». И ко мне приходит странное успокоение – что ж, все-таки у каждого из этих павших вновь появятся родные и близкие...

* * *

Части все плотнее обкладывают дудаевский дворец. Теперь все поменялись местами. Из жертв армейцы стали наконец охотниками. Небольшие штурмовые группы нащупывают бреши в чеченской обороне и буквально «разъедают» ее. Рассказывают легенду о том, как спецназовцы ночью за полчаса без единого выстрела взяли Институт нефти и газа, перед которым пехота трое суток топталась.

Теперь огромные потери несут чеченцы.

Все чаще и чаще на рабочие волны наших станций выходят чеченские командиры с

просьбами уважить веру и позволить собрать трупы своих бойцов. Наши не возражают. Веру надо уважать. В ходе таких диалогов все чаще звучат пока еще осторожные вопросы «полевых командиров» на тему того, что будет с теми, кто добровольно сложит оружие. Многие из них понимают, что шансов с боями вырваться из города почти не осталось.

По всему видно – перелом произошел.

– Какое сегодня число? – спрашивает уже перед сном капитан-артиллерист из батареи, прибывшей утром на усиление.

– 44 декабря, – отвечает кто-то из темноты.

– То есть как? – удивляется капитан.

– Ты Новый год встретил?

– Да. Выпили по стакану в эшелоне, – вспоминает капитан.

– А мы нет, – отзывается кто-то из темноты.

– Поэтому для нас все еще декабрь. Вот вернемся, поставим елочку. Обнимем жен с детишками, выпьем в полночь «шампани» – тогда и январь наступит. А пока еще декабрь. 44-е сегодня...

А я почему-то вспоминаю моздокский морг. И те сотни тел на носилках, для которых так никогда январь 95-го не наступит, даже если на памятнике и будут эти цифры. Но хандра быстро проходит на войне. 44-е так 44-е. Завтра 45-е. И так хочется, чтобы для всех-всех этих усталых русских мужиков настал побыстрее долгожданный Новый год. Очень затянулся этот безумный кровавый декабрь 94-го...

Затмение войны

В эту ночь луна ушла в тень земли...

Нас разбудил прапорщик – старший по лагерю. В морозном мартовском небе высоко над огромным военным «табором», над заиндевевшими стволами пушек, «набычившихся» в сторону еле различимых во тьме гор, над причудливыми сетями антенн, над трубами походных печек, тускло угасал съедаемый тьмой фонарь луны. Было жутко и холодно.

На войне только жизнерадостный дурак, да разве что «свежий» генерал не верит в мистику, не верит в приметы. Для остальных война – это еще и знамения, знаки, приметы. И, не сознаваясь в этом друг другу, стесняясь, каждый внимательно и нервно следует своей системе знаков и символов.

Не сфотографируешь летчика перед полетом, не заставишь танкиста вернуться за забытой вещью. А тут затмение... Куда дальше?

И уйдя за лагерь, в поле, ополоснув наскоро лицо водой из фляжки, я молился в эти минуты. Не о спасении, нет. На войне быстро привыкаешь не просить у бога многого.

Я молился и загадывал о малом – уехать из лагеря после затмения, увидеть до отъезда полную луну.

И, глядя на гаснущий серп, на наливающиеся светом звезды, чувствуя густеющую тьму, я вдруг ощутил чье-то присутствие над собой. Словно увидел себя со стороны. На высеребрянной подмороженной земле, в поле, под звездами. Кто молился обо мне в эту ночь? Кто вспомнил меня?

И кто-то там, на небесах, услышал молитву, и после всех привычных армейских задержек колонна потянулась к горам уже под черненой, как серебряный старинный «пятак», луной. И, сидя на броне, вдыхая упругий морозный ветер, я с каким-то чувством благодарности смотрел на луну. Как будто она стала моим союзником, как будто мы были связаны с ней каким-то уговором.

Колонна – громко сказано. Бэтээр, «КамАЗ» да «ЗИЛ»-«наливник». Вот и вся колонна. Полтора десятка бойцов да мы – слишком плохо вооруженные для солдат и тем не менее военные для вражеского прицела. Но нам повезло. Мы проскочили без «сучка». Первый привал на развилке в горах. Сожженный, разбитый остов БМП. Сколоченный из досок крест. Фамилии павших. Четыре дня назад здесь в засаду попала колонна пехоты 135-й бригады. Говорят, гранатометы били так, что разрывы их сливались в очереди. Бой шел почти сутки. У подножия креста – мятые обгорелые каски, чей-то сапог, обрывки свитера. Под ногами густо рассыпана шелуха стреляных гильз.

Уже доехав до базы отряда, мы узнаем, что на дороге попала в засаду и ведет бой одна из колонн, вышедших после нас...

Вообще-то, сегодня уже дней пять, как война закончилась. Официально объявлено, что боевые действия в Чечне прекращены, войска остановлены и готовятся к выводу. Я вспоминаю об этом, когда земля под ногами начинает сотрясаться от залпов орудий. Наша группировка штурмует кишлак Белгатой. За ним основная цель – Дарго. За Дарго – только горы. Деваться «духам» некуда. И потому дерутся они яростно.

Вообще все перемирия, замирения видятся здесь совсем иначе, чем в Москве. Это там – для высоколобой, красиво одетой публики, для изнеженных дамочек, для «мерседесных» мужчин, эта война – шоу, в котором на сцену может вдруг выскочить конферансье и крикнуть: «Антракт».

Никакое перемирие сейчас невозможно. Война идет на том «молекулярном» уровне, на котором плевать на указы и приказы. Война идет на площади пять на пять километров. И на расстоянии ста метров до амбразуры чеченского гранатометчика, поджегшего танк, в котором были твои друзья. Поэтому пехотному комбату глубоко до фонаря политики, Дудаев, дембель и орден, Москва и мир. Есть только одно желание: добить врага. Опрокинуть и гнать! Это сегодня высшая мораль «пятака» земли, именуемого кишлак Белгатой, и сотен русских и чеченских мужиков, дерущихся здесь. Для ПОЛЯ боя нет середины. На нем есть только победители и побежденные, иного не дано. Есть наступающие и есть отступающие. Сегодня мы наступаем, сегодня мы давим их.

Впрочем, о мире никто особо и не вспоминает. Разве что «мир» является темой для насмешек и шуток. Ахнул залп «ураганов».

– «Миротворцы» полетели, – скалится ротный. – Запылал дом – «трубку мира» закурили, – мрачно сплевывает артиллерист.

Мир будет когда-то потом. Мир видится нам кишлаком Дар го, по которому мы обязательно пройдем.

На горизонте – высота. Обычная «номерная» высота.

– Видишь вершину? – спрашивает меня командир батареи.

– Ну?

– В прошлом году летом мы стояли на ней, но со стороны Ведено. Дошли и остановились по чьему-то приказу. Не добились их тогда, отошли. Теперь в тридорога берем эти же горы. Ну да ничего, возьмем!

– А перемирие?

Комбат смотрит на меня как на больного.

А командиры артвзводов орут во всю силу легких:

– Цель номер четыре! Залпом!

И с протяжкой-паузой, для «дружности»:

– О-о...гонь!

Все тонет в грохоте и в пыли.

– Забывай гильзы, мать твою! – срывается комбат к крайнему оружию. Под откос сползает сбитый на откате колесами ящик. Но, уже опережая комбата, какой-то сержант, воткнув в землю перед сползающими ящиками гильзы, яростно лупит по ним с размаху другой гильзой, вгоняя в землю для лучшей опоры пушки. Латунный звон гильз разносится над батареей набатным колоколом. А комвзвода вновь орет, надрывая глотку:

– Цель номер шесть! Снаряд – на лоток!

* * *

С передовой подъезжает МТЛБ. С брони сгружают раненых и убитого. Все – экипаж подбитого танка. Сам он в полутора километрах впереди, еле видимый на склоне, разгорается и чадит черным копотным столбом. Наводчик тяжело стонет в бреду. Лицо его, выше губ, в пелене бинтов, на которых медленно расцветает алое пятно крови. Механик-водитель с раздробленной ногой меланхолично смотрит в землю. То ли в промедоловой «нирване», то ли в прострации от контузии. Убитый на носилках замотан в плащ-накидку. Из-за склона горы вырывается «вертушка» – «Ми-8» – и тут же начинает, не торопясь, пристраиваться на посадку, чем-то напоминая большую наседку.

– Кто такой? – кивает в сторону убитого авианаводчик.

– Не знаю, – отвечает лейтенант, старший на МТЛБ, – говорят, разведчик сидел в башне. Не наш...

Подходят еще солдаты. Распеленывают брезент. Лицо погибшего. Сине-черное от страшного взрыва внутри машины. Никто его не узнает. Отходят, качая головами. Опять пеленают тело в брезент.

«Вертушка» касается земли, и солдаты, пригибаясь от ветра, начинают перетаскивать раненых в вертолет. Последним на носилках несут «двухсотого».

Раненые – «трехсотые».

Закрываются двери и, взревев движками, «вертушка» отрывается от земли, с глубоким креном, «опрокидывается» в пропасть за дорогой, но тут же выравнивается и исчезает за скатом горы.

В МТЛБ, привезший раненых, грузят ящики с боеприпасами. Патроны, снаряды, выстрелы к РПГ. Наконец, изрядно осевший под грузом боевого железа, тяжело урча движком, уходит за поворот на передовую.

Над окраиной аула жирно и густо стелется дым горящей «семьдесят двойки»...

На этой войне много легенд сложили о подвигах десантников, спецназовцев. И это правильно – «спецы» покрыли себя громкой славой. Но все же главный пахарь этой войны – пехотинец. Именно пехота отмеряла гусеницами своих БМП и танков весь долгий путь – от Грозного до предгорий Кавказского хребта.

Обычный пехотинец с автоматом Калашникова в руках, «Мухой» за плечами и гранатами в оттопыренных, штопанных-перештопанных карманах брал Шали и Самашки, Аргун и Грозный, Первомайское и Бамут.

Он познал за эти месяцы и опьянение побед, и бессильную ярость перемирий. Он терпел голод и холод, жрал конину, пил из луж. В двадцатый раз зашивал ползущую по швам, выходявшую все мыслимые сроки «мабуту».

Пехотный офицер, не отличимый от своих солдат, в грязи, в поту, в мазуте и гари вел своих солдат на штурм опорных пунктов и сел, сбивал с горных вершин засады, стиснув зубы организовывал бой в окружении, вытащив один патрон из магазина и спрятав его в карман.

* * *

Комбриг 166-й Цыганков – кряжист и стремителен. Бригада накапливается для штурма на обратных скатах высоты 439.0, господствующей над Белгатоем. Пока разведка изучает подходы к кишлаку, комбриг, стоя между двумя БМП, склонившись над картой, ставит задачу командирам. Неподдалеку грохочет минометный разрыв. Все инстинктивно пригибаются. На карту падает вывернутое взрывом крошево земли. Комбриг досадливо смахивает землю ладонью.

– Начальник артиллерии, в конце концов, заткнешь ты эту суку или нет? – раздраженно спрашивает он майора, стоящего рядом. – Обработайте хорошенько вот здесь, – он тычет карандашом в карту. – Заодно и «птурсников» выкурите.

Артиллерист тотчас же хватается за тангенту радиостанции, стоящей у ног.

Комбриг лезет в карман за сигаретами. Вместе с пачкой из кармана тянется широкая зеленая лента с белой вязью арабских букв. Налобная повязка боевика. Его талисман. Повязка из дорогого бархата, заботливо расшитая – явно не простого «духа».

– Разведчики мои вчера принесли, – поясняет комбриг. – Накрыли опорный пункт «чехов», только ключья летели...

При ближайшем рассмотрении вся повязка в ломкой коросте засохшей крови...

166-ю бригаду называют здесь «железной». Сначала называли ее так по позывному, да так и пошло, но уже из уважения. Бригада с ноября на передовой. Начинала еще с Первомайской, где девять дней лежала в снегу и грязи, сначала блокируя радуевскую банду, а затем наравне со «спецами» штурмовала село. Потом – наступление на юг. Теперь вот эти горы.

– У нас за плечами два Алероя, два Центороя, – шутят в бригаде. То есть кишлаки с одинаковыми названиями, одни – на равнине, другие – уже в горах.

Воюет бригада смело, расчетливо.

* * *

...Видимо, Лев Толстой что-то перемудрил, но на войне очень сложно оставаться Пьером Безуховым. Сторонним наблюдателем. Бесстрастным свидетелем. Уже через сутки в сознании прочно закрепляются два понятия: «мы» и «они». Мы – это русские. Армейцы, эмвэдэшники, штурмующие эти горы. «Они» – «чехи», «духи», «нохчи» – чеченцы, дерущиеся против нас. Бьет артиллерия – «наши работают». Прошелестела пуля над головой – «их» снайпер целил. Да и тебя самого уже вскоре видят «своим». А привыкнув к тебе, оценив крепость твоих нервов, послушав за стаканом чая или водки твои мысли, тянут за рукав: «Пошли, снимешь «душка» подстреленного»; «Там оружие захватили – идем покажу».

Нет, Пьером Безуховым на войне быть невозможно. Разве что иностранец может быть здесь таковым. Впрочем, доморощенных «иностранцев» среди пишущих о Чечне хватает. По большей части тех, кто любит говорить: «Эта страна» и имеет удивительную привилегию – за считанные часы находить и брать интервью у Дудаева...

* * *

В войсках этому генералу дали кличку Шаман.

– Во, видишь, Шаман опять колдует... – уважительно говорит мне пожилой солдат-контрактник, показывая на вершину горы. Там, еле видный, сидит, склонившись над картой, генерал...

Отсюда, с вершины, открывается странный, почти мистический вид. Подпирает горизонт седой от снегов Кавказский хребет, а у его подножия, между холмов, раскинулись кишлаки.

Те самые, за которые мы деремся. И война разворачивается под нами, как в странном театре, приближенная к глазам артиллерийской оптикой. Перебегают солдаты, ведут огонь танки, горят дома. И в душе вдруг рождается странный холодок прикосновения к чему-то высокому, закрытому для человека.

Там, внизу, в сплетении улочек, среди стен, заборов, садов, дерутся насмерть в крови, поту, ярости сотни людей, для которых мир сузился до прорези прицела, в который ловят каждое движение врага. И им невдомек, что сверху за всеми ними наблюдает кто-то еще.

Я зачарованно, долго слежу за боем, пораженный этой неповторимой возможностью вдруг увидеть войну со стороны, с высоты. С тех вершин, с которых разве что древние боги наблюдали за жизнью людей...

Шаманов – легенда нашей группировки. Солдаты его почитают как бога. И причин тому предостаточно. Он бережет людей. Воюет расчетливо, хладнокровно. Что там говорить – только наша группировка на сегодняшний день справилась с поставленной задачей, вышла к крайней точке наступления – кишлаку Дарго. Другая группировка еще не взяла Ведено...

Генерал – бывший десантник. Лишь пару лет назад после окончания академии он сменил эмблемы с парашютами на общевойсковые.

Чеченцы боятся одного его имени. Истерично докладывают Дудаеву о наших успехах, преувеличивая нашу численность и качество подготовки. Почему-то величая все наши

бригады «спецназовскими». Мы, впрочем, не в обиде. Грешит, так сказать, самолюбие.

Штаб Шамана развернут на вершине горы, господствующей над местностью. Внизу кишлак Центорой – его взяли три дня назад стремительным броском. Не ждали «духи» такой скорости от Шамана. Откатываясь с перестрелками от Алероя, они рассчитывали, что армейцы останутся передохнуть, перегруппироваться. Ведь сколько уже пройдено. Коммуникации растянуты. Пополнений нет. Но генерал решил иначе. И буквально на плечах чеченцев ворвался на эту высоту. «Чехи» только-только окопы начали рыть, когда моторизованные группы сбили их с высот. Этот бросок был полной неожиданностью. И «духи» побежали, бросая в панике технику, вооружение, амуницию. Армейцы захватили крупный узел связи, склады с боеприпасами и амуницией. Кстати, литовской. Новенькие шинели, камуфляжи, обувь. Все с гербами Литвы. Это к вопросу о нейтралитете прибалтов...

Сейчас генерал управляет боем. Что-то чертил на карте. Размышлял. Наконец подозвал комбригов.

– «Духи» закрепились вот здесь и здесь, – указывает он точки на карте. – На обратных скатах вот той высоты у них минометы. С этой вершины они простреливают аул. Виктор Васильевич, – обращается он к комбригу 16-й, – силами штурмовой группы и разведчиков надо сбить их с этой высоты и закрепитесь там. Оттуда и кишлак как на ладони, и минометы «духов» с обратных скатов собьете. Готовьте людей. В одиннадцать нанесут удар «Ураганы» – вот сюда и сюда. С одиннадцати тридцати до часу будет работать авиация. А потом уже ваша очередь...

После постановки задач вершина пустеет, и генерал садится на раскладной стульчик и надолго замирает, наблюдая за полем боя под ним.

Вздрыгнула гора от грохота разрывов «Ураганов». Салютом расцвели в небе гроздь тепловых ловушек, отстрелянных штурмовиками. Ахнули разрывы бомб. Вся огромная военная система группировки пришла в движение согласно воле своего командующего.

– Сюда даже генерал Ермолов не дошел, – говорит вдруг генерал.

И в этих словах его то ли скрытая гордость оттого, что он, русский генерал, доделывает сегодня то, что не успел, не смог полтора века назад другой русский генерал. А может быть, горечь оттого, что спустя полтора века русскому солдату вновь приходится с оружием в руках умирять эти горы, поливать их своей кровью. Кто знает...

* * *

...Штурмовая группа готовилась к выходу. Кто-то торопливо доковыривал ножом тушенку из банки, кто-то набивал пулеметную ленту. Кто-то дремал, положив голову на бронезилет. Молодые ребята. Пулеметчик в бандане – рокерской косынке. Снайпер – в перчатках с обрезанными пальцами. Гранатометчик, светлый, в очках, с наушниками плеера в ушах. Если бы не оружие, не амуниция, не эти горы, то один в один – молодежная тусовка где-нибудь в Москве или Ярославле. Но здесь война, и мальчишки готовились к ней. Это штурмовая группа бригады. Те, кому приходится идти первым, взламывать духовскую оборону, драться насмерть. Мальчишки? Бойцы!

– Подъем! Строиться! – буднично говорит командир. Сам он не намного старше своих

солдат. Без знаков различия, также увешанный оружием, он почти неотличим от них, но слово его, чувствуется, здесь ценят. Группа быстро выстраивается в две шеренги.

– Шмотки не брать – их тылы заберут. Старшина проследит, – поясняет командир. Все «Мухи» – на себя. Наверху дополучим «Шмелей» и выдвинемся к высоте 437.0, оттуда по гребню пойдем вон на ту высоту, – командир указывает шомполом на один из пологих хребтов внизу. – Задача – взять высоту и закрепиться. Все ясно?

– Понятно, командир, – нестройно отзывается «братва».

– Тогда – по коням! Налево! Шагом марш!

И строй неторопливо зашагал к БМП, стоящим неподалеку. Рассаживались быстро, привычно. И через минуту боевые машины уже были похожими на какие-то средневековые пиратские челны. Разномастные сиденья от автомобилей, подушки, бронежилеты, стволы, ящики с боеприпасами, тубусы одноразовых гранатометов. Все вроде бы вперемешку, в беспорядке, а на самом деле все на месте, все под рукой, все по-боевому...

На башне одной из БМП колонка от магнитофона.

Взревели движки. Лязгнули гусеницы. Командиру протянули руку, и он легко вскочил на броню, сел на заботливо подsunутую козровую подушку. Надел танковый шлем, прижал ларингофоны к горлу.

– Вперед!

Качнулись на месте и тут же рванулись, как пришпоренные лошади, БМП. А из колонки динамика донеслось, тая в воздухе:

– Комбат, батяня! Батяня, комбат!
Ты сердце не прятал за спины ребят!..

* * *

К вечеру кишлак Белгатой был взят. И отряд спецназа МВД «Русь» начал его зачистку.

* * *

Обратно мы улетахи на армейской «вертушке». На борту, кроме нас, уезжавшие по замене офицеры: раненый ротный и «двухсотый». Раненый хмур и зол. Оказывается, его чуть ли не силой засунули в «вертушку». Не хотел улетаать, оставлять роту.

– Пять осколков в нем, – кричит мне в ухо доктор. – Третий день носит. Температурит. А уперся – ни в какую, не полечу!

Под ногами – носилки. На них тело – «двухсотый».

– Сегодня?

– Нет. Три дня назад. Только нашли. Разведчик, – кричит в ухо доктор. – Сунулись в кишлак – а там духов, как вшей. Еле отбились. А он в темноте потерялся. Ранен был в ноги.

Изувечили всего. Глумились, суки! Отрубили руки, голову...

Сердце хватает боль. Что перенес этот русский солдат? Великомученик чеченской

войны. Теперь, среди своих, он отправился в свой последний путь домой.

– Кто он? Откуда?

– Старший сержант Соколов. Контрактник. Со Смоленщины...

Со Смоленщины? И вновь сердце остро укусила боль. Земляк!

Бедная ты моя Смоленщина. Откуда только не возвращали тебе тела твоих сыновей. Из Вьетнама и с Кубы, из Афгана и Карабаха. Теперь из Чечни. И так обезлюдевшая, обобранная, нищая, сирая. В какое село держит свой последний путь великомученик старший сержант Соколов? К каким – покосившимися от времени и разорения хатам, к каким полям? На какой погост ляжет он навеки? Не отвечает Соколов, молчит.

Прими же, Господи, душу солдата русского, прими и со святыми упокой!

На «северном» раненого и «двухсотого» забирает «санитарка», а мы вновь отрываемся от земли и летим на брющем в Моздок.

Там, в аэропорту, прощаемся с пехотными капитанами, те едут в отпуск. Решили поездом – так надежнее. Уже у ворот вдогон спохватываемся:

– Деньги есть?

Капитаны растерянно переглядываются:

– Откуда? Зарплаты три месяца не видели. Только требование – на билеты и консервы, на дорогу.

– Берите, братцы, – и в ладонь одного из них ложится наш «командировочный полтинник».

– Не благодарите. Не за что!

– Будьте живы, мужики!

– И вы будьте!

...Должен российский офицер, возвращаясь с войны, выпить четыре чарки.

Первую – за Победу!

Вторую – за солдата русского!

Третью – за упокой павших!

Четвертую – чтобы за нас подольше третью не пили...

Мира не будет

ВЕДЕНО

...Ночью умер доктор. Просто уснул и не проснулся. Он лежал на койке молодой, сильный, красивый, а мы молча стояли вокруг него. Сознание отказывалось воспринимать эту смерть. Умер не от пули, не от осколка, не от выстрела врага, а от того, что в глубине этого крепкого молодого тела сердце вдруг устало от этой войны, от ее грязи и боли. Устало биться и остановилось.

Настроение было – ни к черту! Лил долгий; нудный дождь, развозя в болото лагерь отряда. Низкое мертвенно-серое небо источало на землю ледяные колючие струи, которыми то и дело стегал по лицу безумный горный ветер. Расстояние в пару десятков метров между

палатками превратилось в полосу препятствий, когда на каждом ботинке налипало по пуду глины и каждый шаг на скользком крутом склоне требовал сноровки и хорошей координации.

Воистину, дождь в горах – особый катаклизм. Еле тлели в буржуйке сырые чурки, затягивая палатку едким дымом и не давая тепла. Все отсырело и пропиталось водой. Чавкала грязь под ногами, противно лип к спине холодный, сырой камуфляж. Дробно барабанил по брезенту дождь. Еще и док умер...

Мы штурмовали древнюю Ичкерия – самое сердце Чечни – Веденский район. Хотя, что значит штурмовали? Мотострелковая дивизия, сбив дудаевские блоки и засады, забралась в эту горную долину и остановилась. Войны не было.

«Чечи» слишком ценили и любили эту древнюю Ичкерия. «К комдиву потянулись ходоки-посланцы из окрестных аулов, лукаво клянясь в миролюбии и верности, а на деле готовые подписать что угодно, хоть договор с Иблисом – мусульманским дьяволом, лишь бы выжить, выдвинуть отсюда армию. Не дать ей сделать здесь ни одного выстрела.

Это там, в долине, в чужих кишлаках они легко и безжалостно подставляли чужие дома под русские снаряды и бомбы. Это долинным чеченцам пришлось познать на себе весь ужас этой войны: руины разрушенных кишлаков, пепелища родных домов, смерть и страх. Здесь же горные «чечи» поджали когти перед русской военной мощью, замерли. Это их гнездо, это их вотчина. Ее они хотели сохранить любой ценой.

И дивизия поневоле втягивалась в эту игру. Привыкшая воевать, стирать с лица земли опорные пункты врага, ломать огнем и железом его сопротивление, она сейчас неуклюже и недовольно занималась миротворчеством – переговорами с бородачами, с какими-то юркими администраторами, делегатами, послами, у которых была «пришита» к губам улыбка, а глаза блудливо шарили по округе, не то подсчитывая технику, не то просто прячась от наших глаз.

И комдив, и послы отлично понимали всю лживость и неискренность подписанных бумажек и данных обещаний, потому переговоры шли ни шатко ни валко. Как-то по инерции, лениво и безразлично.

Армейский же народ – солдаты, взводные, ротные – мрачно матерились в адрес переговорщиков.

– Смести тут все к такой-то матери. Выжечь это змеиное гнездо, забросать минами, чтобы еще лет пять они боялись сюда вернуться. Вот дедушка Сталин мудрый был. Знал, как с ними обращаться. Без бомбежек и жертв. Гуманист!

...Хрена ли дадут переговоры! У них здесь логово. Мы уйдем – они опять сюда все стащат. И оружие, и технику. Базы развернут. Рабов нахватают по России. Сжечь бы здесь все дотла!

Но жечь не давали. Война замерла в предгорьях Ведено.

Кто на этой земле сразу и безоговорочно принял русских, так это животные. Почти в каждом экипаже, в каждом взводе кто-то живет. Где пес, где кот, где петух. Однажды на дороге встретился БТР, на броне которого, среди солдат, раскинулся... медвежонок, а на голове его ловко сидела военная кепка.

У псов клички как на подбор – Джохар, Нохча, Шамиль.

Вообще создалось впечатление, что все, кто только не был привязан за шею веревкой к

чеченским домам и заборам, переметнулись к русским: коты, собаки, птицы. Видимо, с избытком познали они особенности чеченского характера. Баранам вот только не повезло. Судьба у них одна – при любой власти.

Ведено по-чеченски – «плоское место». Плоскогорье. Когда-то здесь был последний оплот Шамиля. После взятия русскими аула Ведено Шамиль отошел в горы, где в кишлаке Гуниб и был пленен. Сегодня все повторяется с точностью до наоборот. Сначала мы взяли Гуниб – теперь вот Ведено.

Сразу бросается в глаза нетронутость земли и запущенность сел. Нигде ни клочка вспаханного, нигде ни лозы виноградной, ни сада. Грязные покосившиеся заборы, плетни. Труд здесь явно не в традиции и не в почете. «Русские, нам нужны ваши бабы, мы их... будем, и ваши руки, чтобы вы на нас работали», – еще совсем недавно регулярно философствовал в эфире какой-то чеченский радист. В этой формуле – вся их мораль. Радист был нахальный, любил залезать на наши частоты и порассуждать о «русских свиньях» и «чеченских героях». Это его и подвело. Гэрэушный спецназ засек место, откуда тот вещал. Вместе с «философом» накрыли здесь целый радиоцентр. Завалили десяток «чечей» и местного командира. А радист на своем опыте убедился, что русская рука может не только пахать, но и вполне аккуратно вгонять пули в «героические» чеченские лбы.

Но здесь, в Ведено, воевать не дают. В селах открыто ходят, поплеывая сквозь зубы вслед бэтээрам, бритые наголо бородачи, в глазах у которых застыла волчья тоска по чужой крови. Они нынче «мирные», с ними подписан «договор»: Уйдет дивизия, и вслед за ней уйдут в долину эти. Уйдут убивать, грабить, мстить. Но сейчас тронуть их «не моги» – миротворчество.

«НЕУГОМОННАЯ».

19-ю мотострелковую дивизию «духи» прозвали «неугомонной», потому как вот уже полтора года она мотается по Чечне из одного края в другой, гоня банды и отряды, беря города и аулы, сшибая засады и опорные пункты. Бравшая Грозный, воевавшая в Северной группировке, она потом брала Аргун и Гудермес, дралась под Ведено и Бамутом. Сейчас она вновь здесь. Но ненадолго. Скоро ее полки уйдут под Шали, где, по данным разведки, скопилось до полутора тысяч боевиков, потом, скорее всего, двинется на северо-восток. Вот уж точно – «неугомонная» дивизия...

Но война – не праздник. За «неугомонность» дивизия дорого платит. За полтора года она потеряла триста человек убитыми и около полутора тысяч ранеными. При штатной численности в семь-восемь тысяч человек – это почти четверть состава. Нет здесь роты или взвода, где не было бы своего скорбного списка потерь...

Но если бы дело было только в боевых потерях – куда болезненней, тяжелей переживаются потери иные. В дивизии с горечью и болью говорят о бывшем командире одного из полков полковнике Соколове и начальнике разведки этого полка капитане Авджяне. Оба были своего рода легендой дивизии. Об их подвигах при штурме Грозного можно рассказывать очень долго. Оба были представлены к званию Героя и оба были... изгнаны из дивизии и из армии. «Вина» их заключалась в том, что в пылу боя, захватив трех

«духов», солдаты попросту не довели тех до штаба. Уж больно нагло и вызывающе те себя вели. Глумились, кричали, что из лагеря выкупятся и вернутся сюда посчитаться с «русскими свиньями». В общем «завалили» их. Да вот оказались они ни кем иными, как из тейпа (рода) самого Завгаева, а того тогда с помпой на царство сажали. В рот ему смотрели. Вот, чтобы угодить, да и наказать образцово-показательно, полковника и капитана с должностей сняли и отдали под суд «за самосуд». Дивизию это так взорвало, что еще чуть-чуть, и батальоны пошли бы громить прокуратуру. Начальство одумалось. Судить офицеров не стали, но все равно выгнали. Незаслуженно и позорно. И боль эта до сих пор берedit дивизию, не забывается...

Воюет «неугомонная» с каким-то особым азартом. Своим неповторимым почерком. Начальник артиллерии, невысокий, плотный полковник с внимательными цепкими глазами, рассказывал:

– Вот месяц назад мои работали, это – да! Одна батарея стояла в Ингушетии, другая – под Ведено, а «Мста» (САУ) под Хасавюртом. Так снаряды клали по целям всего в ста метрах от нашего переднего края. И ни одного – по своим. Все – в цель. Пехота потом благодарила...

Даже мне, далекому от артиллерии человеку, была понятна гордость артиллериста. Такая работа – действительно высший класс!

На штабном столе – газета «Щит и меч».

В ней историческая справка о первой Кавказской войне. О той, которая была в прошлом веке. Нынче, я так понимаю, – «вторая» кавказская. Оказывается, на той войне, «согласно «Сборнику сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закавказском крае в 1801–1855» (Тифлис, 1901 год) в кавказской войне 1801–1864 годов потери российских войск составили:

В число безвозвратных потерь не включены военнослужащие, умершие от ран и погибшие в плену. Кроме того, по мнению составителей сборника, число умерших от болезней на Кавказе в три раза превысило число погибших на поле боя. Потери среди мирных жителей достигли около 20 000 убитыми и ранеными. Таким образом, за 64 года войны безвозвратные потери военнослужащих и мирного населения России составили не менее 77 000 человек.

Наибольшие потери (по числу погибших офицеров) понесли пехотные и егерские полки (364 убитых офицера из 804) и казачьи части (126).

Среди погибших в Кавказской войне – 13 генералов и 21 командир части.

Спасибо газете, просветила! Чего не знал – того не знал.

Мы за полтора года войны потеряли убитыми уже под три тысячи человек... В Афгане таких потерь никогда не было.

Теперь есть. С горечью понимаю – не чеченцы так хорошо воюют. Мы – так плохо.

За пять лет «демократии» армию развалили и разложили. В том же Афгане была четко отлаженная система боевой подготовки. Любое подразделение, любой солдат и офицер

обязательно проходил подготовку в учебном центре под Ташкентом и лишь после этого направлялся в Афганистан.

Воевали там полнокровные боевые части. Офицер заменялся через два года. Вместе с солдатом.

А что в Чечне? Полнокровных частей почти нет. Сплошь и рядом какие-то сводные полки и бригады, сформированные наспех, кое-как. Пополнение пребывает прямо из военкоматов – необстрелянное, необученное, неподготовленное. Офицеров заменяют каждые три-четыре месяца. Только командир начинает входить в курс дела, разбираться в обстановке, умело воевать – как замена. Приезжает новый – и все заново. Учеба, потери, опыт... Нет-нет да и услышишь от солдата: «Мы тут по полтора года вшей кормим, под смертью ходим, а командиры наши как перчатки меняются...».

Нет, не в чеченцах дело. Душманы были куда более опытные и обучены. Дело в нас самих. Армия разучилась воевать. И учится теперь заново, только вот цена за эту учебу слишком высока. Каждый второй убитый мог бы жить...

МЫ ВЫХОДИМ НА РАССВЕТЕ...

«...по горам гуляет ветер.
Поднялися наши мысли до небес.
Только пыль под сапогами.
С нами бог и с нами знамя
И тяжелый АКС наперевес...»

– «компот» из Киплинга и бытовухи Чечни напевает под гитару разведчик-офицер «грушного» спецназа. Он командир группы. По секрету прошептали: тот самый, который Радуева в засаду поймал. Обычный русский молодой мужик. Ничего рэмбовского или шварценеггерского, а за душой – полтора года войны. Не счастье, сколько рейдов в тыл к «чехам»; и кроме Радуева, на счету еще не один десяток «духов». Вообще настоящих «спецов» определить может только опытный на войне человек. Увешанных оружием до бровей в камуфляже и модных «разгрузках» здесь сколько угодно. Но до «спецов» им – как до неба! Настоящий же разведчик обычно в ношеном-заношеном горнике – обычной студенческой брезентовой ветровке – и таких же штанах. И оружия на нем – ровно столько, сколько надо – без излишков. Ни тебе крутых камуфляжей, перчаток без пальцев и тому подобных прикамбасов.

«Спеца» можно узнать по лицу, выдубленному ветрами, непогодой, солнцем и холодом, ставшему каким-то особенно смугло-загорелым.

– Вся жизнь – на улице. Как у волков, – смеется командир «спецов». – Я вот даже начал подшерсток отращивать и когти... – Майор скребет ногтями густую растительность на груди.

Под утро лагерь «спецов» опустел. Группы ушли в горы. Гитара осталась в спальнике ждать хозяина.

ЗАМЕНА

– «Плафон» запросил «вертушку». Она будет через полчаса, – объявил командир. «Плафон» – позывной авианаводчика, закрепленного за отрядом. Позывной плавно перешел в кличку. Плафон – сухощавый блондин – в миру, то есть вне войны, летчик на «Ан-12». Сейчас он кутается в дождевик на площадке приземления, а в штабной палатке разборки:

– Я сам хочу остаться, – в который уже раз тянул свое невысокий крепыш, командир группы. – Я знаю людей. Они привыкли ко мне. В обстановке разбираюсь. Заменюсь через месяц.

– Командир, ну хочет человек сам. Почему не оставить? Заменит связиста, у него тоже скоро срок выйдет, а прапорщик его только недавно прилетел, справится, – поддерживал «отказника» другой комгруппы.

Командир отряда – подполковник Спиридонов, бывший десантник, подытожил коротко:

– Ты – летишь! Собирайся, скоро «вертушка». Хочет, не хочет... Не дети! Вышел срок – домой. Случись что – я сам себе никогда не прощу. Усталость есть усталость. Отдохнешь – вернешься...

Заменяются по-разному. Кто-то, демонстративно зачеркивая день за днем на календаре, отсчитывая свой срок, готовится за неделю к отлету. Кто-то лишь успевает торопливо схватить рюкзак со шмотками, вернувшись с гор и опаздывая на «вертушку». Похоже, пожалуй, всегда одно – это грусть при расставании. Тяжело оставлять здесь друзей, кошки скребут на душе. Словно виноват этим своим отъездом. И очень часто при расставании слышишь: «Ждите, братцы! Не задержусь...».

Вот возвращаются сюда действительно здорово. С сумками подарков, гостинцев, писем, водки. Возвращаются весело, с каким-то странным чувством легкости освобождения от мирной жизни. И, попадая в крепкие объятия друзей, вдруг ловишь себя на мысли, что томился без них. Тосковал там, в мирной Москве, по этим людям, по этому делу...

ГВАРДЕЙЦЫ И МУШКЕТЕРЫ

Как на любой войне, здесь плохо делится слава. Каждый норовит отщипнуть кусок побольше и доказать, что именно он (его полк, его род войск) сделал войну. А заодно за глаза «оторваться» на соседей.

Армейцы язвят по адресу ВВ – внутренних войск, вэвэшники – той же монетой платят «советам» – так называют армейцев. И те и другие поругивают десантников и спецназовцев, а те, в свою очередь, не прочь проехаться насчет пехоты и танкистов. Летчикам достается от всех сразу.

Все ревниво подсчитывают, кто где больше воевал, кто какие города брал, кто больше завалил «чечей».

И наблюдая за этой перепалкой, вдруг ловишь себя на мысли, что все это очень напоминает сюжет Дюма – о бесконечной вражде гвардейцев кардинала и мушкетеров короля. Суть в ином.

Приходит приказ, и вся ревность – побоку. Пехота штурмует дудаевские укрепрайоны, окружает поселки. На «зачистку» внутрь этих змеюшников идут внутренние войска и части

МВД. Где-то в горах шуршат «чечей» «спецы».

У каждого свое дело на этой войне.

Славой потом сочтемся...

А вообще – все очень устали. Устали люди, устала техника, устало оружие. Отряд спецназа, принявший меня к себе, уже полтора года не вылезает с этой войны. Когда-то новенькие, с нуля, бэтээры теперь напоминают больных стариков, особенно в те моменты, когда машины, сопя и кашляя, как астматики, на пределе изношенных своих движков еле карабкаются в горы. Рябые, с выгоревшей от бесконечной стрельбы краской стволы пулеметов. Штопаные-перештопаные камуфляжи, измочаленные, драные палатки. Полтора года войны! Три последних месяца в горах безвылазно. Сотни километров дорог. Десятки кишлаков. Потери. Бои.

Люди на пределе измотанности, усталости. И все же это отряд! И все же это русские со своим странным русским менталитетом, когда никто не жалуется, не клянет судьбу, а вернувшись с гор ночью и получив новую задачу, наутро безропотно начинает готовиться к рейду. Заправляет, торопливо чистит свои измотанные, выходившие весь мыслимый ресурс бэтээры. Набивает патронами ленты и магазины, заряжает аккумуляторы радиостанций, латает ползущие от ветхости ветровки и штаны. И лишь под утро забывается на пару часов во сне. Черном, глубоком, без сновидений.

А потом, проглотив наскоро каши с рыбными консервами – тушенка давно закончилась, как закончились хлеб и масло, – рассаживается по броне и – вперед! «Мы выходим на рассвете...».

Чем дольше воюешь здесь, тем отчетливее понимаешь – война была неизбежна. Даже если бы 11 декабря 1994 года мы не вышли сюда, через полгода-год Дудаев бросил бы вызов России. Теперь он мертв, этот наполеончик Кавказа. О русские штыки сломалась, разбилась его мечта о всекавказской мусульманской республике, где под Чечней бы оказались Ингушетия и Дагестан, Абхазия и Осетия. Он не жалел на это денег и оружия. Русские вот только помешали...

Чеченцы дерутся здесь не за Родину. Где их родина? Всю древнюю Ичкерию можно советской копеечкой закрыть на карте. Все остальное пожаловано было когда Кировым, когда Хрущевым. Захвачено, обобрано и переварено. Но и этого не хватило. Чеченские кланы глубоко впились в Россию. Живущие по средневековым законам, беспощадные, ненавидящие всех, сплоченные, они хорошо знали, чего хотят, покоряя, подчиняя себе область за областью. Якутские алмазные копи и московские банки, каспийскую рыбу и волжские автозаводы – все улавливали чеченские финансовые сети.

Нет, не Россия объявила войну Чечне. С Россией велась война. Подлая, беспощадная, лукавая. «Нам нужны ваши руки, чтобы работать на нас!» – вот их лозунг. И потому мира не будет, не ждите. И выбора у нас нет. Нам некуда уходить. Война идет на нашей земле, за нашу землю.

Лишь русская боевая сталь способна усмирить их. Вогнать в землю тех, кто завтра готовится уехать «на дело» в Москву и Питер. Кто убивает, грабит, насилует.

Я видел русского раба, четыре года отбатарчившего в Дарго. Его глаза невозможно забыть.

Я видел русскую старуху – ей сорок два года.

В Грозном убили ее мужа и сына, о судьбе тринадцатилетней дочери она не знает ничего...

Я видел здесь такое, что, наверное, глаза мои давно должны были почернеть от ужаса и ненависти. Как, впрочем, у любого солдата на этой войне...

Нет, мира не будет. Его нам никто не даст. И это вызов, который необходимо принять.

Мир мы можем только отвоевать...

Выходные в Бамуте

– Бамут никогда не возьмут! Дышь тыбля (честное слово)! – С издевкой провожал меня в командировку один московский чеченец. – Русской ноги никогда не было в этом селе. Только ваши пленные и рабы. Мы никогда его вам не сдадим.

Сам Хасан защищать родную Ичкерия не спешил, имея неплохой доход с украинок, которыми торговал где-то в центре Москвы...

Бамут взяли за четыре дня. Командовал штурмом Шаман – генерал Шаманов, который за считанные месяцы к полному изумлению не привыкшей к такому темпу московской публики, к ужасу и панике дудаевцев разгромил и разорил считавшиеся доселе неприступными Даргинский, Веденский укрепрайоны и теперь вот Бамутский.

Брали Бамут красиво. «Чехи» за год зарылись здесь в землю, как говорится, по самые брови. Настроили дотов, дзотов, нарыли траншей, ловушек и блиндажей. Командовал обороной один из любимцев Дудаева, правая рука Масхадова Ахмед Закаев. Под ружьем у него было около тысячи боевиков из отборных дудаевских частей. Полк спецназа «Борз» (Волк), личная гвардия Дудаева, отряды наемников с Украины, Афгана, Саудовской Аравии и Турции. Артиллеристы, инженеры и корректировщики-дезертиры, перевербованные пленные из России, безнадежные предатели – и потому озверевшие, отчаянные. Под сотню гранатометов, птурсов, танки, орудия, системы залпового огня. Плюс выгодный рельеф – село почти на три километра утягивается в ущелье, извиваясь среди лесистых вершин, господствующих над равниной, где стояли русские части. Плюс подземелья бывшей ракетной базы, способные выдержать ядерные удары. Плюс поддерживающая с тыла Ингушетия. В общем, все для того, чтобы сделать Бамут неприступной твердыней...

«Бамут никогда не возьмут!» – эту скороговорку, как заклинание, твердили на грозненских базарах, писали на стенах, скандировали из толпы.

Бамут – твердыня! Бамут – символ! Бамут – надежда! Трижды русские подходили к Бамуту и трижды откатывались, оставляя после очередного многодневного штурма «в лоб» горящую технику, убитых и раненых...

Но Шаман решил иначе. «Чехи» привыкли, что русские на этой войне наступают шаблонно, вдоль дорог, по открытым местам, на технике, подставляясь под чеченские гранатометы, залетая в засады, умываясь кровью. И оборона «чеховская» строилась с этим учетом – фронтом к долине, к дорогам, к полю. Но русские в этот раз действовали иначе.

Войска развернулись перед фронтом обороны, отвлекая и обманывая «привычной тупостью» чеченцев, не подставляясь, впрочем, под их огонь. А через горы, по лесам в обход

Бамута, пошли ударные штурмовые группы мотострелковых бригад, усиленные разведротами и ротами спецназа.

Привыкшие считать леса своей вотчиной, жившие здесь как дома дудаевцы не позаботились о том, чтобы хоть мало-мальски укрепить Бамут со стороны гор. Не ждали, не верили. Не было такого. И это был шок, когда на тропах, на дорогах снабжения, в местах «лежек» и «схоронов» они вдруг наткнулись на беспощадных жестких русских, которые буквально выкашивали ничего не понимающих, расслабившихся, утративших бдительность бойцов Аллаха. Сотни их умерли в этих лесах, так и не успев осознать, что же произошло.

И началась паника. Немногие уцелевшие в засадах, в огненных мешках «духи» затравленно бросались обратно в Бамут, принося вести о наводнивших леса русских спецназах, о идущих через лес «полчищах «орусов». И фронт рухнул. Каждый думал только о себе, о своей шкуре. В панике бросая технику, амуницию, «борзы», «нохчи», «вайнахи», разбежались по лесам, стараясь просочиться сквозь русские заслоны и засады. Это был полный разгром.

На четвертые сутки разведчики 166-й бригады водрузили знамя над Бамутом.

К полному позору дудаевцев, сам Бамут был взят практически без боя. Ужас и паника парализовали их волю к сопротивлению.

В субботу 25 мая все было кончено. Бамут пал.

ПОСЛЕДНИЙ ПАШКИН БОЙ

Горный лес в Чечне бойцы прозвали кавказскими джунглями. Деревья, увитые плющом, густой орешник, трава – по пояс. Крутые, скользкие от опавшей прошлогодней листвы склоны. Духота, шум ветра, шелест листвы, какофония птичьих криков. Видимость десять-двадцать метров. Точно, джунгли!

Разведрота 166-й бригады пробиралась сквозь лес, обходя с севера Бамут. Точнее – уже обойдя. Он остался где-то справа и позади. Рота спускалась к долине реки, вдоль которой шла одна из основных «духовских» дорог, по которой обычно осуществлялись перегруппировки войск дудаевцев.

Передовой дозор углубился в густой орешник на седловине между двух вершин в предгорье Бамута. И здесь, как это часто случается на войне, прямо из пустого кустарника навстречу разведчикам выкатилась густая толпа «духов».

В такие мгновения все решают секунды – кто раньше успеет среагировать, вскинуть автомат, упасть на землю.

«Духи» явно не ожидали увидеть здесь русских...

Встречный бой в лесу – жесток и страшен. Встречный бой в лесу – это драка в упор. Это жгучие брызги мозгов на лице из разваленной очередью в упор черепной коробки «духа». Это хриплое дыхание врага, его чесночная вонь. Топот, мат, крики. Вой пуль. Это чьи-то гранаты, прыгающие по склону у ног. И нет времени оглядеться, нет окопа, чтобы спрятаться, нет никакой тактики действий, нет тыла. Только заросли перед тобой, только чьи-то силуэты, мелькающие в них, «кипящая» от пуль листва. Грохот очередей.

Нет разума, нет расчета. Только звериные, реликтовые инстинкты.

Упасть! Развалить густой кустарник впереди очередью. Перекатиться.

Озвереть от ожога чужой пули, проникшей вскользь в бедро.

Рвануть кольцо гранаты и, швырнув ее в сторону, откуда прилетела пуля, метнуться за гнилой пень, что в паре метров слева, и за ним торопливо оторвать от ствола пустой магазин. Рычаговым движением забить полный и, передергивая затвор, вдруг прыгнуть в сторону, почувствовать каким-то шестым чувством летящий к твоей «лежке» выстрел из «граника».

А потом полуоглушенный разрывом, уже поставив на себе крест, смирившись со всем на свете, с пояса, в полный рост рубить очередями кустарник, фигуры, мечущиеся в нем, и пьянеть от этой свободы от жизни, от будущего и прошлого. Орать, не слыша самого себя:

– Вали их, братва!!! Вали «чехов»! Все здесь сдохнете, суки!

...Их было семеро разведчиков против полусотни «духов», вдруг выкатившихся из кустарника навстречу готовому дозору. Можно было залечь, отойти, спрятаться, но слишком велика была ненависть к душманам и слишком долго копилась она в этом изматывающем рейде, и дозор, вместо того чтобы спрятаться, замереть, отойти, пошел в атаку. Растерянные, раздавленные таким напором «чечи» отхлынули, залегли. Но вскоре сообразили, что русских совсем мало, и сами пошли в атаку.

В этот момент чеченский снайпер тяжело ранил пулеметчика Сергея Прибыловского, и уже дозору пришлось занимать оборону, чтобы дожидаться своих, торопливо спешащих к месту боя. В этой неразберихе к Сергею кинулся его друг Паша, рядовой разведроты Павел Нарышкин.

– Отходи, Пашка, мне не уйти, – зажимая рану, прохрипел Сергей. Но, не обращая внимания на огонь, Паша взвалил на себя раненого и потащил к толстому стволу поваленного дерева, за которым укрылись разведчики. Перевалил его через ствол и вдруг осел, упал ничком – «духовская» пуля ударила прямо в сердце...

Ему было всего девятнадцать лет, рядовому Паше Нарышкину.

«Нет большего подвига, кроме как того, кто положит душу за други своя», – сказано в Библии. Вечная тебе память, русский солдат Паша!

Потом подошли огневые группы, и «чехи» в панике покатались вниз по склону, оставив на нем пятнадцать своих трупов и горящий танк, который подожгли гранатометчики разведроты. Потом была Победа...Одна на всех – как в песне. И на Пашу тоже...

ЛУЧШЕ БЫ МЕНЯ...

Комбат из 136-й плакал. Неумело, непривычно, давясь редкими, едкими слезами, выкатывавшимися из его темных кавказских глаз. Комбат был дагестанец. И бригада его была дагестанской, 136-я, сформированная в Дагестане. Воевала с осени прошлого года умело, расчетливо. Почти без потерь. До Бамута...

Батальон комбата блокировал Бамут с юго-востока, и именно здесь зажатые в полукольцо дудаевцы пошли на прорыв.

– ...лять, я такое только в кино видел, – почти хрипел, стараясь удержать от рыданий голос, комбат. – Они цепями, как немцы в Отечественную, прут на нас. Обкуренные, орут: «Аллах акбар! Аллах акбар!» А у меня по половине боекомплекта осталось на человека.

Рукопашная началась.

Один доктора схватил за плечо: «Ты кто?!» Тот его в упор из автомата завалил, и его самого тут же снайпер «снял». Только вздохнуть успел так тихо-тихо после выстрела. И умер...

Лучше бы я оттуда не вернулся... Андрей погиб. У него только недавно отец умер. Мать еще из больницы не вышла. Все хотела сына увидеть...

Комбат потерял в этом бою четырнадцать человек. Почти все – солдаты-срочники. Мальчишки. Дудаевцы оставили там больше сотни своих трупов... Но легче от этого комбату не было. Он плакал по своим. Пил водку и снова давился слезами...

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

...Последний раз Костю я видел под Белгатоем в марте, когда он, кривясь от боли, припадая на простреленную ногу, ковылял от привезшей его МТЛБ к «вертушке», куда уже загрузили тело погибшего разведчика, где мычал что-то в промедоловом дурмане обгоревший танкист.

В рокерской косынке с черепами, злой, еще не отошедший от боя, Костя уже из распахнутого люка крикнул братве, загружавшей МТЛБ с красным крестом ящиками с боеприпасами:

– На мое место никого не брать! Не задержусь!

И вот все тот же Костя, в той же косынке и самопальном «разгрузнике» сидел рядом на броне бээмпэшки разведроты. Он не задержался. Наскоро подлечившись, сбежал сюда. Шел наравне со всеми через горы, тащил, как и все, на себе боеприпасы. Бился со встречными отрядами «чехов». Брал Бамут.

– Не могу я уже без них, – кивает Костя в сторону разведчиков, воробьями облепивших броню, – прикипел к братве, к работе этой.

Я же доброволец-контрактник. Здесь мне – по кайфу! Настоящие люди не продадут, не бросят. И враги – что надо. Злые, беспощадные, хитрые. Таких и «валить» приятно. Нет, я здесь своим делом занимаюсь. Чем больше я здесь «нохчей» в землю вгоню, тем легче потом в России будет. Это же зверье. Мы для них никто. Быдло. Вот я и отучаю их от эгоизма...

В кармане «мабуты» Костя таскает зеленый берет и ухо того белгатойского «духа», который убил Костиного друга и которого, в свою очередь, завалил Костя.

Моего земляка Николаича я тоже последний раз видел под Белгатоем. Все в той же заношенной трофейной кожанке он больше похож на таксиста, чем на механика-водителя БМП. Тогда, под Белгатоем, его БМП была уничтожена чеченским ПТУ Ром, а сам он чудом остался жив, выброшенный взрывом из люка. Сегодня он все так же за рычагами БМП. Прошел Дарго, Ведено, Гойское. Теперь вот – Бамут.

Николаич переживает, что давно нет писем из дома. В последнем дочь написала, что приболела. Жена вроде бы должна была лечь в больницу. Помочь надо, а денег им послать он не может по причине полного их отсутствия. Деньги в далекой Твери, откуда, собственно, и набиралась бригада. Чтобы получить их, надо для начала туда вернуться. Только вот когда?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Под утро из леса вернулась разведка, чудом оставшаяся в живых. Там, в лесу, оставшись по вине одного разгильдяя без связи и приборов ночного видения, разведчики до глубокой ночи отлеживались в кустарнике, боясь шевельнуться, а по лесу, буквально в десятке метров, шарились «духи», переметнувшиеся в другой район.

Связисту, не зарядившему аккумуляторы, тут же, на окраине, набили морду, чему он не слишком огорчился, справедливо посчитав, что набитая своими морда – это не отрезанная «чехами» голова...

В этот день в Бамуте заработала баня. Тот, кто мерз до бесчувствия ночью в засаде, кто глотал взбитую пыль, кто брел по грязевому руслу оврага, скользя и падая, кто спал среди разбитых стен под дождем, тот знает, какое это счастье – баня!

Организовал ее невысокий бородатый доктор бригады.

Доктор был родом из Донецкой области, чем сразу стал мне симпатичен в силу некоторых личных обстоятельств. Но вдвойне симпатичен он стал, когда выяснилось, что во дворе полуразбитого дома, где расположилась «медицина», не просто баня, а баня с парилкой!

В небольшом кирпичном сарайчике кипела на стальной печке вода в котле, сама печь, полузасыпанная булыжником, буквально дышала жаром. Со всех окрестных домов сюда стащили тазы, шайки, баки, бидоны. На веники пошли ветви дуба, росшего неподалеку.

То нэ пэрэдаты! – як кажут на Украине. Горячий сырой жар выдавливал из тела промозглую ночную выстуженность, ласкал, разминал избитые усталые ноги. Выметал из души страх и запредельное напряжение прошедшей ночи. Баня – праздник. Баня – лекарство. Баня – наслаждение. И когда наконец-то растершись полотенцем до особого скрипа отмытой кожи, мы вывалили на улицу, Бамут стал иным.

Он больше не был чеченской твердыней, вражеской крепостью. Он вдруг стал нашим – близким, родным, русским. В нем было солнечно, тепло и спокойно. И хотя то и дело рвались где-то за окраинами снаряды, перестреливались с кем-то «блоки», здесь, в чеченском Бамуте, наступило обычное русское воскресенье.

Потом мы долго-долго пили духовитый с костра чай, разморенно откинувшись на спинки стульев, притащенных откуда-то солдатами. Жмурились на солнце, подставляя ему свои белые, незагорелые тела. Говорили ни о чем и обо всем сразу.

А вечером, собравшись во дворе, где жили разведчики, уже водкой, по-православному, поминали павших, пили за победу, за нас, за Россию.

В это воскресенье Бамут стал русским...

ПЕРЕМИРИЕ

...Моздок был перекрыт наглухо. Сотни солдат и офицеров бесцельно слонялись вокруг КП авиации в надежде на «борт». Но тщетно. Самолеты не летали. Потому как в Чечню прилетел «сам».

Часа в четыре из дверей КП вышел один из пилотов и, глубоко затянувшись сигаретой,

посмотрел на толпу, а потом сообщил:

– Ну что, новость слышали? Конец войне. Нам запретили вести какие-либо боевые действия. Перемирие. Переговоры. Мать их...

Толпа заволновалась, как встревоженный муравейник.

– Опять будет как прошлым летом, – горячился пехотный подполковник. – Кому перемирие сейчас нужно? Нам? Да мы их только-только баз основных лишили, гонять начали. И – на тебе – мир! Сейчас опять дадут «духам» передышку, те переформируются, отлежатся, отъедятся, перевооружатся – и начнут по новой.

Такого удара в спину армия не знала давно. Разгромленным, рассеянным дудаевским бандам был подарен мир. У армии в очередной раз украли победу...

Я ВЕРНУСЬ

...Мне снится эта война. Снятся эти горы. В душной московской квартире во снах ко мне приходят люди, которые остались там. Их улыбки, их рукопожатия. Их тяжелая святая солдатская работа.

Я не знаю, почему меня тянет туда. Может быть, потому, что в липком клейстере нынешней жизни, с ее обманами, изменами, властью денег и подлости, они там настоящие, истинные в своей ирреальной, кровавой и страшной действительности. Там тяжело и опасно, но там меня никогда не предаст «Гюрза», разделит последнюю банку тушенки Игорек. Мне всегда найдет спальник комбат Крым, а случись что – вытащит на себе Костя Питерский.

И, чудом оставшись в живых, вернувшись в Москву, зарекшись надолго от этих поездок, ночью во сне я опять иду бамутской улицей в цепи разведчиков «бешеной» 166-й бригады. И, проснувшись утром, вдруг понимаю, что обязательно вернусь туда, к ним. Не могу не вернуться...

Расстрел

...Грузились спешно. Потому как проспали подъем и вылезли из палатки, когда уже в других торопливо добивали сухпай – завтракали.

С утра броня БМП была как инеем покрыта ледяным потом росы и отдавала в тело какой-то холодной дрожью в плечах и лопатках. Привычная, ставшая родной за эти месяцы машина вдруг показалось чужой, холодной, мертвой. И, торопливо отогнав это чувство, как-то даже виновато я забрасывал в дверцы десантного люка спальники, подушки, сумки и рюкзаки. Но память смертного холода мертвой машины не уходила, жила в пальцах, в спине, под сердцем. Тревожно теснило грудь необъяснимой тоской.

На завтрак времени уже не было, и, наскоро расковыряв банку тушенки, народ полез на броню.

Бээмпэшка на марше очень похожа на средневековый пиратский челн. Горбатятся рыжие в засохшей корке грязи ящики с боеприпасами, «принайтованные» к башне и служащие дополнительной броней. За башней – сложный рельеф каких-то подушек, снятых

автомобильных сиденьев, матрасов. Тут сидит десант. У каждого свое привычное место, своя излюбленная для многочасовой езды поза. Впереди, перед башней, места командиров. Первый класс. Под спиной – удобный наклон башни. Под мышкой – ствол пушки. Ноги лежат на ребристом стальном листе, под которым укрыт движок.

Сходство с пиратским кораблем дополняют стремительные «корабельные» обводы БМП. Ее острый, как нос корабля, лобовой лист брони. Торчащие в разные стороны стволы оружия десанта, антенны, ящики, брезент. И над всем этим в небе трепещет привязанный к кончику антенны алый флаг – снятый по случаю с пионерского горна, найденного в одном из разбитых домов на окраине Грозного.

Рота уходит на сопровождение колонны с топливом и боеприпасами. Штук тридцать «КамАЗов», «ЗИЛов» замерли цепью вдоль дороги. Собравшись кучками тут и там, курили водители. Бээмпэшки, как сторожевые псы, сновали вдоль колонны, встраивались в нее, согласно замыслу высокого, мослатого подполковника – старшего колонны. Пыхали сизым соляровым дымом. Замирали в ожидании команды.

Подполковник был сердит и взвинчен:

– Вашу мать, мы уже сорок минут как должны быть в дороге! Где танк с тралом? Связист, передай этому... чудаку, что если через пять минут он не займет свое место, я его заставлю самого вместо трала впереди бежать. Авианаводчик, где твои «соколы»?

– Сейчас взлетают, но сопровождать могут лишь до предгорья. Низкая облачность, уже с пятисот метров видимость ноль. Туда им никак не залезть.

– На хрена они мне здесь, в долине? Они мне там, в горах, нужны. Меня облачность ваша не колышет ни в малейшей степени. Ты меня понял? Так и передай своим, пусть хоть на брюхе ползают, но чтобы прикрывали до конечной точки.

Авианаводчик лишь пожал плечами.

Подполковник был зампотылом того полка, куда, собственно, и шла колонна. Судя по всему, нраву он был нелегкого, чапаевец – называют таких в войсках.

– Где ротный сопровождения? Так, капитан, слушай сюда. «Коробочки» расставил? Молодец. Я пойду на штабной бээмпэшке в центре. Мой позывной – «сотый», записывай! Авианаводчик – сто третий, ты – сто четвертый. Танкист – сто пятый. «Санитарка» – сто шестая... Если попадем под обстрел – не останавливаться, скорости не снижать. Две последние твои «коробочки» – эвакуаторы. Подбирают водил с подбитых машин, не успевших запрыгнуть на другие. Подбитые грузовики – расстреливай с ходу из пушек и сталкивай с дороги. Все «КамАЗы» – со жратвой и шмотками. «ЗИЛы» – с боеприпасами. Уяснил? Давай дуй, ставь своим задачу!

Мимо, густо пыхтя соляровым чадом, прополз в голову колонны танк, держа перед собой тяжелую, всклокоченную «бороду» минного трала.

Еще четверть часа суеты, и наконец в наушниках раздалось долгожданное:

– Всем – пять! – команда «вперед».

И «нитка» – общий позывной колонны – потянулась за ворота лагеря.

Колька – механик-водитель, контрактник из Твери, ловко закрепил по афганской привычке «АКМС» стволом в скобе на броне перед собой и нырнул в люк. Бээмпэшка взревела движком. Неторопливо качнулась на месте и, клюнув носом, поползла вперед...

* * *

...К полудню солнце окончательно озверело. С неба струился немилосердный жар. Броня, оружие раскалились и обжигали руки. Горячий ветер сушил лицо, до рези жег глаза. Пыль, поднятая сотнями колес, застила солнце, и все вокруг было едва различимо в жарком, мутном мареве. Казалось, что колонна движется через какое-то библейское пекло.

Где-то над головой стремительно прохлопал лопастями «крокодил» – «Ми-24» прикрытия.

– Сто четвертый, – раздалось в наушниках. – Внимание на руины справа. Передали, что там замечены люди. Как понял?

– Вас понял, сотый. Веду наблюдение.

Тотчас загудел, ожил привод башни, и она легко заскользила, поворачивая длинный «клюв» ствола в сторону руин – не то фермы, не то склада в ста метрах от дороги, готовая при малейшей опасности залить, заклепать огнем и железом каменный остров. Но все было тихо. Руины сместились за спину и растворились в душном пыльном мареве.

На кресле «Икаруса», закрепленном за башней, светловолосый, загоревший дочерна старшина роты, тридцатисемилетний токарь из Курска Валера опустил автомат на колени. Старшина – контрактник, он здесь уже год. Завод его закрыли еще в 94-м, год маялся без работы, перебиваясь случайными заработками. Теперь война кормит двух его детей. У дочки через неделю выпускной в десятом классе. Съездить бы, да кто отпустит...

Большим пальцем правой руки старшина привычно вдавил цилиндр гранаты в жерло подствольника. Глухо щелкнул взведенный боек. Молоденький солдат, краснолицый, весь облупившийся от солнца, тщетно пытался раскурить сигарету. Он то прятал ее от встречного ветра в ладонях, то наклонялся за спину здорового пулеметчика – черноусого татарина из Казани. Но зажигалка его тут же гасла. Наконец старшина, устав от этих ужимок, вытащил из кармана «разгрузника» зажигалку. Чиркнул ею об колено и подал трепещущий язычок огня солдату.

– Кузьмин, переходи на спички, не подведут, или еще лучше на «Зипу» – она, тем более.

Зажигалку эту старшине подарил три месяца назад какой-то немецкий корреспондент, которого чудом вытащили из-под огня чеченского снайпера. Зажигалкой старшина гордился.

Неожиданно солнце начало гаснуть. Колонна подходила к предгорью, над которым плотно стояли тучи. Откуда-то вдруг прилетел и ударил в спину холодный сырой ветер.

И то ли от него, то ли от неуловимого, неосознанного еще утреннего предчувствия беды вдруг пробил озноб, окатил мурашками шею, руки, сжал в судорожный комок мышцы живота. И вновь пришло странное чувство тревоги, какого-то тоскливого сердечного неудобства. Словно душа, своими тончайшими эфирными нитями связанная с будущим, слепо мучилась и томилась предчувствием надвигающейся беды.

...Но сказать, выразить это было никак невозможно. Не потому, что в предчувствия на войне не верят. Нет. Наоборот, каждый здесь в целомудренной тайне живет в своем мире знаков и знамений, молитв и примет. Каждый верит и верует, ибо нигде так во всем своем мистическом величии не предстают перед человеком Судьба и Рок, как на войне...

Сказать было нельзя, потому что изменить что-либо было уже невозможно. Не остановить «нитку», втягивающуюся по серпантину в горы, не соскочить с «брони», не окрикнуть командиров. Сотни людей – мы были одним неразъезженным целым. И потому судьба была на всех одна. И имя ее колонна...

Это единство порождало какое-то особое смирение, покорность судьбе, фатализм. Именно оно запечатывало уста. «Чему быть суждено – неминуемо будет... Кысмет – судьба...».

Над колонной, протянувшейся вверх, в зеленую чашу предгорья, встревоженно и суетливо закружились «крокодилы». Дальше их путь был отрезан облачностью. И, словно пристыженные этой своей бесполезностью, «вертушки» нервно нарезали круги перед стеной облаков, в которой один за другим исчезали «КамАЗы», «ЗИЛы», бээмпэшки, тягачи...

...Крайний блокпост. Здесь, у самого края «зеленки» – густого южного леса – маленькая крепость, бывшая не то кафешка, не то ресторанчик. Теперь об этом напоминают лишь остатки жестяных букв над крышей: «...рек» – то ли «Терек», то ли еще бог весть что. Под ним – причудливое сооружение из бетонных плит, каменных блоков, амбразур и масксетей. Плиты, блоки тут и там изъедены оспинами пуль и осколков.

Достается мужикам здесь...

Старший на блокпосту – плотный лысеющий капитан. Он что-то долго поясняет подполковнику, старшему колонны, жестикулируя руками и указывая то на долину, то на горы.

– Обрато, что ли, тащить? Ты что, охренел, капитан? – слышен бас «чапая». – Там люди сидят третий день на одних сухарях. А здесь заночуем – в темноте всех пожгут к такой-то матери. Выходи на связь с бригадой, пусть вышлют навстречу бронегруппу усиления и ждут нас у креста. А эти пятнадцать километров будем проходить на максимальной скорости. Все...

...В проеме амбразуры – лицо солдата. Молоденькое, широкоскулое, любопытное. Война для него – это не только беда, боль, труд, это еще и познание мира, открытие его для себя. Вот только мир этот больной и сумасшедший мир войны. Другого он еще не видел толком.

* * *

...Я еще не успел подумать, что лучшего места для засады не найти. Слева – густая «зеленка», буквально напозающая на дорогу, справа – крутая каменная осыпь. Дорога, нарезанная этажами, лениво тянулась в гору между нависающих холмов ущелья, разворачивая, наслаивая колонну, словно на какой-то чудовищной магазинной витрине.

Мощь фугаса была такой, что многотонная громада танка была в мгновение ока снесена с дороги, словно исполинская кегля.

И там, в кювете, страшной слепящей вспышкой сдетонировал боекомплект. Не способная сдержать всю эту сконцентрированную нечеловеческую мощь огня взрывчатки, бронированная черепаха лопнула, брызгая огнем и чадя. Словно в каком-то замедленном кино, башня танка вздыбилась, оторвалась от своей стальной коробки и, перевернувшись в

воздухе, рухнула в «зеленку».

И тут ударили гранатометы. Много гранатометов. Стрелки были точны и безжалостны. Сразу три гранаты впились в головную бээмпэшку, сметя с нее десант, в мгновение ока превратив машину в горящий факел. Закладывая уши, взорвался «наливник», обратившись в ревущее озеро огня. Тут и там грохотали взрывы. Вспыхивали машины. Одна из гранат, срикошетив от земли буквально перед катками нашей БМП, метнулась в небо и там взорвалась самоликвидатором, окатив жаром и ударной волной.

Десант горохом посыпался во все стороны. Занимали оборону кто где мог. За колесами «КамАЗов», между катков гусениц, за броней. Еще ничего не соображающие, полуголушенные взрывами, неожиданностью, люди отдавались во власть привычных боевых инстинктов. Это были солдаты, и солдаты на войне. Лязгали затворы, предохранители. От дороги к «зеленке» уже потянулись первые нити трассеров.

А на дороге царствовала смерть. Командирский БРДМ, чудом уцелевший при первом залпе, пытался объехать вставший поперек дороги «ЗИЛ». Кабина, развороченная взрывом гранатомета, чадила, заволакивая дымом все вокруг, и БРДМ слепо тыкался в него, пытаясь нащупать проезд.

– Что он делает? – буквально орал ротный.

– Сотый! Сотый, все из брони! Сожгут же сейчас всех. Сотый, покиньте броню!

БРДМ вновь сдал назад и выкатился из дыма. И здесь его достала первая граната. Она копьем воткнулась в движок. Ахнул взрыв, и БРДМ скрылась в черном дыму. Вторая граната ударила уже куда-то в борт.

– П...ц! – протянул ротный и, набрав воздух, во всю силу легких заорал: – Патроны беречь! Работайте подствольниками по ближним скатам. «Граники» где-то там!

– Серега, машину загони за «КамАЗ». Прикройся им.

– Петруха, обработай густой холм справа! Видишь, где три дерева торчат над «зеленкой».

Послушная воле командира бээмпэшка взревела и поползла к «КамАЗу», что чадил метрах в двадцати. Башня круто развернулась вокруг оси, и короткими оглушительными очередями заработала пушка БМП. Прикрываясь от пуль броней, засеменял за ней десант. У «КамАЗа» бээмпэшка круто развернулась, выставив из-за автомобиля «скулу» движка и ствол орудия.

– Гена, жгут и промедол!

У кабины «КамАЗа», привалившись спиной к колесу, хрипел водитель. Близким взрывом выбило стекло, и его осколки иссекли лицо, шею, руки, обратив его в чудовищную кровавую куклу. Впереди, на дороге, лежал сбитый взрывом сержант из головной машины. Утром он все искал сигарету, жалуясь на тяжкое похмелье после чьего-то дня рождения. Теперь его можно было узнать лишь по обрывкам милицейского «разгрузника», чудом сохранившегося на изорванном безголовом туловище, которое медленно оплывало лужей черной крови.

Ахали взрывы, визжали, свистели, шипели пули, трещали очереди, колонна огрызалась, колонна не хотела умирать, колонна дралась.

Старшина, по-звериному скалясь, методично и аккуратно забивал в подствольник

гранату за гранатой. Напряженно высматривал, откуда звучал очередной выстрел, и тотчас гулким хлопком отправлял в ту сторону гранату.

Кузьмин боязливо выглядывал из-за колес «КамАЗа», навскидку бесприцельно били очередями по «зеленке». Рядом медленно разгорался «ЗИЛ-наливник», шедший за нами. Откуда-то из-за осыпи к нему, пригибаясь, побежал солдатик в шортах – обрезанных армейских штанах и в линялой камуфлированной майке. Тотчас у его ног заплясали султанчики пуль, но он, словно заговоренный, добежал до кабины, распахнул дверцу и нырнул внутрь.

– Прикрывайте! – крикнул ротный. Но уже и без того, поняв замысел солдатика, пехота всей мощью стволов обрушилась на «зеленку». «ЗИЛ» зафырчал и начал медленно съезжать с дороги в сторону осыпи.

– Прыгай! – шептал ротный.

– Прыгай же! – шептал я.

И так всем хотелось, чтобы у солдатика этого все вышло, все получилось, что, видимо, это наше моление дошло до Бога. На самом краю осыпи солдатик воробьем кинулся из кабины на дорогу и, кувыркнувшись пару раз в пыли, метнулся к нам за спасительный «КамАЗ».

«ЗИЛ» тяжело перевалил через осыпь и, потеряв устойчивость, сначала медленно и тяжело, а потом все быстрее стал кувыркаться под откос. И уже там, на дне, рванул всей своей мощью, даже оттуда окатив нас чудовищным жаром взрыва.

А бой продолжался. Положение было хуже не придумать. Путь вперед был закрыт огромной воронкой фугаса, развернуться, уйти с дороги не было ни малейшей возможности. Тут и там чадили мертвые машины, закупорив ее, запечатав...

Надо было держаться.

Неожиданно из дыма и чада командирской БРДМ вдруг вышла странная фигура. Высокая, в обугленных дымящихся лохмотьях одежды, она походкой сомнамбулы шла в никуда.

– Ложись! – крикнул кто-то. Но человек уже ничего не слышал. Лица не было. Вместо него пузырящаяся пеной и слюной черно-кровавая маска без глаз, ушей, носа. Да это был уже и не человек. Какая-то запредельная воля к жизни вывела его из огня, но спасти уже была не в силах. И, сделав еще несколько неуверенных шагов, он рухнул ничком на дорогу, разбросав обгоревшие до белых костяшек пальцы рук.

Это был командир, «чапай». Это была его колонна...

Натиск «духов» ослабел. Все реже рвались гранаты – заканчивался запас. Реже огрызалась очередями «зеленка». Засада выдыхалась. Начинала отходить, прикрывая друг друга.

Лишь впереди, в голове колонны, густо трещали выстрелы. Оттуда прибежал связной.

– Товарищ капитан, лейтенант просит помочь. У нас из трех машин одна уцелела. Романова сожгли, а Сидоренко подбит. И там по седловине «духи», суки, уходят. Хоть напоследок им вмочить.

Командир быстро оценил обстановку.

– Серега, давай аккуратненько в голову выдвинись. Прикрывайся грузовиками, и там

Петров тебе покажет цели. Работай.

Бээмпэшка, лязгая гусеницами, укатилась вперед за поворот. На дороге у машин собирались уцелевшие солдаты. Вытаскивали из кабин убитых, складывали их в ряд, накрывая лица куртками, кусками брезента. Бинтовали раненых, кололи промедол. Перебегали от машины к машине, пригибаясь, опасаясь снайперов.

За поворотом гулко ударила пушка БМП. Одна очередь, другая, третья. На нее вдруг наложился гранатометный разрыв.

...Сергея – механик-водитель, бывший афганец, рыдал, как белуга. Гранатометчик достал-таки машину. Граната ударила в открытую крышку люка, оторвала ее, разнесла в куски. И один из этих осколков перерубил артерию на шее Петрухи – бессменного наводчика, оператора, земляка и друга.

Уткнувшись лицом в холодеющие его руки, весь перемазанный кровью, Сергей рыдал.

– Да как же так, Петя? Зачем? Братуха! Как же я без тебя? Что я Маринке скажу? Петечка, родной. Господи, да что же это за жизнь-то такая сучья? Петя, Петруха...

В «зеленке», прямо за дорогой, раздавленный рухнувшей башней, лежал чеченец. Совсем мальчишка, подросток. Многотонный стальной «череп» в своем падении проломил, вмял ему трубу гранатомета в грудь.

Рычали моторы боевых машин. Подходило подкрепление. Считали убитых...

Чечня: МВД сражается

Город был сдан боевикам давно. Уже после буденновского позора и начала переговоров они стали просачиваться в город, обживать в нем. Приходили сначала мелкими группами, таясь, потом пошли нагло и открыто. Заправлявшие тогда объединенной группировкой эмвэдэшники скрипели зубами, но сделать ничего не могли. Приказа на проведение операции в городе у них не было, поддерживать порядок в Грозном должно было полуукомплектованное МВД Чечни. Из города ушли на Ханкалу и Северный армейцы, постепенно выводились части внутренних войск. Боевики накопились в городе, создали базы. Мартовский штурм оказался репетицией.

* * *

Разрыв. Грохот. Дым. Пол под ногами заходил ходуном. С противным треском вспучились, вылетая из пазов, паркетные доски. В комнату за стеной ударил выстрел из «гранника». Очередной штурм «чехов» захлебнулся, и теперь они методично расстреливают здание из гранатометов, пытаются поджечь его, нащупать в нем нас. Пятый час мы уже живем не мыслями, а какой-то звериной интуицией, чутьем. Дежурные расчеты перебегают в облаках пыли, побелки и дыма из одной комнаты в другую, увертываясь от гранат, предугадывая, предчувствуя их полет, волю посланных их стрелков. Изредка мы огрызаемся выстрелами снайперов, короткими очередями. Чаще всего это у нас получается. Но не всегда. Полчаса назад в подвал на руках отнесли солдатика-десантника. Разрыв достал его, когда он был в дверях. Граната разворотила перекрытие над его головой, ударная волна бросила его на

стену, наштапиговав плечи и спину осколками.

Доктор внизу сейчас откачивает его, не дает свалиться в шок. Но лекарств все меньше, а тел на заскорузлых от крови носилках и лежаках все больше...

На рассвете, едва сумерки растворились в серой дождевой хмари, «духи» пошли на штурм. Гранатометы били так густо, что разрывы сливались в какие-то чудовищные очереди. Казалось, дом вот-вот рухнет, сложится, как карточный домик. От десятков впивающихся в него гранат он уже не просто вздрагивал – он ходил ходуном. Трещали, лопаясь, стены. Глухо, утробно скрипели перекрытия. От дыма и пыли вновь стало темно. Казалось, никто и ничто не уцелеет в этом аду.

И тогда они пошли. Умелые, чуткие. Перебежками, перекатами серые тени наползали на «периметр» – линию обороны. И когда уже казалось, они ворвутся, затопят здание своими телами, крепость ожила.

Из мешанины разбитых, раскрошенных бетонных блоков в упор, кинжально и беспощадно застрочили пулеметы, рубя, отбрасывая, распиная на асфальте тела. Из дыма и пыли, заволочших провалы окон, по улице ударили гранатометы, выжигая огнем, выгрызая осколками ее пустоту. Густо застучали автоматы, перекрывая их треск, оглушительно ахнула пушка БМП, за ней «крупняки» бэтээров.

Из шедших на штурм не уцелел практически никто.

Здорового, бритого налысо «чеха» с «пэкаэмом» наперевес, всего в пулеметных лентах, напополам разрубил в поясе снаряд БМП, отбросив туловище на десяток метров от ног. И там, еще не осознав, что он уже труп, «дух» привстал на руках, удивленно разглядывая мешанину пулеметных лент и сизых внутренностей под собой. Через мгновение он уже был мертвым обрывком плоти.

Гранатометчик – сухой, невысокий, тоже бритый налысо – еще успел опуститься на колено, лоя в прицел цель. Но пуля снайпера, как ножом, срезала голую крышку черепа, разметая во все стороны мозги. Опрокидываясь, падая, его пальцы еще успели нажать на спусковой крючок, и граната умчалась куда-то в дождевое, сочащееся водой небо, а сам гранатометчик был отброшен ушедшей под спину реактивной струей на плиты «периметра».

Молодой безбородый «чех» зигзагами бросился к спасительным стенам, пытаясь увернуться от пуль, спастись. Но буквально набежал на гранатометный разрыв, и там, в этой вспышке, сдетонировали «воги» в его «разгрузке». Когда пыль и дым рассеялись, на асфальт валились тут и там какие-то дымящиеся сырые ошметки.

Спустя пару минут все было кончено. Улица опустела. На асфальте в нелепых позах валялись полтора десятка боевиков.

Гарнизон торопливо рассредоточивался по укрытиям. Дежурные расчеты маскировались на НП – наблюдательных пунктах. Наступал черед «духов». И они не заставили себя ждать.

Мстя за неудачу, за гибель своих воинов, «чехи» били из всего, что только могло стрелять. Трещали разрывы подствольников, ухали «граники», грохотали минометы. Под их прикрытием «духи» бросились вытаскивать тела убитых.

Один из чеченских милиционеров – ПОЖИЛОЙ усатый капитан из охраны МВД – разложил трубу «Мухи». И, выждав небольшую паузу в стрельбе, выскочил из подвала,

перебежал к амбразуре в бетонных блоках и, прицелившись, ударил куда-то по улице. Разрыв и чей-то крик – попал! Пригибаясь, милиционер бросился к укрытию. Здесь, на пороге, его и достала пуля. Снайпер ударил точно под левую лопатку.

Еще несколько секунд он был жив, силясь что-то сказать на руках своих товарищей, но губы больше не слушались его, и он обмяк, глаза остекленели. Тело капитана бережно, словно это могло что-то изменить, перенесли на руках во внутренний двор, где в гараже лежали тела убитых.

Один из чеченцев-милиционеров остался с ним. Присел на корточки, сложил перед собой ладони книжкой и зашептал восточную молитву: «Иля-басмиля...».

– Это его брат, – негромко сказал майор милиции, – плотный крепыш с круглым рызанским лицом. – Ахмед всю жизнь прослужил в Тюмени, там и семья. Сюда добровольцем приехал почти год назад... Не уберется...

– Эй, русские, сдавайтэс, – знакомый голос с характерным кавказским акцентом завел знакомую песню. «Чехи» где-то добыли мегафоны, и теперь один из них по нескольку раз в день вещает на «периметр».

– Наши воины взяли город. Всех ваших вырезали. Отдайте нам завгаевских собак-измэнников, и мы сохраним вам жизнь. Аэропорт у нас. Ханкалу добываем. Ми взяли Аргун и Гудермэс. Всэнародный восстаний. Нэт смисла сопротивляться. Ми все равно вас возьмем. Викупитэ свои жизни. Отдайтэ нам завгаевских собак... Аллах акбар! Аллах...

Его голос перекрывает нарастающий гул движков, из облаков вываливается пара «крокодилов». Послушная авианаводчику, она обрушивает удар «нурсов» на здания, в которых засели «чехи». Дома тонут в разрывах. Тотчас к «крокодилам» потянулись с земли цепочки трассеров, но те боевым разворотом уходят из-под огня и исчезают в облаках.

Когда дым и пыль оседают, кто-то орет во всю силу легких:

– Эй, «Нохча», так-то вы аэродром взяли! Яйца береги, я их скоро тебе вырву!

В ответ – опять стрельба...

Шли третьи сутки осады.

* * *

...Ночь. В унылой тьме подвала холодно и сыро. На улице идет нудный долгий дождь. Бои продолжаются. Сна нет. Предельное напряжение этих дней не оставляет даже в редкие часы отдыха. Лишь на несколько мгновений накатывается какое-то бредовое забытие, в котором вновь куда-то бежишь, вновь по кому-то стреляешь и просыпаешься в судорожном ужасе оттого, что «духи» все ближе, а пули бессильно шлепаются, едва вылетев из ствола...

Жрать хочется. Именно – жрать. Набить чем-нибудь до отвала живот. Избавиться от этой сосущей, выворачивающей кишки боли. Эх, сейчас бы буханку хлеба, свежего, черного, бородинского... К черту мысли о еде!..Выживем – отъедемся. Боеприпасы вот только на исходе. Патроны, гранаты, «воги»...

...К черту мысли о еде! Шесть «вогов» в разгрузнике осталось...

От стены отваливаюсь со стоном. Спина кажется одной огромной раной. Приложило-таки сегодня. Ударной волной швырнуло, ударило о стену. Вроде ни раны, ни

садины, а шевельнуться нет мочи. Пока ходишь – еще ничего. А приляжешь или сядешь – аллее! словно утюгом прижаривает – ни встать, ни лечь. Одна сплошная боль...

Рядом шумно вздыхает во сне капитан-спецназовец. И по тому, как вдруг каменеет его тело, понятно – проснулся. Слышно, как он протирает ладонью лицо, слышен соломенный треск давно небритой щетины под пальцами. Опять вздох.

– Не спится?

– Да не очень...

Капитан лезет в карман и тут же чертыхается:

– Бля... Курить хочется – аж уши пухнут. Вторые сутки без сигареты. Ты не куришь? Счастливец. А я с двенадцати лет дымлю. Все переживал, что из-за курения в училище не поступлю...

Мы надолго замолкаем, вслушиваясь в недалекую стрельбу.

– Как же так вышло? – в никуда спрашивает капитан. – Ведь все же знали, все видели – готовятся они брать Грозный. И местные из города за неделю побежали. И разведка докладывала. Как же так? Это же просто скотство. Нас просто сдали, предали. Мне солдатам стыдно в глаза смотреть. Они «зеленые», не понимают еще ничего. Одни мысли: того «завалил», в этого попал, Ваську вытащил, Кольку перебинтовал. А кому это надо? И, главное, во имя чего? В гараже четверо моих лежат.

За что? Ведь еще в июне «духи» боялись нос высунуть. Гоняли их, как глухонемых, по горам. А теперь мы, как в мышеловке, здесь сидим, обложили по самые... некуда.

Все же говорили – нельзя им давать отдышаться. До конца надо давить. Добивать сук. Замирились. Получите. Отдохнули, отъелись, перевооружились и поставили нас раком...

– Что слышно с помощью? – вопрос из серии запретных. О помощи почти не говорят. Очень уж болезненная тема. Уже к исходу первых суток стало ясно – драться придется в окружении, и одному богу известно, как долго. Каких-то пятнадцать минут езды до Северного и полчаса до Ханкалы теперь стали километрами сплошных засад, минных полей, огневых мешков. Полчаса езды для нас тянутся уже четвертые сутки. Как минимум двое суток к нам пробиваются колонны. Пробивается «бешеная» 166-я, гвардейская 7-я, грозненская 205-я. Мы знаем – они делают все, что в их силах, но бои гремят еще очень далеко от нас. Вопрос о помощи – из запретных, но и не спросить нельзя. Надо хоть чем-то успокоить себя.

– Пробиваются. Ближе всех – 205-я. Передовой батальон отсюда километрах в двух. Только днем им крепко досталось. Технику пожгли, потери понесли. Город... мать его... на броне много не навоюешь. Бог даст, может, завтра к вечеру кто пробьется. Не бесконечные же запасы у «чехов»?

Воображению не поддается количество боеприпасов, выпущенных «чехами» за эти дни. На добрый эшелон тянет. Одних выстрелов из «граников» сколько сотен. Где они их берут? Кто им продает? Ведь все новое, с заводов, со складов.

В сквере между нами и МВД уже четверо суток валяются четыре трупа «чечей». Их завалили в первые же минуты. И вытащить не могут – все под нашим перекрестным огнем. Днем разглядывал их в оптику. Одеты – с иголки. Новые «комки», новые «разгрузники», новые автоматы – все наше, и все «с нуля».

– Ноль третий, наблюдаю в сквере справа накопление «чехов»! – неестественно громко оживает вдруг рация. И тотчас все приходит в движение. Невидимые в темноте скоро и быстро собираются люди. Все спят одетыми, не выпуская оружия из рук. И теперь в подвале и коридоре слышны топот и лязганье железа. Гарнизон занимает оборону.

На улице после тьмы подвала неестественно светло. За часы отсутствия «лежка» между плит стала грязевой лужей. От одной мысли, что надо плюхаться в эту ледяную жижу, передергивает. Но если что – придется. А пока спиной к бетонному блоку, рядышком.

Неужели опять штурм? Который уже за эти дни? А «бэка» все меньше. Теперь каждый выстрел, каждую пулю считаем.

Где-то далеко, наверное, в Ханкале, заухала артиллерия. А спустя несколько секунд ухо уловило нарастающий свист подлетающих снарядов. И мгновенно, забыв обо всех неудобствах лежания в холодной воде, одним броском плюхаюсь в «лежку» среди плит. Вздрогнула земля – оглушительно ахнул разрыв, за ним еще и еще. Последующие десять минут снаряды методично перепахивают все вокруг. Разброс примерно такой: два улетают к «чехам», один – к нам.

То ли такие меткие у нас артиллеристы, то ли с координатами что-то напутали!

Наконец все затихает. В сырой полутьме мимо протаскивают под руки кого-то с передового блока.

– Мамочка, как больно! Мама, как больно! Мама... – стонет раненый.

Который по счету, накрытый своими?

«Вертушки» по нам били, артиллерия била. Слава богу, «двухсотых» пока от своих нет.

Через час возвращаюсь в подвал. Тело бьет крупный озноб. Одежда насквозь мокрая. Кажется, температуру. Сосед, капитан, видя мое состояние, протягивает плащ-накидку. Под ней, согревшись, почти мгновенно забываюсь полусном-полубредом. Опять стреляю, опять бегу.

И вдруг – покой. Тепло. И родные шоколадно-горячие глаза совсем рядом. Нет! Уходи отсюда. Здесь грязь, здесь смерть. Уходи, родная...

Просыпаюсь и еще долго чувствую прохладный след ласковой ладони на щеке.

От озноба и простуды – ни следа. И спине полегче. Ведьма ты моя милая...

* * *

...Сегодня пятые сутки нашего сидения. Кажется – целая вечность. Народ исхудал, одежда истрепалась до лохмотьев, черные от грязи и порохового нагара лица, руки. «Комки» в коросте грязи и крови своей, раненых, убитых. Царапины, легкие ранения уже давно никто не считает. Только тяжелые. В подвале под трибуной их уже больше восьмидесяти – это те, кто уже не может ходить, не может держать оружие. Мало бинтов, кончается промедол, не хватает антибиотиков. Мы третьи сутки просим сбросить нам промедол для раненых и «воги» для подствольников.

– Какой водки? – матерится по рации генерал с Ханкалы. – Вы что там, на именинах? Охренели?

– Это у тебя там водка, – срывается сидящий на связи капитан эмвэдэшного спецназа, –

а нам «воги» нужны – гранаты для подствольников, слышал о таких? И промедол. Понял?

Через час прилетают «вертушки» – штурмуют соседний квартал. К нам даже не подлетают...

На счастье, вспомнили о складе НЗ чеченского ОМОНа, что в здании МВД. Там оказалось больше сотни «АКМов» и почти столько же ящиков с патронами к ним. Есть теперь, чем отбиваться. Наш БК добились окончательно еще позавчера. Не хочется думать о том, что было бы с нами, не будь этого склада...

...Позавчера ночью к нам выполз сержант – взвэшник с одного из блокпостов. Весь в крови – док потом шесть ран насчитал. В автомате три патрона остались. Сутки к нам пробирался. Здесь, среди своих, его вдруг «пробило». Сержант рыдал в голос, не стеснясь никого, и как-то утробно, зверино причитал:

– Всех положили! Суки! Мы двое суток дрались. Просили помощи. Сожгли пост – перешли на соседний дом. Опять дрались. Ждали помощь! Рация сдохла. Раненые на руках. А «чехи» прут и прут. В город на грузовиках. А у нас два рожка осталось. Не выдержали – врезали по одной колонне. Ну они и озверели. Пять часов без перерыва дрались. Патроны кончились. Подожгли бээмпэшку. Там у Вовки магазин остался. В ней оглушило взрывом. Очнулся – все кругом горит. Еле выбрался. А наши все лежат.

Раненым, падлы, всем глотки перерезали. Контрактникам головы поотрубали. Старшину нашего Семеньча всего изрубили. Руки, ноги. У командира – ни глаз, ни ушей, ни пальцев... Мочить буду гадов!.. Мы же подмоги ждали. Мы же верили. Все легли. Что же нас, суки, бросили?

Он захлеб пил дождевую воду из котелка, давился, рыдал, причитал. Ответить ему было нечего. Кроме этого сержанта, с блокпостов к нам не пробился никто.

Мы тихо звереем. Не на чеченцев, нет. На своих. На тех, кто вот уже пятые сутки обещает нам помощь и поддержку, но, кроме ударов артиллерии и штурмовок, не дает ничего. Колонны выслали. Армия бьется, армия прорывается к нам. Но здесь за пять суток нам не скинули ни бинта, ни гранаты, ни банки тушенки.

Капитан «спец» чуть не расстрелял двух придурков из пресс-центра. Ему доложили, что те ходили к журналистам в гостиницу, узнавали – как, если что, вместе с теми в плен к «чехам» сдаться, чтобы не офицерами считаться, а журналистами.

Еле уломали капитана не трогать их. Ну, мразь и мразь – после разберемся.

К вечеру к нам пробился танк – на нем начальник штаба 205-й. Это все, что осталось от колонны, шедшей к нам на выручку...

* * *

...Седьмые сутки. Блокада прорвана. К нам все-таки пробился разведбат 66-й.

Первыми вывезли, конечно, журналистов, на оставшиеся места посадили женщин из гостиничной obsługi. Город в огне. Бьет артиллерия, грохочут очереди. Собирается колонна с ранеными. Неужели мы уходим?

Из гаража выносят «двухсотых»: Ахмед – милиционер, чеченец. Лейтенант-омоновец умер от ран. Сержант-десантник, снайпер выстрелил в голову...

Их много. Слишком много лежит по городу Грозному наших «двухсотых». И стыд пополам с горечью разъедает душу.

За что? Во имя чего? Кому был нужен этот подвиг крепости? Кто его оценит? В чьей нечеловеческой игре мы пешки?

...Раненых бы довести живыми. И в баньку бы, откиснуть. А если пиво будет – так и вообще жить можно...

Мы вернемся!

– Вот же мразь, эти телевизионщики! – прапорщик, деливший со мной палатку, в сердцах ткнул пальцем в кнопку выключения телевизора, и экран мгновенно погас. – Мразь! Мы еще с Северного не ушли, а они его уже «аэропортом имени шейха Мансура», называют. Злость прапорщика была бессильна, а потому непроходяща и едка.

– Чего ты кипятишься? Теперь все равно, как они что назовут. – Старлей-связист, зашедший на огонек, безразлично пожал плечами. – Потерявши голову – по волосам не плачут. Чечню им сдали, вот они и творят что хотят. Шейха Мансура? Да хоть папы римского. Вон уже в Грозном площадь Дудаева появилась, проспект «Имени борцов с русской агрессией». Бульвар «Шестого августа»...

– Да плевал я на «чехов». Я не о них, – огрызнулся прапорщик. – Я об «Останкине». Российское телевидение называется. А смотришь как зарубежный телеканал.

Разговор, как обычно в последние недели, зашел в тупик. И потому все сразу засобирались на улицу, где шла подготовка к отправке очередного эшелона.

Ханкала угасала. Когда-то многоголосный палаточно-досочный город, пыхавший сотнями труб-буржук, стрекотавший бесчисленным количеством дизель-генераторов. Ощетинившийся десятками танковых и пушечных стволов городок-крепость теперь угасал, как безнадежный больной.

Кругом царило запустение. Там, где за земляными «каре» жили недавно полки и бригады, теперь дождь размывал уродливые руины. Заплывали жирным черноземом стрелковые ячейки и окопы. На месте блиндажей из палаток стояли ровные ряды прямоугольных дождевых прудов и луж.

Громоздились свалки брошенных картонок, кусков кабелей, «колючки», бумаг, каких-то железок, арматуры.

Раскисшие под дождями бумажные мешки с песком развалились и теперь напоминали полуразложившиеся тела, наваленные в беспорядке друг на друга.

Тут и там под нудным бесконечным дождем-туманом едко чадили кострища, в которых дотлевали какие-то тетради, схемы, бумаги.

Было холодно, сыро, пусто и убого...

У штаба в туманной мгле переминался под грибком продрогший, безразличный ко всему часовой. Рядом с ним – через тротуар – глаза резанула покосившаяся, облесшая табличка над оплывшим холмиком: «Неизвестный русскоязычный мужчина с протезом левой ноги». И мне вдруг почему-то стало очень жалко этого неизвестного русского мужика, оставляемого здесь нами на полное забвение, стыдно перед ним.

Уйдем мы, и безжалостные, ненавидящие чеченские руки или сапоги собьют этот колышек затопчут, сровняют с землей холм, лишат этого русского человека его последнего права – права на могилу...

– Прости меня, брат! Я не виноват в том, что мы бросаем тебя. Я не виноват, но виноватым себя чувствую. Прости!

У железнодорожных платформ было многолюдно и суетно. С бетонной эстакады на платформы, рыча дизельными выхлопами, неуклюже забирались бээмпэшки. Дергались, елозили, вертелись, крутили башнями, выстраиваясь в длинную бронированную «гусеницу».

Найтовали, закрепляли растяжками тросов автомобили, кухни, кунги, прицепы.

Люди работали яро, зло. Матерились. Пыхтели, орали. Желая побыстрее закончить все, уехать отсюда подальше и забыть этот день, эту погрузку, это место, словно жег всех какой-то неосознанный горький стыд, стыд за то, что уходили батальоны из Чечни не маршем победителей, под развернутыми знаменами, «дербаня» на броне резервы сухпаев, обжигая глотки затаренной на дорогу водкой, весело, ухарски, уверенные в себе. А выезжали воровато, торопливо грузясь под мерзким дождем на платформы. Без победы. В угрюмом ожидании очередных провокаций, обстрелов по дороге, мин, взорванных путей.

...За воротами КПП, метрах в двадцати, стоял крашенный зеленый вагончик. Над ним обвис мокрый, бесформенный стяг, в складках которого еле угадывалась хищная морда чеченского герба – волка на зеленом фоне.

...Преподлое, кстати, животное волк – безжалостное, не знающее меры, благородства, вечно голодное...

У вагончика свой шлагбаум. Опершись на него, лузгали семечки, сплевывая в нашу сторону шелуху, двое «чехов» в камуфлированных бушлатах с автоматами за спиной.

– Чехский капэпэ, – пояснил капитан, старший на блокпосту. – Хочешь выехать – проходи у них досмотр и жди потом, пока приедет сопровождение.

– То есть?

– А их комендант, после того как наши колонны по дорогам стали разоружать, грабить, людей захватывать, объявил, что гарантировать их безопасность он не может. И теперь все русские колонны должны перемещаться только под контролем и охраной чеченской стороны.

– И что?

– Что-что? Так теперь и ездят. Впереди «джип» с боевиками и сзади. В окна – свои знамена, стволы. А наши флаги требуют снять – «чтобы не возбуждать излишне местное население». Черт знает что! Русские войска под охраной «чехов» и без знамен. Чтоб, значит, пообиднее было.

– И наши терпят?

– А куда ты денешься: за каждый выстрел с нашей стороны – уголовное дело за срыв мирного процесса. Зато им – хоть бы хрен. Каждую ночь обстрелы.

Капитан зло отшвыривает окурок далеко в сторону «чехов». Те тут же ловят этот жест и вызывающе, надменно выпрямляются. Только капитан этого уже не видит. Презрительно отвернувшись, он не торопясь, вразвалочку идет вдоль дороги к блиндажу.

У разведчиков всегда есть чем накормить гостя, и стопка всегда найдется.

– Мы последними уйдем. – Ротный задумчиво вычищает ножом грязь из-под ногтей. –

Когда последняя колонна выйдет, свернемся и вместе с остатками штаба на «вертушках». Если, конечно, дадут.

– Кто?

– «Чехи», кто еще? Они нам давно грозятся кровавую баню на выходе сделать. Только на нас обломятся. Мы им такие поминки устроим – мама не балуйся.

Ротный крепок и как-то по-кошачьи грациозен. В каждом движении – сила, упругость. Он потягивается до хруста в костях.

– Эх, было времечко! Какие мы с Шамановым и Трошевым дела делали. Вот золото мужики. Ничего не боялись. Настоящие генералы! С такими хоть к черту в пекло. Возьмем без потерь и флаг водрузим. Лучшее время было, когда здесь Шаманов, Трошев и Тихомиров командовали. Тогда жили спокойно. А у «чехов» земля под ногами горела. Давили их, как тараканов. наших бы генералов в Москву, в Генштаб, в министерство, тогда бы не сидели сегодня в этом дерьме по уши. Юрченко, что там со связью?

– Та нема, командир, – откликается откуда-то из угла прапорщик-связист.

– Ну-ну, – безразлично тянет ротный. – Вот ведь анекдот – бригада уходит последней. Полторы тысячи штыков. А полк связи уже две недели как вышел. И все! На всю нашу банду две «радийки» – «шестьдесят шестых» автомобилей радиосвязи. Больше никакой связи – как хочешь, так и выживай.

Похоже, полуобреченное состояние ротного нисколько не печалило. Даже, наоборот, он был рад пообщаться с новым человеком, узнать новости.

– Слушай, ты мне скажи, у Аллегровой, что муж – Крутой?

Ближе к ночи стали готовиться ко сну. Обтерли от сырой патины оружие в пирамиде. Развесили на дужках кроватей «разгрузки» – так, чтобы удобнее в темноте было облачаться. В койки укладывались не раздеваясь. Прошла информация, что ночью ожидается нападение «чехов».

Перед тем как погасить свет, ротный долго и аккуратно укладывал в штабной ящик новенькую карту Грозного.

– Чего ты с ней так? Все равно скоро сдавать.

– Э-э... не торопись. Она, чувствую, нам еще пригодится. Я ее сдавать не собираюсь, чтоб потом по туристской схеме не воевать...

Полки ушли из Чечни. И они унесли в своих сердцах горечь измен, бессмысленных потерь, тупых перемирий и предательств. Но на алых полотнищах полковых знамен им теперь всегда будут видеться отсветы штурмовых стягов, поднятых над дворцом Дудаева, над Гудермесом, Аргуном, Дарго, Самашками, Бамутом, Ведено. Они унесли с собой из Чечни правду этой войны. Память о страданиях своих братьев под чеченским игом, угрюмую жажду реванша и осознанную готовность вернуться и доделать незаконченное теперь.

А значит, война не закончена. Мы еще вернемся.

Война, которую мы проиграли

Признаваться себе в этом тяжело и страшно. Но необходимо. Итак: с взятием боевиками Грозного и отводом наших войск на границу Чечни Россия практически признала свой

проигрыш в войне, продолжавшейся год и девять месяцев. Верхом торжества сепаратистов и нашего позора является парад, который, можно не сомневаться, будет устроен в Грозном. На этом параде торжественным маршем пройдут сплоченные в боях батальоны боевиков, прокатится захваченная боевая техника, бросят к памятнику Дудаева российские флаги, прогонят толпу изможденных пленных. Все это будет скрупулезно заснято, размножено, разослано по странам и континентам, обязательно показано по НТВ и ВГТРК.

Значение этой проигранной войны не идет ни в малейшее сравнение с окончанием десятилетнего афганского похода. И вот почему. Во-первых, Афганистан не являлся территорией Советского Союза, и наш уход из него не повлек за собой нарушения территориальной целостности нашей страны. Во-вторых, мы ушли из Афганистана в момент, когда твердо удерживали в руках военно-стратегическую инициативу, оставляя за собой крепкий просоветский режим, который мог существовать и до сегодняшнего дня, если бы его не предало и не прекратило поддержку внешнее руководство Союза и России.

Душманы не брали штурмом Кабул. Не блокировали наши части и гарнизоны. Не выдвигали нам ультиматумы и не диктовали условия на переговорах.

В-третьих, из Афганистана армия вернулась в социально и политически стабильное государство, чья идеологическая машина оправдывала и поддерживала наши действия в этом регионе.

Уход армии из Чечни – это обнажение политически нестабильного региона, зараженного вирусом сепаратизма, насыщенного оружием, идеологически и духовно готового к национально-религиозному взрыву.

Итог войны страшен. Россия потеряла за неполные два года более пяти тысяч убитыми солдат и офицеров. (В Афганистане за десять лет – тринадцать тысяч. Афганистан географически почти в десять раз больше Чечни и в четыре раза больше по населению.) Более пятидесяти тысяч ранеными. Около тысячи пропавшими без вести и пленных.

Россия отдала боевикам под полный контроль столицу Чечни и вывела из нее войска, чем де-факто подтвердила победу сепаратистов.

Фиговые «листки» неких «совместных комендатур», «демилитаризации Грозного», выведения боевиков из города – смешны и рассчитаны разве что на глупцов. Заскладировав здесь оружие и технику, лавина часть боевиков осталась в Грозном под видом мирных жителей. Реальная же власть над Грозным и центральными районами теперь находится в их руках. Доказательством тому – политические чистки, которые ускоренными темпами проводятся дудаевцами в Грозном и прилегающих к нему районах. За последнюю неделю ими арестовано более шестисот человек из администрации Завгаева, органов МВД и прокуратуры Чечни, проживавших здесь. Более трехсот человек расстреляно ими на месте без суда и следствия.

На столицу Чечни опускается ночь дремучего Средневековья. Вовсю идут публичные порки палками, отрубания рук за нарушение норм шариата.

Кто сказал, что окончилась война?

Самолет сбросил обороты, слегка просел, утратив привычную опору под плоскостями и,

накренившись на крыло, нырнул в серую, густую, как известь, облачность. Пока пилот долго и осторожно строил посадочную «коробочку», нащупывая в непроницаемом, сыром тумане нить, ведущую борт к аэродрому, я поймал себя на мысли, что все это уже много-много раз было. Это скольжение в сырой взвеси к моздокской бетонке. Эта тревога неизвестности будущего и какая-то особенная, ни на что не похожая чеченская тоска... Эти посадки – они, как погружение на дно какого-то древнего, языческого ада, где нет прошлого и будущего, нет верха и низа, нет света и пейзажа. Нет даже библейской геенны огненной, а лишь один бесконечный, липкий, сырой и пронизывающий до холода под сердцем туман, в котором ты теряешься безвозвратно и безвестно, который, как кислота, растворяет чувства и ощущения, притупляет сознание и лишает надежды. Из которого, кажется, уже никогда не вырваться.

Нет, не зря у всех древних ад был наполнен туманом, в котором души усопших теряли память и чувства. Туман – символ скорби, безнадежности, одиночества.

И когда уже на глиссаде борт наконец вынырнул из облачности над верхушками приаэродромной лесопосадки, стало почему-то легче. Все вернулось на круги своя. Мы вновь были здесь, на пороге кавказского ада, за два года до конца второго тысячелетия. И чистилищем перед ним стелился под плоскостями Моздок.

Все было как всегда. Как год, как два назад. Распахнулся люк, и под ногами загудел, заходил ходуном знакомый трап, который подал к самолету такой же знакомый прапорщик из аэродромной команды.

Шел мелкий, нудный дождь, который то растворял туман, и тогда из него проявлялись недалекие приаэродромные постройки, то сам таял в тумане, и все вокруг тонуло в сырой хмари.

Нет ничего в этом мире тоскливее и безрадостнее зимы в северных предгорьях Кавказа...

Когда последний русский солдат наконец-то покинул Чечню, российское общество вздохнуло было с облегчением и в спасительной привычке забывать плохое попыталось тотчас избавиться от призрака этой безумной войны. Чеченская тема резко сошла с передовых полос газет на вторые и третьи. Отодвинулись в сообщениях телеведущих за кремлевские сплетни. И вообще, казалось, зеркально повторилась судьба афганской темы: война закончилась – забудем! Не вышло! Чечня, как неизлечимая болезнь, не отпускает Россию. Это Афган за две тысячи километров, отгороженный Амударьей, буфером Таджикистана, Узбекистана и прочих «станов», быстро источился из массового сознания. Чечня же не отпустила Россию. Все оказалось не так, как хотелось. Война не отпустила Россию. Сначала начались до кошмаров знакомые захваты заложников. Любой, за кого чеченец мог выручить хотя бы полудохлого барана, стал «товаром». А официальная российская власть – «покупателем», которому некуда деваться – а только платить, платить и платить. За голову и оптом. За ухо, за ногу, за ботинок. За все. Платить надо официально. Признав бандита и главного организатора всех операций боевиков Масхадова «законно избранным президентом», Москва теперь должна оплачивать разрушенное войной хозяйство «независимой Ичкерии», платить мзду за нефтепроводы, которые набивают деньгами, нет, не кошельки учительниц или врачей, а мощну банкиров и воров. Москва должна содержать чеченских пенсионеров, которые с воплями «Аллах акбар!» ведут свои бесконечные «зикры»

и бесятся, как ведьмаки на шабаше, проклиная эту самую Россию и клянясь не пожалеть ничьей крови за «независимость Ичкерии». Нищей России теперь содержать чеченских «пионеров» – оставшихся по милости великого Джохара без образования и грамоты, зато хорошо изучивших боевое применение гранатометов, мин и правила ритуального умерщвления «русских собак». Но и это еще не все. Весь ужас заключается в том, что после ухода русских войск война просто не закончилась. Она всего лишь видоизменилась и чумной старухой потянулась вслед за ушедшими колоннами в Россию.

Каждый день сводки приносят сообщения о новых и новых вылазках боевиков, о новых и новых жертвах. Угоны скота, грабежи, угоны машин, воровство людей, убийства, обстрелы. Это каждый день. Ставрополье, Дагестан, Осетия – вот теперь зоны боевых действий. Только за январь аэропорт Моздок семь раз подвергался обстрелу из стрелкового оружия «неизвестными лицами». Обстреливался и аэродром Беслан. Чеченские бандгруппы были замечены под Кизляром и Прохладным, Хасавюртом и Буйнакском. Масхадов говорит, что это «дикие» отряды – «индейцы», как их называют, никому не подчиняющиеся банды. Ложь! Боевики очень хорошо знают, чего они хотят. Они принципиально не трогают ни кабардинцев, ни балкарцев, ни черкесов, ни даргинцев, ни аварцев, ни кумыков, ни лезгин. Зато русских – пожалуйста. Казаков – с легкой душой. Горят дома, вырезаются семьи, угоняются техника, скот. Масхадов врет, называя их неуправляемыми. Бандитам все равно, кого грабить. Этим же интересуют только русские. А ведь они не самые богатые из всех, кто здесь живет. Нет. Чеченские боевики умело нагнетают и обостряют обстановку вокруг русскоязычного населения, призывая и показывая – вот жертва, за которую никто не заступится, которая никому не нужна, для всех лишняя. В хрупком северокавказском мире быть слабым и беззащитным – жалкая участь.

«Издыхающего льва кусает даже шакал», – говорят здесь. После ухода войск за русских больше никому заступаться...

То, чем мы занимались здесь, скорее правильно было бы назвать затыканием дыр. Нам нечем теперь удержать границу с Чечней. Погранвойск здесь нет, потому что официальной Москвой Чечня считается в составе России, и границы эти внутренние, административные.

Милицейский «уазик», натужно урча мотором, карабкался вверх по горному серпантину. Сзади шел «ЗИЛ», под тентом которого пряталась наша охрана – разведчики одной из частей внутренних войск. Наша колонна огибала Ингушетию, пробираясь в Дагестан. Путь напрямки был однозначно закрыт.

– Сунетесь в Ингушетию – и воспоминания от вас не будет, – напутствовал командир.

Для еще большей конспирации даже в штабе части только несколько человек знали об истинной цели нашей поездки. Так... комиссия тыловиков из Москвы.

Настроение спутников было мрачным. Все увиденное за эти дни угнетало и подавляло. Чеченцы полностью владели инициативой здесь и диктовали нам свои условия. И нельзя сказать, что они в этом были одиноки. На Кавказе любят сильных и подчиняются силе. Кто-то теперь помогал им, потому что считает вайнахов братьями по вере, кто-то – от греха подальше, чтоб не ссориться с победителями России, кто-то – на всякий случай. Вдруг пригодится.

Это мы теперь были здесь лишними, нам приходилось скрываться от чеченской

разведки, от чеченских боевиков, пробираться «вкруголя», таясь, как партизаны...

На этих дорогах я понял, что мирные соглашения поставили крест на многовековой борьбе России за свои жизненные интересы в этом регионе. После победы Чечни Россия здесь больше никто. Ее уже вышвырнули с Кавказа. Теперь здесь новые хозяева – турки, саудовцы, американцы...

Теперь осталось только латать дыры.

Местное МВД само не имело сил организовать надежный заслон бандитам – слишком неравные силы. И теперь их надо было срочно укреплять боевыми подразделениями Внутренних войск. Разбивать все на районы ответственности, изучать их, осваивать. Перекрывать дороги, перевалы. Выставлять блокпосты. Практически – создавать границу. Причем границу-фронт. Мокрый, пепельно-серый склон вдруг сменился белоснежными кручами. Еще в ста метрах внизу земля была похожа на склизкую половую тряпку, и вдруг – снег, мороз, лед. На крутом повороте, господствовавшем над долиной, мы остановились. Впервые за эти дни из-за гор вдруг выглянуло полузабытое яркое солнце и осветило местность под нами.

На капоте развернули карту, «привязываясь» к местности. Нашли точку стояния. Начали что-то обсуждать, то тыча в карту, то указывая куда-то вниз на раскинувшуюся долину.

Разведчики рассредоточились в кустарнике на склоне, заняли оборону, растворились, замаскировались.

– По-хорошему здесь работы месяца на два, – объяснил мне мой спутник, полковник армейской разведки. – Было бы нормальное финансирование и обеспечение – и Ставрополье и Осетию мы «закроем» надежно. Здесь население наше. Чеченцев бояться и ненавидят. Значит, опора есть.

Городские и поселковые УВД нужно усилить внутренними войсками, развернуть маневренные группы быстрого реагирования, перекрыть дороги. А предгорье, ничейные леса отдать спецназам. И сюда «чехи» никогда не полезут. Умирать дураков нет. А вот с Дагестаном намного сложнее... Там работа на годы.

Разведсообщения из Чечни крайне тревожны. В Грозном развернулись усиленные резидентуры спецслужб Турции и Саудовской Аравии. Департамент Государственной безопасности Чечни ускоренными темпами разворачивается в министерство, втрое увеличивая штаты. Большинство советников и инструкторов – офицеры «державной безпеки» Украины.

Чечня арендовала у Украины целый парк транспортных и пассажирских самолетов, с помощью которых налаживает сообщения через воздушное пространство Грузии с Турцией и арабскими странами. Ежедневно в Грозном садятся самолеты, которые никем не досматриваются, не проверяются, и груз их неизвестен.

На секретном совещании наркодельцов в Кабуле (талибы сегодня – одни из крупнейших монополистов в выращивании опийного мака) представитель Чечни заявил, что уже к осени Чечня будет готова полностью восстановить свои утраченные из-за войны позиции на опийном рынке.

Чечня ведет переговоры о закупке ракет «земля – небо», «стингер». Также Чечню

интересуют новейшие противотанковые средства, различные мины, оружие для спецподразделений. По словам Масхадова, Чечня готова тратить на вооружение «каждый второй доллар или рубль. У свободы нет цены...».

Все четче прорисовывается стратегический план Чечни. Основные усилия она направляет сейчас на выход к Каспию и откол от России Дагестана. Кизляр и Хасавюрт названы «зоной жизненных интересов Ичкерии». Среди чеченцев-акинцев, проживающих в Дагестане (около 300 тысяч), ведется активная вербовка агентуры. Организация «отрядов самообороны», подготовка их на территории Чечни к ведению партизанских действий. Чеченские лидеры регулярно встречаются с лидерами Кабардино-Балкарии, ищут контакты с аварцами, кумыками, даргинцами.

Особенно деструктивна сегодня роль в этих процессах Грузии. Не секрет, что после перекрытия пограничниками границы с Азербайджаном и развертыванием «завесы» МВД на дагестанском направлении транзитов оружия и боеприпасов, основная подпитка ими шла через Грузию.

Именно Грузия снабжала в 1996 году боевиков техникой и вооружением. Проверка по номерам и сериям оружия, захваченного у чеченцев, выявила, что львиная доля его (выстрелы к гранатометам, мины, одноразовые гранатометы и т. д.) принадлежали партиям, которые поставлялись Грузии в рамках оборонного союза СНГ.

Расчет Шеварднадзе прост. С ослаблением и уходом с Кавказа России Грузия выдвигается с второстепенных ролей на первые, разделяя с Турцией и Азербайджаном зоны влияния на Кавказе. Более того, поражение России развязывает Грузии руки в силовых акциях по возврату Абхазии и Южной Осетии и ставит Армению в положение «вассала» в силу изоляции Армении мусульманами. В осуществление этого плана Грузия требует от России вывода контингента миротворцев из Абхазии и категорически отказывается развернуть подразделения российских пограничников на границе с Чечней.

Сегодня этой границы попросту не существует ни между Грузией и Чечней, ни между Чечней и Россией.

«Спецы» не жаловались. Профессиональная этика не позволяла им эмоционально оценивать все увиденное. Для них – это только тема работы, информация к размышлению, анализу. Сколько надо развернуть рот и батальонов, сколько выставить блокпостов. Какие дороги перекрыть в первую очередь, какие во вторую. Где границы зон ответственности между дивизиями и полками. Где развернуть базы спецназа. Обычная работа. Все, как всегда. И только бешеный расход сигарет, когда блока LM четверым мужчинам хватало лишь на сутки, указывал на то, какой ценой удавалось им сохранять видимое спокойствие, хладнокровие.

Мы ехали по пустынным дорогам и оживленным магистралям, через деревни и поселки, через мосты и дамбы, и очень часто мои спутники надолго замолкали, как-то по-особому разглядывая пейзажи за окнами машины.

И не спрашивая их ни о чем, я видел то же, что и они. Как безумные видения сумасшедших пророков, просачивалась сквозь туманную мглу кавказской весны совсем иная явь. Перед нашими глазами на пустых поворотах вдруг вставали скелеты разбитых, сожженных колонн. В огнях поселков чудились пожарища, в распаханых полях вдруг

являлись воронки, а в грязевых дорожных наносах чудились мертвые тела. Сигареты и какое-то странное табу на разговоры о будущем. Ни разу за эти дни никто не сказал: «Вот закончится все это...».

Никто и не мог такого сказать. Потому что мы знали и видели – все только-только начинается...

Письма мертвого капитана

Мы молча и хмуρο выпили. Так же молча каждый зацепил вилкой по куску тушенки из банки. Зажевал обжигающую, перехватывающую дыхание водку.

...Выпить в армии есть неисчислимо количество поводов. Скорее их даже больше, чем необходимо. Но среди всех, пожалуй, только один, которому никогда не рады, который никогда не ждут, – помин по погибшему товарищу.

Сегодня мы поминали капитана.

Капитан был романтиком. Капитан был рыцарем. Капитан был воином. Конечно, он ненавидел войну, и в словах «романтик», «рыцарь», «воин» нет ни единого пороссячьего восторга перед страшной работой убивания людей, в чем и состоит сущность войны. Капитан во всем пытался найти духовность, даже на этой страшной, бессмысленной войне он жил по каким-то своим нравственным законам, которые никогда не преступал сам и не позволял этого делать никому вокруг. Война, бой, смерть, страх были для него не больше чем вызовом. Вызовом его вере, его убеждениям, его морали. И в этом огне он выковывал их. Как мальчишка, радуясь удачам, переживая промахи, капитан не замыкался в мире своей роты. Боевого железа, приказов, сводок, рейдов, докладов, построений и всего прочего, что заполняет жизнь офицера на войне «под завязку» до измождения. Война была для капитана еще и возможностью познать совершенно не знакомый ему мир. Он мог часами разговаривать с пленными «чехами» не о том, где их лагерь или сколько гранатометов в отряде, а об истории того или иного аула, или об отличии «горных» тейпов от равнинных.

Он долго искал Коран на русском языке, и когда наконец после одного из рейдов кто-то из солдат, зная страсть своего командира, положил ему на стол Коран на русском языке, он уже через неделю свободно цитировал целые суры, а еще через месяц вел долгий богословский спор с муллой кишлака Центорой, за что получил за глаза прозвище у чеченцев «урус иблис» – русский дьявол.

Нет, капитан не стал гуманистом и его ненависть к боевикам никак не уменьшилась от знания «послания пророка» или истории кишлака Гуниб; его разведроту боялись, за голову его чеченцы назначали все большие суммы, количество могил боевиков, «сделанных» разведчиками капитана, неуклонно росло.

Капитан умел воевать. Ведь он был очень «стар», этот капитан. По возрасту своему ему давно уже пора было примерять подполковничьи погоны. В далеком 84-м он окончил училище. После выпуска отвоевал два года в Афгане, потом служил в Прибалтике, там же попал под следствие как «гэкачепист» и «враг литовской демократии». Наверное, это клеймо и поставило крест на карьере капитана. Выше комбата он так и не пошел. С кем он поругался из своих начальников, так и осталось для меня загадкой, но только все представления на

майора из округа возвращались с завидным постоянством без удовлетворения. А «старый» капитан тянул свою лямку, успев за это время побывать в Приднестровье, Абхазии и Таджикистане. Дивизия, в которой он служил, считалась «миротворческой», поэтому сидеть на месте ему не приходилось.

Может быть, потому, что жил капитан одиноко, без семьи, которая, как и у тысяч других таких же капитанов, растерялась где-то на ухабах нынешнего лихолетья и безвременья. Рос где-то в Гомеле его сын. А сам капитан, тридцати трех лет от роду, во второй уже раз водил по Чечне свою разведроту...

И вот теперь Петрович привез горькую весть о его смерти.

...Мы пили из стальных бледно-зеленых «стопок» – бывших предохранительных колпаков на взрывателях минометных мин. На каждом колпаке армейские умельцы вырезали надпись: «Орехово» – место, где мы впервые познакомились с капитаном. Эти «стопки» были ему подарком на память. Теперь мы разливали в них водку, поминая капитана. Между стопками на столе лежала тонкая пачка замусоленных листов – вперемешку тетрадные, бухгалтерские формы, чистые изнанки военных рапортов. Это были письма капитана. Из-за них Петрович и приехал в Москву из своей Вологды, где проводил отпуск.

Письма эти Петрович не передал адресату. Почему – не объяснил. А привез их мне, не зная, что с ними делать дальше.

– Эх, какой человек был капитан! – тяжело вздохнул Петрович. – Замечательной души был человек.

И вновь забулькала водка, разливаясь по «стопкам».

* * *

Привет, Рыжик!

Прошла уже целая вечность после твоего суетливого, полубезумного побега... Впрочем, о чем это я? Скорее, начать надо с того, что вообще не думал, что когда-то буду еще писать тебе. А вот, видишь, как выходит. Странная штука жизнь...

Итак, второй раз я здесь, в Чечне. Ровно год прошел после предыдущей командировки. Тогда уезжал – заканчивали брать Грозный. Шли на Гудермес. Все было на колесах, все было временно. Теперь все иначе. Воюем в горах, а под Грозном теперь – «база». Целый город выкопали в черноземе. Палатки, землянки, «колючка», траншеи, склады, автопарки. Все в земле, все – под землей. Каждый «квартал» – это полк или дивизия. Между «кварталами» – свои улицы. «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную». Помнишь? Здесь почти так же, но со своей спецификой – пройдешь по Штабной, свернешь на Дзержинскую (дивизия имени Дзержинского), потом по Госпитальной и за Хлебозаводской на Спецназовскую, к нам.

Вообще город наш кто-то метко окрестил Шанхаем. Самое то название. Очень точно. Основной строительный материал в «городе» – это брезент, чернозем и неисчислимые отходы «жизнедеятельности» войны. Доски от снарядных и патронных ящиков. Куски шифера с разбитых домов, списанные кузова, тенты и прочая, прочая, прочая. А над всем этим – сотни труб. Как ты догадываешься, центрального отопления У нас тут нет. Все на

«буржуйках» «поларисах» (соляровая модификация «буржуйки») и тому подобном. А еще светомаскировка. Ночью выйдешь из палатки – тьма, только трещат тут и там, как сверчки, дизели генераторов, кормя скудным военным электричеством радиостанции, штабы, палатки. А над Шанхаем – причудливый частокот труб на фоне «вечного огня» – зарево горящей уже полтора года скважины, что на склоне горы перед нами. Наш «Александрыйский маяк».

Сюрреалистический, скажу тебе, пейзаж. Хрустит где-то щбенка под сапогами часового да дождь (по натянутому брезенту он стучит с особым «барабанным» звуком) засыпает все вокруг.

Кстати, дождь у нас особый катаклизм. В дождь наш Шанхай превращается в бесконечную полосу препятствий. Чернозем быстро раскисает в белесую, липкую и жирную, как клейстер, грязь. И тогда – все. Тридцать метров до штаба – это цирковое выступление эквилибриста. «Улицы» – целые грязевые реки. Пройдет мимо техника – только лицо прячешь, а так – оттирать бессмысленно, еще сильнее вотрешь. Засохнет грязь – сама отвалится. В палатках сырость, духота, угар. Дрова мокрые – тепла не дают, только чад. Форма, спальники отсыревают так, что, кажется, в мокрое полотенце заворачиваешься. А тут еще мои «раздолбай» хреново палатку натянули. Прямо над моей койкой «карман» образовался. А в нем – полванны воды. К утру даже прорезиненный брезент не выдержал – дал течь. Проснулся, как младенец – весь мокрый.

В общем, если исключить «лампочку Ильича» и радиостанции, то с точки зрения быта армия как жила при Суворове или Ермолове, так и живет. «Наши матки – белые палатки».

Странная мы страна. Одной ногой в космосе, в двадцать первом веке, а другой – в дремучем Средневековье. Обидно вот только, что армии почему-то все одно Средневековье достается.

Вот, пожалуй, и все. Выговорился – и на душе легче стало. Так что, наверное, это и не письмо вовсе. А просто мысли вслух. Да и к чему тебе эти письма? Надеюсь, твоя душа в порядке. Твои дела – о'кей, твое будущее – безоблачно.

Год назад ехал сюда, а думал только о том, как вернусь к тебе. А теперь мне некуда торопиться. Теперь я здесь дома. Это мое Средневековье. А ваш «индезитный», «рвентовский», «бошевский» двадцать первый век застыл где-то далеко-далеко, в замерзшем янтаре ушедшего декабря.

* * *

Привет, Малыш!

Сегодня поймал себя на крамольной мысли, что очень часто мысленно разговариваю с тобой. Рассказываю тебе, что видел, что пережил, о чем думаю.

Честно говоря, меня это разозлило. Мне казалось, что я выдавил тебя из своей души; не забыл, но хотя бы перестал чувствовать. Перестал болезненно сжиматься при воспоминаниях, мучиться мужским ревнивым томлением по ночам. А вот, глядишь, откуда ты ко мне пробралась. Собеседник ты мой боевой. Ну да ладно. Поскольку у нас сейчас утро и отдых, а у тебя в столь ранний час пятый сон в твоём со всех сторон приличном и благополучном доме, почему бы нам не поболтать?

Вот уже месяц, как я здесь. И чем больше недель я здесь, тем все больше и больше засасывает меня эта война. Она действительно совсем не похожа на те, что были до. Ни на Афганистан, ни на Абхазию, ни на Таджикистан. Эта война словно пришла из какого-то дремучего Средневековья. Я еще не могу выразить словами ее понимание, а скорее чувствую. Пожалуй, впервые я как офицер, как солдат столкнулся не просто с врагом, как с «ролью» («мы» – «они»), а с врагом по предназначению, по сути. С большой буквы.

В Афганистане тоже были враги. Но, воюя с моджахедами, я почти не встречался с культивируемой ненавистью к России, к русским. Это скорее были враги «по необходимости». Кто-то мстил за погибших, кто-то воевал согласно племенному решению, кто-то за деньги. В Афганистане не было того, с чем я все чаще сталкиваюсь здесь, в Чечне, – культа войны с Россией. Кукта многовекового и тщательно взращиваемого.

Ненависть к России, к русским здесь воспитывалась куда раньше, чем, наверное, любовь к матери или к отцу. Пока мы играли в Советский Союз, в социализм, в интернациональную дружбу, здесь складывалось и воспитывалось целое общество, чьим символом был «нохча» – волк. Животное подлое, беспощадное. И надо сказать честно, мы оказались куда меньше готовы к этой войне, чем они. Прежде всего духовно, морально.

Я завидую их единству, их преданности общей идее, их национальной сплоченности и монолитности.

Чеченка никогда не придет забирать сына из отряда, как бы бездарно ни воевал его командир (а таковых среди них хватает с избытком). Чеченец никогда не пустит сына на порог своего дома, если узнает, что тот сбежал или струсил. Любого агитатора «за мир» здесь прирежут, как барана, и откажутся хоронить «по обряду» при первом же его выступлении.

Здесь гордятся тем, что их сын (брат, муж) погиб «на войне с русскими».

Везде культ оружия, культ мужчины, культ воина.

А у нас... А у нас мамыши толпами снуют по фронту, растаскивая по российским щелям своих сыновей. А у нас погибшего солдата по две недели не могут отправить домой. А у нас главный герой – бандит с золотой цепью в палец толщиной или на «шестисотом мерсе» лысый риелтор с замашками бухгалтера Корейко.

Чем дольше я здесь, тем сильнее понимаю, что, в сущности, мы одиноки. Мы – это батальоны и полки, которые дерутся здесь и носят громкое название «федеральных сил», а по сути – отряды русских мужиков, отправленных в Чечню неизвестно зачем. За нами нет Государства, которое бы осеняло нас своей идеей, своей мощью, своей поддержкой.

Идея у нынешних правителей только одна: как у власти подольше удержаться да нахапать поболее.

О помощи и поддержке вообще лучше молчать. Вся боевая техника давно устарела и физически, и морально. Да что там техника. Формы, и то нет. Бойцы мои воюют кто в чем. «Мабуту» выдают на полгода, а она, старая и гнилая, и месяца не выдерживает. Лезет по швам.

Едим – что попало. Еще на «базе», в Ханкале, – более-менее. Горячая еда. А здесь, в горах, по трое суток – на «сухпаях», а под конец рейда так и тех нет. Рассчитывали на две недели, а гуляем по горам уже месяц... Вот и тянем – банку тушенки на троих в сутки.

Мы действительно одиноки и никому здесь не нужны. Ни президенту, ни министру, ни

депутату, ни народу нашему российскому. Ему тоже все «по барабану». И Чечня эта, и война, и мы...

Так что, штыки в землю?

Вот здесь-то и вся загвоздка. Не можем. Не получается. Когда впервые сталкиваешься с той реликтовой ненавистью, которая столетиями копилась здесь к России, то вдруг понимаешь, что уйти, все бросить – значит, сломаться, предать. Предать себя, предать Россию (хотя ей и не до нас).

Наше упорство, наша ненависть, наша боеспособность – это ответ на то, что мы здесь увидели.

Да плевать мне на нынешнюю жирующую, торгующую Россию! Ешьте, пейте, богатейте! Не вам служу.

Я со своими мужиками здесь увидел и понял такое, что вам и объяснять-то бессмысленно. Что для вас теперь слова «честь», «Родина», «Россия»? Есть враг. Есть ненавидящий нас народ, есть армия, воюющая против нас, а значит, есть мы. Батальоны и полки, которые будут драться здесь до конца. Потому что даже самый зеленый солдат, провоевавший здесь хотя бы два месяца, уже очень хорошо понимает: этих надо «валить». «Валить» здесь, сейчас и до конца. Иначе однажды «они» придут в Россию, чтобы «валить» нас, делать рабами, покорять. Так их воспитали, в это они верят! К этому они готовились.

Было бы тушенки побольше. Да форма хорошая, справная. А уж если и связь будет надежной, так и вообще жить можно...

* * *

...Хотел бы тебе объяснить, как тяжело и мучительно терять людей. Терять своих солдат. Тяжело всем, а мне особенно. Ведь я – командир, я отвечаю за все. Мне доверены жизни шестидесяти трех русских мужиков. Старшему – тридцать восемь, младшему – неделю назад было девятнадцать. Теперь нас – шестьдесят один. Вчера погиб Юра Новиков – контрактник из Курска. Пулеметчик. Его второй номер, Валера Приходько, тяжело ранен в грудь. Дай бог, чтобы остался живым. «Вертушка» увезла его в Ханкалу...

Мы выходили к окраине аула по лесистому скату горы. Впереди разведцозор. В него обычно идут самые отчаянные мужики. И только контрактники. Своих мальчишек-срочников мы бережем. Из-за чего с ними все время конфликты, скандалит молодежь: мол, держат нас на «обеспечении» – «подай», «принеси», «свари», «дежурь ночью». Им подавай рейды, засады, налеты. Вообще весь «рембовский» набор.

А я уже заметил, что «контрактники» при хорошей организации воюют лучше, расчетливей, хладнокровней «срочников». Это и понятно: взрослые мужики, жизни со всех сторон понюхали, не дергаются, головы не теряют, не «геройствуют» почем зря. С ними беда в «мирной жизни» – в Ханкале, в гарнизонах. Скука, казармы, рутина – одна радость, бутылка. Хотя теперь, от всеобщей безработицы, среди контрактников все меньше «синяков» – тех, кто в армию из подворотни или ЛТП попал, а все больше крепких мужиков. Отцов семейств. Работяг. Только нет теперь работы, заводы позакрывались. Колхозы разорились. А дети растут, дома ветшают. Вот и едут от этой безысходности люди сюда. Деньги войной

зарабатывать. Страшно. Горько.

...А мне, как ни странно, лучше. Ко мне хороший солдат приходит. Исполнительный, умный, стойкий. Тяжело, конечно, перед тридцатилетними мужиками себя командиром поставить. Это не вчерашних школьников муштровать. Зато уж если в тебя поверили, тогда за тобой в огонь и воду. Со всем ко мне идут. У одного жена в больницу слегла, второй на прапорщика хочет учиться, третий просится в механики-водители...

В общем, тридцатитрехлетний капитан для них «царь, бог и воинский начальник».

Знаешь, Рыжик, странное это чувство – командовать «контрактниками». Словно очутился где-то на Отечественной войне или и того раньше – при царе, когда по двадцать пять лет служили. Мой «посыльный-ординарец-телохранитель» и просто «батя» Антон Семеныч. Тракторист из-под Красноярска. Тридцати восьми лет. Под два метра ростом, косая сажень в плечах. Седой как лунь. Трое детей дома, жена. А меня называет только по отчеству, опекает точно как батя.

Вернешься в ночь-полночь с постов или с засады – печка жаром пышет, чай на ней только-только закипел, каша на сковородке, словно сказал кто-то: во столько-то приду. А ведь никто не скажет.

После боевых проснешься, а вся форма уже на солнце или над печкой досушивается. И ведь сколько с ним боролся, ругал, запрещал. Неудобно ведь... А он все одно...

...Не убереглись мы. Потеряли хорошего солдата. Три месяца без потерь. И вот – на тебе!

В густом орешнике дозор почти в упор выкатил на «чехов» – чеченцев. Тех человек двадцать. Наших – пятеро. Бой в горном лесу – страшная штука. Все в упор, все на расстоянии броска гранаты, глаза в глаза.

Здесь главное, кто быстрее, кто раньше среагирует, раньше стрелять начнет.

«Чехи» нас тут явно не ждали. Растерялись. А наши со всех стволов по ним. Настрогали «чехов», как дров. Потом мы пятнадцать трупов насчитали. Да только уж слишком неравным был бой. «Чехи» быстро сообразили, что наших мало и стали обходить, брать в кольцо.

Пришлось отходить. Пулеметный расчет прикрывал отход. Тут их и достал гранатометчик. Юра погиб на месте. Принял в себя большую часть осколков. Валеру контузило взрывом, но он товарища не бросил, начал вытаскивать. Здесь и его достал снайпер: в грудь навyleт... Когда мы отогнали «чехов», он уже без сознания был. Бредил.

Господи, сделай так, чтобы он остался живой! Сохрани жизнь солдата русского!

...Чем дольше я здесь, тем все дальше и дальше уходит от меня то, что называлось мирной жизнью. Я уже и не помню, как жил до Чечни. То есть, конечно, помню, но все это мне кажется уже нереальным, не из моей жизни. А в мире только и есть, что эти горы, эти леса, дожди и долгие-долгие походы. Бои, ночевки, засады, рейды.

Иногда ночью, когда я смотрю на звезды, мне все время бросается в глаза одна и та же звезда. Багрово-белая, яркая, жестокая.

Иногда мне кажется, она словно высматривает меня, ищет. В эти минуты нестерпимо хочется спрятаться, затаиться. Исчезнуть из-под ее кровавого, ищущего взгляда.

Холодом стискивает грудь. Не то предчувствие, не то тоска, не то просто усталость...

* * *

Малыш!

Почему я пишу тебе? Ведь все равно эти письма ты не прочтешь. Я их не отправлю. Да и тебе они не нужны. Тогда зачем пишу? Давно ведь все решили. Ты уверенно и бодро строишь новую счастливую жизнь. У тебя теперь свой дом, достаток в нем. В общем, есть все, чтобы, как сказал Абдулла: «Спокойно встретить старость». Я зарекся видеть тебя, думать о тебе. Я дал себе слово – всему назло стать счастливым. Я даже научился спать с другими женщинами (не простое это дело – после семи лет любви!). Была и та, которая хотела остаться в моей жизни. Наверное, не хуже тебя. Спокойная, заботливая и совсем не взбалмошная. Почему же тогда вместо того, чтобы строить жизнь с той девчонкой, я уехал сюда?

Хотел забыться? Теперь, рядом с моими мужиками, разделив с ними сотни километров дорог, рейдов, намерзшись на всю оставшуюся жизнь, пережив и горечь утрат, и «ленивый кайф» побед, идея «забыться» мне кажется кощунственной, недостойной этих людей, этой войны.

Забыться можно было и там, в миру. Есть водка, есть женщины, есть куча игр в «реальность», которые помогут забыть что угодно.

Чем больше месяцев проходит после того вечера, тем лучше я понимаю, что сюда меня привело не желание забыться, не поиск приключений и уж тем более – не поиск «красивой смерти на войне». Сюда я приехал, чтобы обрести веру.

Веру во все то, что много лет составляло мою жизнь. Много лет ты была для меня этой верой. Много лет ты была для меня точкой отсчета. Тобой начиналось все и тобой заканчивалось. Тебе возносились молитвы, воскуривался фимиам. Вокруг тебя кружился мир. Да, собственно говоря, мир и был тобой. И вдруг все рухнуло. «Бог отвернулся от нас». Небеса упали на землю.

Извини за высокий «штиль» – это скорее ерничество. Я так и не научился говорить серьезно о чувствах.

Я приехал сюда, чтобы вновь обрести веру. Понять, что истины не сокрушимы. И любовь все так же выше закона. И милосердие выше справедливости. Что мир держится на дружбе и верности.

И здесь, за эти месяцы, мне открылась еще одна истина. Или парадокс. Дело в том, Малыш, что на самом деле наш разрыв ничего не изменил в отношениях между нами. Мы о нем прокричали друг другу, продекларировали. А вот разойтись, расстаться, разорвать то, что нас соединяло и соединяет, так и не удалось. Мы все так же едины и все так же мучаемся разделенностью.

Мне жаль тебя. Тебе сейчас куда тяжелее, чем мне. Ты с ревностью неопита строишь сейчас то, что толком не представляешь, и служишь тому, во что сама не веришь.

Можно придумать себе хоть десять сверхцелей жизни. Можно даже положить полжизни на выполнение их. Только куда бежать от безумной, высушивающей душу боли под сердцем и пустоты очередного надвигающегося бессмысленного дня...

* * *

Рыжик!

Я тяжело болен этой войной. Мне кажется, что в мире больше нет ни столиц, ни курортов, ни дискотек, ни ресторанов. Только эти горы, эти леса.

Самое обидное это то, что солдаты эту войну давно выиграли. Мы хорошо знаем все замашки «чехов», их привычки и повадки. Наш генерал почти играючи (знать бы, чего это ему стоит!), без потерь берет их главные твердыни и крепости. Мои мужики сами рвутся в бой. Их не надо ни за что агитировать. Все хотят «додавить душков», «кончить их». А Москва все знает. Москва стреляет нам в спину. Когда наши батальоны в очередной раз додавливают «чехов», загоняют их в горы, добивают – следует из Москвы команда «стоп!» и начинаются переговоры.

Боевикам дают время прийти в себя, перевооружиться, отдохнуть и... взять все, что мы у них отбили. На моей памяти это было уже дважды. Сейчас третий раз. Нас опять выводят. Опять подписывают с «духами» какие-то договоры, как будто всего этого уже не было. Как будто им можно верить.

Мы возвращаемся на базу. Мы спускаемся с гор. Мы угрюмы и злы. Нам опять не дали «доделать войну». И тяжелое чувство теснит грудь. Ничем хорошим это не кончится...

* * *

Письма капитана лежали на столе. Его боль, его любовь, его вера, его мысли. Он, оказывается, был совсем не таким, каким выглядел. Не суровым, не «боевиком», не «железным меном». Он был просто русским капитаном на Чеченской войне.

– Петрович, почему же письма ты не отдал?

– Так я думал, она жена его бывшая или так, какая одинокая женщина. И ей они будут нужны.

– А она что же?

– Она? – Петрович нахмурился. Вздохнул. – Она – жена мужняя. И всегда ею была. А капитан наш для нее – это так... баловство одно было.

– Это тебе она сама сказала?

– Нет. Я с ней и не говорил вообще. Мне капитанов брат объяснил, к кому эти письма. Любопытно только было посмотреть на нее. Какая она. Позвонил в дверь. Открыла. Извинился. Говорю – ошибся квартирой. Тут и мужик ее вышел. Здоровый мерин. А живут за стальной дверью, броня толще, чем у БМП. Боятся...

– Так почему баловство-то? Может, она его любила?

– Э... молодой ты еще. Когда любят – вместе живут. А если другого мужа жена – так значит, одно баловство.

Эх, капитан, капитан...

Сколько девок вокруг молодых и красивых.

Мы захмелели. И потому пили уже без разбора. Не чувствуя ни вкуса, ни крепости. Как пьют мужики, чтобы уже не просто захмелеть «для куражу», а чтобы размякнуть душой,

вырвать из нее водкой, исповедью, песней острый шкворень боли.

Мы пили и пели.

Зачем механик ты так рвался?

Зачем машину быстро гнал.

На повороте – растерялся

И «чеха» справа не видал...

Мы поминали капитана и всех павших наших друзей. Петрович плакал...

Дожить до рассвета!

...Последние сто метров они ползли по-пластунски. Змеились между камнями, замирали в выбоинах, переводя дыхание, разминая затекшие от напряжения руки. Чутко слушали ночь. И вновь осторожно уползали вверх по склону в угольную темноту. Каждый металлический тренчик, каждый карабин на оружии и амуниции был плотно обмотан бинтом, чтобы не лязгнул, не зазвенел, не выдал группу. На себе несли только самое необходимое. Магазины, гранаты, пластид, запасной «бэка» да нож на поясе. Еще несколько аптечек у фельдшеров, пара радиостанций и тубусы «Шмелей» у замыкающих. Даже бушлаты оставили тем, кто придет к ним на усиление, если они выполняют задачу...

Трое суток авиация, артиллерия и минометы утюжили эту вершину. Казалось, уже ничто не может здесь уцелеть. Но всякий раз, когда пехота поднималась в атаку, плотный пулеметно-снайперский огонь прижимал солдат к земле и стрелковые роты откатывались вниз, унося на плечах убитых и раненых. И тогда было решено бросить в бой десант. Ночью штурмовой группой выйти скрытно к позициям ваххабитов, взять их внезапным налетом и, пока «чечи» будут приходить в себя, подтянуть усиление, организовать оборону. В штурмовую группу набирали только добровольцев. В разведроту таковыми оказались все. Весь день в бинокли и артиллерийские буссоли изучали склон, прикидывали маршрут, намечали ориентиры. В сумерках начали готовиться к выходу. Первыми во тьму ушли саперы. Они буквально на ощупь, щупами проверяли каменистую землю лощины перед горой, отыскивали, снимали мины, прокладывая путь штурмовой группе. В расчищенные проходы пошли десантники...

...Маленькая стрелка на часах наползла на цифру «три». Через полчаса наступит время «Ч». К этому моменту все бойцы группы должны будут расположиться по периметру окопов противника. Но до вершины еще, кажется, целая вечность. Успеем?

Самое мучительное, что торопиться, спешить ни в коем случае нельзя. Одно неверное движение, один сорвавшийся по склону камень, лязгнувшее о скалу оружие – и все! У группы не останется ни одного шанса. Взлетят осветительные ракеты, и ожившие пулеметы безжалостно выкосят распластанных на склоне бойцов. Тех же, кто уцелеет, забившись в ложбины и выбоины, добьют снайперы и гранатометчики. Поэтому любое привычное движение раскладывается на целую процедуру. Сначала надо осторожно ощупать склон перед собой, медленно, очень медленно переложить в сторону и укрепить шаткие камни,

потом так же медленно, осторожно перенести вес тела на ладони и, изогнувшись ящерницей, передвинуться на полкорпуса вперед. И так метр за метром.

Неожиданно ноздри ловят резкий горько-сладкий дым раскуренной анаши. Боевики снимают стресс...

Ваххабиты гордо выпячивают грудь, мол, Коран запрещает употребление спиртного, и потому «воины ислама» хранят свои души «в чистоте». Но почти в каждом захваченном «чечиковском» окопе или доме солдаты находят целые россыпи шприцев и пустых ампул из-под наркотиков. Видимо, наркотический угар не «грязнит» боевиковские души, а анаша «очищает» их помыслы...

Если пахнуло анашой, значит, до укреплений боевиков остались считанные шаги. И точно. Еще пару метров вперед, и на фоне звездного неба вычертился неровный гребень бруствера. Почти напротив в бруствере глубокий провал бойницы. Там на мгновение вспыхивает бледный свет зажженной не то спички, не то зажигалки, и в дрожащем пламени резко вычерчивается пулеметный ствол. Пламя гаснет, и все вновь погружается во тьму. Откуда-то слева доносится легкий шорох, и привыкшие к темноте глаза замечают распластавшуюся у бруствера фигуру кого-то из ребят группы.

Пулеметное гнездо сверху перекрыто парой бетонных плит, на которые для маскировки и усиления еще навалена здоровая куча камней. Теперь понятно, почему боевики столь смело зажигают ночью спички. Уверены в своей неуязвимости. Что ж, это нам только на руку.

Один из разведчиков знаками показывает, что окоп, тянущийся к блиндажу, пуст. Правда, называть его окопом можно лишь с натяжкой. Это целая штольня, пробитая в скальном грунте и лишь изредка выходящая на поверхность. Штольня связывает между собой линию дотов, ответвления от нее уходят к подземным казармам и складам. За два года, что не велись боевые действия в Чечне, боевики не теряли времени даром. Практически вся прилегающая к селам Карамахи и Чабанмахи местность превращена в единый укрепрайон, и эта пологая гора его центр. Мощная подземная крепость. Ключ ко всей обороне. И группа, столь дерзко забравшаяся сейчас на ее вершину, оказалась фактически в самом логове боевиков.

Разведчики готовятся к штурму. Несколько бойцов осторожно спрыгивают в траншею и подбираются ко входу в блиндаж. Другая группа располагается вдоль уходящих в глубь обороны траншей, раскладывает на бруствере гранаты. Часть бойцов уползает в глубь укрепленного района.

Время! В распахнутую бронированную дверь летят лимонки, и для усиления эффекта разрыва дверь тут же захлопывается. Глухо, утробно грохочут разрывы. Дверь буквально срывает с петель, и она торцом въезжает в стену окопа, едва не искалечив лежащих у входа разведчиков. Еще не осела пыль от разрыва, а уже двое из них кидаются внутрь. Блиндаж неожиданно встречает мерцающим, тусклым светом вспыхнувшей ветоши. В кислом толовом дыму и пыли на полу валяются растерзанные тела трех боевиков. Изломанные, окровавленные, порванные. Но в углу приподымается на руках чудом уцелевший боевик. Разрывом ему сорвало часть лица, и черная борода свисает чудовищной мочалкой куда-то на грудь. Контуженный боевик шарит руками по полу, не видя ничего вокруг, но так ничего и не успеваает найти. Автоматная очередь буквально сносит череп, разметывая по стенам мозги.

Кончено! И десантники выскакивают на улицу.

По всему периметру обороны «чечей» часто рвутся разрывы гранат, трещат очереди. Заполoshные крики: «Илля..!» Мат. Прямо из-за поворота траншеи на них выскакивает здоровый, голый по пояс чеченец с автоматом в руках. Он изумленно замирает, но уже через мгновение вскидывает автомат. Поздно. Длинная очередь в упор разваливает грудь, переламывая, превращая в фарш чеченские внутренности. Дитина с утробным клекотом заваливается на спину. Не дожидаясь появления следующего боевика, кто-то бросил лимонку. Щелкнув в воздухе взрывателем, она летит за изгиб окопа. Взрыв. Кто-то страшно кричит. Следующая граната затыкает крик навсегда. Вперед. За изгибом целый завал из тел боевиков. Четверо полуодетых бородатых «чечей» оплывают кровью на дне траншеи, разбросанные гранатными разрывами. Откуда они выскочили? Словно отвечая на вопрос, где-то совсем рядом начинается частая перестрелка. Очереди накладываются друг на друга, сплетаются в неистовую какофонию. За очередным поворотом траншея ныряет в глубокую черную нору. Из нее-то и бьют длинными очередями засевшие «чечи». Видимо, здесь их ночевка. Гранатные разрывы лишь на мгновения перебивают стрельбу, но не успевают осесть пыль, как вновь густо сыплет пулемет.

– «Шмель», давай! – куда-то в темноту командует ротный.

– Ложись, мужики! – зычно рявкает прапорщик, старшина роты. – Сейчас «Шмель» еб. нет!

Все приникают к земле и, через кажущиеся вечностью мгновения, оглушающе грохочет выстрел. Над самой головой, окатив жаром двигателя, проносится огненный сноп гранаты и исчезает в темном провале прохода. Земля буквально вспучивается, подбрасывает лежащих на ней разведчиков. Из черного зева входа вырывается и уносится к небу огненное облако, и все стихает. И в тишине становится слышно, как с треском разгорается пожар внутри взорванного блиндажа. Проверять, есть ли там живые боевики, никто не лезет. После «Шмеля» выживших не бывает.

Высота взята. Еще раз торопливо прочесываются траншеи и блиндажи. Изредка грохочут короткие очереди контрольных выстрелов. Бой замирает и наваливается звенящая, напряженная тишина. Где подкрепление? Ротный материт кого-то в тангенту радиостанции.

– Где они? Какого хрена ждут? Чего? Пока «чечи» очухаются и сметут нас к гребаной матери? У меня девять «двухсотых» и пятнадцать «трехсотых». Их эвакуировать надо. И с трофеями два «бэка». Какие снайперы? Их прижали, а нас тут хлебом, что ли, встретили?

Рота зарывается в землю. Бывшие боевиковские траншеи оборудуются для обороны фасом внутрь. Блиндажи практически бесполезны и потому все, что можно, вытаскивается из них наружу и идет на оборудование бойниц и перекрытий. Разведчики работают яростно, зло. Вот-вот «чечи» очухаются и полезут отбивать вершину, а подмога залегла у подножия высоты, прижатая к земле снайперами с флангов. И истерично докладывает, что не может поднять головы. Пехота, мать ее!!!

...Они появились неожиданно. Выросли словно из-под земли. А может, и точно из-под земли. Кто знает, чего они тут нарыли за два года. Эти уже шли осторожно, чутко. Знали, что их ждет впереди. Черные тени перебежали от камня к камню, от ложбины к ложбине, подбираясь все ближе к траншеям десанта.

И когда от окопов их отделяло всего несколько шагов и они уже в полный рост бросились вперед, в упор страшно ударили русские автоматы. Тишину в клочья разорвал грохот очередей. То и дело тьму распарывали ослепительно-белые жала огня и вспышки разрывов, хаотично и густо разлиновывали ночь разноцветные лучи трассеров.

Из первой волны атакующих не уцелел никто. Больше двух десятков чеченцев нашли свою смерть на склоне. Их тела в нелепых позах густо усеяли подходы к траншеям русских десантников. Выворачивая душу, визжали раненые, призывая на помощь то аллаха, то друзей, то проклиная и матерясь по-русски. Но их быстро отыскивали снайперы и затыкали навечно. И здесь позиции десанта накрыли разрывы. С истошным воем мины сыпались на расположение десанта. Весь день молчавшая и потому считавшаяся «подавленной» минометная батарея «чечей» теперь словно брала реванш за долгое молчание. Разрывы следовали один за другим. Ходила ходуном земля.

– Доктора! – пронеслось по окопам.

С санитарной сумкой пробежал куда-то на правый фланг врач. Мина попала прямо в бруствер, и осколки брызнули на пулеметный расчет. Пулеметчик умер мгновенно, приняв на себя большую их часть. Второму номеру посеколо спину и практически перерубило голень напополам. Он затыкал пальцами брызгающую фонтаном из раны кровь и зло, страшно матерился.

– ...ать, суки, попали! Валерку завалили... ляди! Мне только ногу перетянуть, я за пулемет лягу...мать! Валить буду в клочья! Суки бородатые... – Он орал и катался по камням, прижимая к груди колено, ниже которого на щиколотке болтались грязно-алые лохмотья кожи, мяса, ботинка, носка. Из всего этого месива жутковатый в своей синеве выглядывал мосол сустава.

Доктор привычно поймал в жгут густо брызгающий во все стороны кровью обрубок. Резко перетянул его, потом еще сильнее, пока из драных, едко воняющих толлом лохмотьев не перестала сочиться свежая алая кровь. Затем прямо в эту же ногу вкатил ему гуманный, освобождающий от мук промедол, потом еще один. Док возился с его ногой, а подбежавший на помощь боец со всего размаху лупил ладонями раненого по щекам. Главное, не дать свалиться в шок.

Едва стихли разрывы, как со склона донесся знакомый вой:

– Илля алла! Аллах акбар! – новая волна боевиков пошла на штурм.

– Да сколько же их?! – испуганно выдохнул, выглянув в амбразуру, молоденький щуплый боец-связист.

– А ты не считай, ты вали их! – зло рявкнул на него прапор, тот, который разнес из «Шмеля» духовскую лежку. Он прижал к плечу приклад трофейного, переделанного из танкового в ручной пулемета и короткими частыми очередями начал зачищать склон от «чечей». Но те упрямо лезли вперед, не обращая внимания на потери, буквально опустошавшие их ряды.

– Аллах акбар! Алла! Смэрт русским!

– Я тебе покажу смерть! – рычал прапор. Пулемет, кажется, прирос к его плечу и бил уже практически непрерывно. – Щас ты, сука чеченская, узнаешь, что такое смерть! Досыта наглогаешься! – Прапор вздрогнул всем телом, как от удара, и с удивлением посмотрел на

свое правое плечо. На нем темнела черная дырка, вокруг которой стремительно расползлось такое же черное пятно. – Зацепили, суки, – удивленно протянул он. Словно подтверждая его слова, еще несколько пуль выбили крошку с камня амбразуры и, отрекошетив, завывли в вышине. Это работали чеченские снайперы.

– Сынок, перетяни мне плечо! – И он вновь приник к пулемету...

А в передовую траншею уже прыгали уцелевшие под огнем «чечи». В тесноте каменных штолен и окопов закипела страшная в своей животной беспощадности рукопашная. Дрались глаза в глаза, хрипели, матерились, рвали друг друга на куски. Грохотали выстрелы, лязгало железо о железо, топали сапоги. Здоровенный чечен с какими-то сумасшедшими выпученными глазами длинным кинжалом рубанул наотмашь коренастого, ему по грудь сержанта. Казалось свистящая сталь снесет голову десантнику, но на полпути жало встретила сталь вскинутого автомата, и, оставив на ней глубокую зарубку, лезвие скользнуло в сторону. Второй раз ударить чечену не дали. Крякнув, словно он вгонял в полено топор, взводный лейтенант с размаху обрушил приклад на бритое темя боевика. Хрустнула кость, и из ноздрей чечена густо ливанула кровь. Глаза его закатились, и он с хрипением завалился на спину. Через мгновение на него сверху упал лейтенант, у которого на груди справа расплылось кровью пулевое отверстие. Выстрелившего в него боевика срезал очередью ротный, который в этой каше еще успевал отдавать какие-то команды... Пулеметчик татарин дрался с каким-то диким азартом, скалясь в кривой усмешке. Он расстрелял заскочивших на бруствер двух боевиков и теперь сцепился с щуплым чеченом, который прыгнул на него сверху. Увернувшись от кривого ножа, татарин перехватил руку чечена и выворачивал кисть. Чечен тонко скулил и остервенело кусал татарина за плечо, но тот лишь сильнее прижимал того к дну окопа. Наконец боевик выронил тесак, в то же мгновение татарин вырвал из ножен на бедре свой штык-нож и по рукоять вогнал его в тощий кадык чечена. Рванул лезвие в сторону, с хлопаньем развалив шею почти до уха. Боевик в агонии засучил ногами, но татарин уже спрыгнул с него и, рванув с земли пулемет, длинной очередью распял на стенке блиндажа очередного запрыгнувшего в окоп чечена.

Остальных боевиков прижали на подходе к траншеям к земле пулеметы. И атака окончательно захлебнулась...

Еще дважды за эту безумно долгую ночь басаевцы бросались на штурм позиций разведчиков и всякий раз откатывались, оставляя на склонах трупы. А под утро по вставшим было в очередную атаку боевикам отбомбилась авиация, буквально на бреющем полете прошедшая над вершиной, чтобы в утренней полумгле не зацепить своих. И боевики скисли, смирились с потерей высоты. Отступили, торопливо стащив со склонов трупы своих товарищей.

К рассвету наконец-то подтянулась пугливая «мабута» – пехота. Усиленный батальон мощным живым потоком растекался по траншеям и окопам, и бойцы с изумлением и страхом разглядывали нагромождения тел убитых боевиков. Явления доселе невиданного. Но с еще большим удивлением они смотрели на разведчиков. Все в копоти, крови, обрывках формы и в бинтах, они были словно восставшие из ада...

С собой пехота принесла боевой стяг. И пехотный комбат, на мгновение задержав его в своих ладонях, молча передал трепещущее на ветру полотнище командиру разведчиков. Тот

устало, неуклюже припадая на простреленную ногу, взобрался на бруствер блиндажа и воткнул древко в каменный пролом. Подхваченное ветром знамя плеснуло в небо ало-сине-белым стягом. В траншее все встали «смирно»...

«Неприступная» высота Чабан была взята.

Дорога на Горагорск

Границу с Чечней «нитка» – позывной колонны, – прошла в десять утра. За спиной остался бетонно-земляной форт пограничного КПП – целый гектар земли, перерытой траншеями, вспучившейся пузырями блиндажей, утыканной крепостного масштаба башнями и буквально оплетенной «колючкой». От него дорога потянулась через мертвое заброшенное поле к Чечне. Посреди пути бэтээры резко сбросили скорость и грациозно перевалили через рытвину взорванного когда-то мостка. Наконец показался ичкерийский пост. Рядом с ним возвышалось мощное трехэтажное недостроенное здание из дорогого красного облицовочного кирпича. Ичкерийская таможня. Наглядный символ победившей ичкерийской независимости. Теперь над ним развивался стяг, и коренастый, медвежьего вида омоновец, раздетый по пояс, фыркая, умывался под рукомойником во дворе.

Колонна неторопливо прошла мимо КПП и, набирая скорость, помчалась по шоссе. Сидевший в командирском люке старший лейтенант сделал знак рукой и со всех сторон резко залягали затворы. Бойцы привели оружие в боевое положение. Ожила башня. Мягко развернулась в сторону леса и уткнулась в него раструбами пулеметов...

«Бэтээр» для спецназовца – это что эсминец для моряка. Легкий, быстрый, он в умелых руках даже со своими двумя пулеметами становится грозным оружием. При кажущемся хаосе на броне царит жесткий и строгий порядок. Каждый боец имеет свой сектор обстрела, на каждом направлении задействован весь арсенал оружия. Уязвимую корму прикрывает сидящий в центре пэкаэмщик, иногда на месте ПКМ ставят даже АГС. Бойцы по бортам прикрывают фланги. Командир и замкомвзвода держат переднюю полусферу. Башня работает по всем секторам, выбирая самые опасные и труднодоступные цели. Мощь КПВТ такова, что даже на расстоянии в километр он прошивает как картон кирпичную кладку дома. Кроме этого на броне рассредоточен еще целый арсенал. «Мухи», «Шмели», «Осы», дымовые шашки. У всех «спецов» гранаты, у каждого второго подствольник. В любую секунду «бэтээр» готов ошестиниться стеной огня, смести, выжечь врага. А если придется трудно, то, спрячась за дымовой завесой, огрызаясь свинцом, он, прикрыв своим бортом десант, доведет его до спасительного укрытия и сам станет «дзотом».

Армейцы любят «бэтээры». Живучие, устойчивые на подрыв и гранатометный выстрел, вездеходы «бэтээры» стали настоящими русскими «фрегатами» войны.

...Замелькали дома и заборы какого-то поселка. На перекрестке у блокпоста топталась группа стариков в папахах, что-то объясняя высокому офицеру в сером, «ночном» камуфляже. Жались к обочинам, пропуская колонну, местные машины. Чечня! Я вновь в Чечне.

Всего три года назад казалось, что уже никогда у России не хватит сил и мужества вновь вернуться сюда. Вновь пройти теми же путями. Вновь окапываться на тех же перевалах

и вершинах. Но вот я снова иду на Горагорск. И видения той предыдущей дороги встают у меня перед глазами.

В один из дней меня пригласил к себе начальник разведки ВДВ Павел Яковлевич Поповских. В кабинете находились еще два десантника. Молодые крепкие ребята. Просьба его была лаконична – переодевшись в гражданское, проехать по трассе Моздок – Горагорск и снять на видео развилки дорог и возможные укрепления дудаевцев. Снимать должны были его разведчики, сидевшие рядом. Я же должен был осуществлять прикрытие группы «под журналистов». Нам дали старую «Ниву» с московскими номерами, и рано утром мы отправились в путь. Долго взбирались по горному серпантину. Резина у нас оказалась практически «лысой» и мы то и дело буксовали на заснеженной горной дороге. Наконец перевалили через хребет и выскочили на равнину. На большом перекрестке-круге остановились первый раз. Изображая журналистов, «проинтервьюировали» ингушский милицейский пост на фоне развязки и здания КПП. Ингуши дружно утверждали, что не оставят в беде своих «чеченских братьев», и если что, добровольцами уйдут к ним воевать против России. Они именно так и сказали, себя, видимо, уже не считая ее гражданами. Потом, почему-то проникнувшись к нам симпатией, они повезли нас к «чеченским братьям» в Горагорск, «настоящим бовикам», как они объяснили, чтобы те тоже «дали интервью». Упускать такой шанс было нельзя. Мы поехали.

Потом мы почти до сумерек болтали с наряженными в какую-то полувоенную форму «чечами», оборудовавшими укрепления на въезде в Горагорск. Снимали их на фоне замаскированной под деревьями пушки, у загнанного в дом «бэтээра», над линией глубоких траншей входа в блиндажи. Война еще не началась. Я с интересом разглядывал боевиков, выслушивал их мудрствования. И постоянно ловил себя на мысли, что не ощущаю ненависти к ним, злобы или презрения. Скорее грусть и сожаление. Грусть оттого, что этих, в общем-то, обычных мужиков, говорящих с нами на одном языке, учившихся в тех же школах, что и мы, смотревших одни и те же фильмы, мечтавших, наверное, об одном и том же, вдруг так жестоко и страшно оторвали от нас, оболванили простыми и очень убогими – даже не идеями, нет! – просто лозунгами, посулами. Сбили в их душах крышки с горловин, в которых таились самые примитивные и реликтовые чувства. И слепоту эту уже не излечить лекциями или спорами. А значит, очень скоро мы будем смотреть друг на друга в прорези прицелов, уже не сожалея ни о чем, без жалости, без сомнений...

...Если не ошибаюсь, это была единственная видеозапись маршрута, по которому должны были через полтора суток двинуться войска. На других маршрутах не было даже этого...

Все эти годы я нет-нет да и возвращался мыслями к той далекой поездке, к тем разговорам. И путь на Горагорск стал для меня чем-то мистическим, как сошествие в закипающий огнем ад. С горечью знания о грядущих муках и невозможностью их остановить, отвести...

И вот теперь колонна все выше забиралась на хребет, подтягиваясь к Горагорску. По окраинам Горагорска еще перестреливались снайперы, в недалеких кошарах отлеживались, прячась от огня, боевики, но уже поступила задача завести в Горагорск сводный отряд ОМОНа.

Сегодня мы шли другим маршрутом. Обходя, оставляя Ингушетию справа. И я с любопытством вертел головой по сторонам. Вообще практически с первого часа пребывания в Моздоке в глаза бросилось столь явное отличие этой войны от той, что это поначалу даже смущало своей «невозможностью». Моздок работал как единый мощный механизм. Куда делся столь знакомый по прошлой войне беспорядок и хаос. Каждая часть, каждый батальон, каждая станция были встроены в жесткую боевую конструкцию войсковой операции. Вся территория четко поделена на зоны ответственности тех или иных силовых структур. Отлажена пропускная система, эффективно действует комендантская служба.

Порядок чувствуется и по мере приближения к войне. Если раньше блокпосты и КПП стояли только на пересечениях крупных магистралей, оставляя без прикрытия иногда десятки километров дорог, то теперь практически на каждой господствующей высоте, на любом перекрестке окопался взвод или рота. Во всем чувствуется единый план, единое командование.

Если в ходе прошлой войны наши части заходили в аулы и станицы только для «зачистки» и проверки паспортного режима, фактически отдавая их на все остальное время все тем же затаившимся здесь боевикам, то теперь в каждый населенный пункт решено ввести и разместить российский гарнизон, который должен стать силовой опорой военного коменданта и возрождающегося местного МВД. Это правильное и точное решение, выбивающее почву из-под ног боевиков...

Наша колонна состояла из пятнадцати грузовиков, в кузовах которых на мешках и ящиках густо сидели бойцы ОМОНов двух северных городов. Для ее проводки и прикрытия было выделено два «бэтээра» спецназа «Русь». На втором, замыкающем, мы и двигались.

Если в предгорьях было просто промозгло, то уже в самом начале подъема пошел мелкий, нудный дождь, который то растворял туман, и тогда из него проявлялись недалекие склоны, то сам таял в тумане, и все вокруг тонуло в сырой хмари.

По пути то и дело попадались брошенные коровы, которые бесцельно и сиротливо бродили по горным склонам. Несколько раз мы объезжали искореженные, сгоревшие остовы машин. В некоторых угадывались джипы, но чаще всего грузовики. Это поработала наша авиация. Попадались и окопы, развернутые в сторону России, некоторые были полусасыпаны и густо изъедены воронками – места недавних боев. Наконец колонна вынырнула из тумана и забралась на вершину. Здесь было неожиданнолюдно. На склоне слева стволами в долину развернулась батарея «дэ тридцатых». За дорогой бугрились палатки еще какого-то, судя по форме, ОМОНа. Сновали туда-сюда грузовики. Дымились полевые кухни.

Колонна встала. На лобовом листе передового «бэтээра» отцы-командиры развернули карту, привязываясь к местности. Нашли точку стояния. Начали что-то обсуждать, то тыча в карту, то указывая куда-то за гребень горы. Пользуясь паузой, «народ» на броне осторожно «в кулак» закурил, согреваясь после пронизывающего, сырого ветра, трепавшего нас всю дорогу. Кто-то торопливо побежал к обочине... Наконец, что-то решив, старший дал команду «По машинам!» И колонна вновь тронулась с места. Перевалила вершину и почти сразу втянулась на мощные камнем улицы Горагорска. О недавних упорных боях почти ничего не напоминало. Большинство домов не только вполне спокойно стояло под крышами, но даже стекла в них не были разбиты. Во многих дворах бродили куры. Лишь далеко внизу по

склону на самой окраине курился дымом не то склад, не то коровник. Да километрах в пяти дымно чадила подоженная скважина. Я смотрел по сторонам и не узнавал ничего вокруг. До этих улиц в прошлый раз я так и не добрался.

Предстояло выбрать базу для ОМОНа. Неожиданно где-то недалеко «кашлянул» разрыв, за ним другой, третий. Судя по звуку – работала артиллерия. Бойцы на броне встрепнулись и обеспокоенно осмотрелись по сторонам. Война была где-то рядом.

Наконец подобрали подходящее для базы место, и колонна втянулась во двор здания не то конторы, не то администрации стоявшего особняком почти на самой вершине поселка. Здание укрывал невысокий, но мощный каменный забор. Несколько бойцов тут же заняли позиции по периметру ограды. Пулеметный расчет полез на крышу. После этого начали разгружаться. Грузные, мощные омовцы тяжело спрыгивали на землю, звеня оружием и снаряжением. Распахивали борта грузовиков. Вытаскивали из кузовов тюки, мешки, ящики, кровати, термосы и еще множество всякого военного скарба. И потому как сосредоточенно, споро работали они, чувствовалось, что для этого ОМОНа такая командировка уже тоже далеко не первая. Понять это можно было и по тому, как продуман, отобран был груз. Ничего бесполезного, ненужного. Все по делу, все к месту.

Между работающими крутилась крепкая немецкая овчарка, разминая затекшие от долгого сидения в кузове лапы. Ей то и дело перепадали кусочки пайковых галет и пластинки печенья. Связисты раскручивали мотки антенн, растягивали их, закрепляли. Разведчики на «бэтээрах» спокойно и чуть ревниво наблюдали за работой омовцев. Задачи по сопровождению выполнялись почти каждый день. И, обеспечив безопасность ОМОНа в пути, теперь надо было засветло вернуться с колонной пустых грузовиков на базу. А это во многом зависело от расторопности омовцев. Но и торопить их никто не пытался. Спецназовцы слишком хорошо понимали, что чувствуют сейчас эти русские мужики за две с половиной тысячи километров от родного севера. Как тревожна и враждебна будет для них эта первая ночь, как чужда и не обжита база. Потом, когда наладится жизнь и служба, база станет родным домом, а поселок и его окрестности будут изучены лучше, чем домашние антресоли, их настроение будет другим. Но сегодня самая трудная ночь. И потому никто никого не торопил.

Неожиданно на командира нашей группы по радиации вышел старший. Пока ОМОН не закончил разгрузку, необходимо было с командиром ОМОНа выдвинуться на передний край для рекогносцировки и знакомства с обстановкой на месте. Все быстро попрыгали на броню, и «бэтээр» сорвался с места. Через пару улиц дорога стремительно пошла под уклон. Домов стало меньше. И наконец мы выскочили на окраину Горагорска. Точнее, его верхней части. У подошвы горы раскинулся нижний поселок, и глаза мгновенно выхватили из ландшафта знакомые зубцы многоэтажек при въезде. Они! Там, недалеко от них, несколько лет тому назад, я стоял с двумя разведчиками и, слушая разглагольствования боевиков, гадал о том, как сложатся их судьбы через месяц, через год? Как сложатся наши судьбы? Какой будет эта война? Что принесет она России? И, всматриваясь тогда в затягиваемые туманом вершины, я пытался понять, кто смотрит сейчас оттуда на меня и что он видит? Сегодня с этой вершины на себя самого смотрел я сам. Смотрел спустя несколько лет. Круг замкнулся. И уже несущий на плечах груз знания того, что ждет стоящих внизу в окружении боевиков разведчиков, я,

как мог, пытался передать им всю свою тревогу и боль за то, что было и еще будет...И я помню, как тяжелое предчувствие словно лизнуло тогда сердце...

Крут замкнулся...

По радиии передали, что разгрузка окончена и ОМОН «заземлился». Надо было спешить домой. Стремительно наполнили ранние осенние сумерки. Я встряхнулся, сбрасывая наваждение и оцепенение прошедших минут. Взревел движок «брони». Машина покатила по склону вверх. На вершине я еще раз бросил взгляд назад. Пронзительное ощущение прикосновения к чему-то невыразимому исчезло, прошло. Тот я, из прошлого, уже получил знак и тоже ехал сейчас домой. А мне уже ждать здесь знака или знамения не имело никакого смысла. Третьей дороги на Горагорск нет...

Талисман майора Уланова

Сергея Уланов размял в прокуренных пальцах белый карандаш сигареты. Прикурил от дрожащего на ветру огонька зажигалки, не торопясь, глубоко затянулся. Выдохнул едкий дым. Кашлянул. И, пожившись на ледяном мокром ветру, спрятал лицо в воротник летной куртки.

– Да... Не «Мальборо». И погода – не Гавайи.

– И «восьмерка» твоя, Владимирович, между прочим, тоже не танк «Т-72», – укоризненно добавил инженер эскадрильи.

Понять инженера было можно. Техники уже насчитали в борту вертолета пятнадцать пробоин, но это, судя по всему, была не конечная цифра. Предстоял еще осмотр двигателя, а залитое маслом остекление кабины почти не оставляло сомнений в том, что придется производить его замену.

– В общем, отдыхай теперь, Серега. Дня четыре как минимум.

Сергея философски пожал плечами и неожиданно широко, по-детски улыбнулся.

– Хоть отосплюсь, отъемся! Аза! Ты где, моя радость?

На его зов откуда-то из-под широкого «днища» вертолета выскочил пятнистый спаниель и, вильнув обрубок хвоста, с преданным видом уселся у ног хозяина.

– Все, отлетались. Каникулы у нас.

Словно поняв эти слова, спаниель озабоченно подбежал к передней стойке «вертушки», обнюхал ее и вопросительно посмотрел на людей.

– Домой, Аза! Домой!

Услышав знакомую команду, собака радостно сорвалась с места и затрусила к стоящему неподалеку ангару, в котором прятались от непогоды палатки управления авиацией сухопутных войск. За ней к ангару неторопливо зашагал и хозяин.

– В рубашке Серега родился! – пробормотал, глядя ему вслед, инженер.

– Ага! И еще с золотой ложкой во рту! – добавил один из техников, осматривавших самолет. – Смотри, Иваныч, пуля впритирку с ланжероном прошла.

Вертолет «Ми-8» хотя и называется «транспортно-боевым», но для боя приспособлен мало. «Как парадная шинель для мороза», – шутят летчики. Боевого в нем только «бочки» блоков на бортовых пилонах да курсовой ПКМ – вот и все оружие. Броня – вообще смех.

Легкий дюралевый корпус прошивается насквозь даже автоматной пулей. На поздних модификациях установили, правда, стальные щитки вокруг кабины пилотов, но даже их приходится «усиливать» выстеленными на остеклении и полу бронежилетами. А уж о бронировании и защите жизненно важных узлов и агрегатов вообще речи не идет. В общем, по всем признакам «боевиком» «Ми-8» никак не назовешь. Но странное дело – «восьмерка», и это факт, одна из самых живучих машин своего класса. Напоминающая иногда шумовку, изрешеченная, с пробитыми топливными баками, вырванными кусками обшивки «восьмерка» дотягивает до «точки» – родного аэродрома. Армейцы боготворят «восьмерку». Санитарка и грузовик, легкий разведывательный глиссер и верткий небесный мушкетер, способный огрызнуться огнем, ответить на удар ударом. Все это «восьмерка»! И наверное, главным подтверждением правоты этой характеристики является то, что «Ми-8» сегодня самый массовый в мире вертолет.

Ну а летчики, летающие на «восьмерках», это настоящая элита нашей авиации. Именно они сделали «восьмерку» легендарной. Именно здесь наиболее полно раскрылось летное мастерство, когда за тяжелоранеными солдатами пилоты вылетали в такую непогоду, что машины шли буквально «по столбам», на высоте десяти, пятнадцати метров, ориентируясь по столбам электропередачи. А какого филигранного расчета требует «подсадка», когда вертолет одним шасси цепляется за склон горы, а двумя другими висит над пропастью, и лопасти винта секут воздух в нескольких десятках сантиметров от каменной стены. Поэтому не случаен тот факт, что большинство вертолетчиков, получивших звание Героев Советского Союза и России, были прежде всего «восьмерочниками». На «восьмерки» всегда сажают самых опытных, умелых летчиков. Оттого почти не встретишь здесь молодых лиц. Все одни «дядьки» майоры да подполковники...

Сергея Уланов в левой (командирской) «чашке» – уже давно. Афган, через который прошло большинство командиров экипажей чуть постарше возрастом, он, правда, не застал. Война для него началась в 95-м, в знойном таджикском небе. Но к жаре ему не привыкать – сам родом из Средней Азии. К российским холодам долгие приспособился. Потом была «первая» Чечня 1996 года, теперь вот «вторая». Звезд с неба Уланов не хватал, но и от работы никогда не бегал. Летать для него, что для шофера ездить. Это и работа, это и лучшее лекарство от всех жизненных невзгод, которыми столь полна нынче жизнь военного человека. Так уж случилось, что на четвертом десятке лет живет Серега «неженато». Впрочем, одиноким он себя не считает. Вот уже одиннадцать лет с ним делит все его радости и невзгоды Аза. Первый раз он взял ее с собой на полеты полугодовалым щенком. С тех пор практически весь «налет» они расписывают на двоих. У Сереги пятьсот часов, и у Азы – пятьсот. У Сереги – тысяча, и у Азы – тысяча. За эти годы Аза стала живым талисманом полка. Причем «старшим» талисманом, потому как вслед за спаниелем летную профессию взялся осваивать и кавказец Акбар. Но то ли потому, что летать на боевых «Ми-24» псам сложнее, а может, в силу характера, но догнать Азу по налету Акбар так и не смог. Предпочитал хозяина на земле дожидаться, в тенечке, без тряски и воя движков. А теперь и подавно. Хозяин Акбара нынче готовится к увольнению в запас, и летная карьера Акбара завершилась.

– В прошлую Чечню уже вещи собрал – домой готовился. Уже из «вертушки» собака

выпрыгнула кружок сделать. Тут меня командир спрашивает: ты устал? Да, говорю, устал. А собака устала? Конечно! Ну так все равно – тащи вещи назад. Не можем мы без Азы. И что? Пришлось вылезать. Еще на две недели остались. Если Аза со мной – значит, все нормально будет. Аза! Аза! Ты где? – Серега заглядывает под кровать, на которой сидит. – Вот, стерва, опять драпанула сладости стрелять. Вообще она ест все: косточки, колбаску, сладости любит, как все женщины. А больше всего обожает – не поверишь! – пиво. Налью миску – лакает аж похрюкивает. Но ни разу пьяной не была. Меру знает.

Сидящий на койке Уланов, в морской тельняшке, в шлепанцах на босу ногу больше всего сейчас походил на обычного работягу, заводчанина, вернувшегося со смены домой. И было очень трудно совместить в сознании изрешеченный вертолет с этим совсем «домашним», не героическим и слегка осоловевшим, не то от усталости, не то от пережитого Серегой.

– Она, знаешь, какая умница? Все понимает. Вот, помню, как-то сына схватила за руку, но не укусила, а держала. Подхожу и вижу – оказывается, он ей в ноздрю болт из конструктора вкручивал, а она его остановила, хотела, чтоб хозяин увидел. Порядок навел. А еще однажды плавала в апреле среди льдин за гусем. Простудила свое женское. Кровь текла. Я выхаживал, уколы колол. Так не поверишь – она сама лапу поднимала: «Коли, папка!» Чувствует, когда собираюсь в командировку. Ходит возле сумок, за мной по пятам. Бери с собой – и все.

Женщина может предать, а собака – никогда...

А вертолет для нее – дом родной. Она обычно сидит спереди, за курсовым пулеметом.

Утром на стоянке на борту «восьмерки» работала уже целая бригада техников и механиков. Густо сыпал стылый моздокский дождь, но, не обращая внимания на непогоду, «наземники» ремонтировали израненную машину. Чеканно стучали молоточки: это накладывали дюралевые заплатки на пробоины в корпусе механики. Копались в жгутах проводов и блоках аппаратуры, заменяя перебитые и простреленные детали «аошники» – специалисты по авиационному оборудованию. Только теперь вдруг стало понятно, насколько хрупка и уязвима винтокрылая машина.

– Смотри, – объяснял мне Уланов. – Видишь, здесь пуля вошла, пробила топливный бак, дальше перебила проводку, разбила этот блок и над моей головой ушла сквозь стекло.

Пока Серега объяснял, Аза привычно расположилась на разложенном под пулеметом бронезилете. Положив голову на лапы, она задремала.

– Оно как все вышло? Поставили задачу собрать инструкторов по снайперской работе с девяти площадок. С семи собрал. Проходил над Арштами километрах в четырех от границы с Чечней. И каким-то шестым чувством понял, что здесь по нам будут работать. Поэтому сильно маневрировал: креном, тангажом, скоростью, высотой. Лечу, и вдруг навстречу в меня какая-то ерунда летит с дымным следом. И тут сообразил, да это же граната от РПГ. Метров с двухсот, сука, бил. И тут просто Бог спас. Граната попала в пылезащитник и срикошетила. Рванула метрах в ста справа. Ну меня тут и разобрало. Думаю: в меня бьют, а я что, терпеть буду? Тут же повернулся и накрыл эту точку – девять ракет послал. Очень хорошо накрыл. Вдребезги все. Смотрю, какие-то обрывки полетели. Самое интересное, что у меня задача была – сесть в этих Арштах. Мол, там наши стоят. Так бы и сел... Я бы вообще у Аушева

спросил, как это с его территории по нам бьют?.. Ну, в общем, отработал я по «гранику». А как развернулся – так по мне с четырех сторон и влупили с автоматов и пулеметов. Тут опять повезло. Одна пуля блок пробила, и в нем ракета взорвалась, но ее просто в сторону вывернуло, блок не сдетонировал. Потянул домой. Лечу. В машине тридцать две дырки. Пробит маслопровод, масло по стеклу хлещет. В топливных баках дырки, лопасть пробита. Еще бы минута полета – и двигатель заклинило бы. Но тогда я всего этого не знал. Про лопасть, про тридцать две пробоины. Домой было, главное, дотянуть. А дошло все, наверное, только через полчаса после посадки. Трясти начало.

Как стрелять начали, Аза выскочила в грузовую кабину, ну а когда кабину изрешетили – так вообще залегла на полу и лапами голову накрыла. Умница.

Я потом сижу у «вертушки», курю. Руки ходуном ходят. Зуб на зуб не попадает. А она скачет вокруг. Лижется, скулит. Ты, мол, папка, не переживай. Все будет хорошо. Я же с тобой, я здесь! И точно, погладил ее, обнял и полегчало. Отошел мандраж.

К вечеру на стоянку привезли двигатель.

Правда, не новый. На новые давно нет денег, но этот был вполне ничего – только после капремонта. На утро запланировали замену. Уланов деловито обошел установленный на опорах, переплетенный трубками черно-матовый цилиндр движка. Вздохнул.

– У меня же были самые мощные движки в эскадрильи...

– Не волнуйся, Серега, сделаем как было, – отозвался инженер.

На аэродром налетел дождевой заряд, и Аза, пользуясь невнимательностью хозяина, торопливо затрусил к спасительному ангару.

– Куда это твой талисман дунул?

Уланов оглянулся.

– Куда? Куда? Греться. Она, в конце концов, женщина, невоеннообязанная, и к тому же у нас сегодня день нелетный.

Даешь Аргун! Даешь Шали!

ЗДРАВСТВУЙ, СПЕЦНАЗ!

«Вертушка» зависла у земли, едва касаясь ее черной резиной пневматиков, и буквально стригла лопастями воздух, когда борт-техник распахнул дверь и сидящий у двери высокий моложавый полковник первым спрыгнул на землю. За ним стали выпрыгивать остальные и как-то неуклюже, словно скользя на лыжах, ковыляли, ежась от бешеного ветра, к раскинувшимся неподалеку палаткам с антеннами. Дошла очередь и до меня. И, впечатавшись армейскими ботинками в землю, я мгновенно понял причину столь неуклюжего ковыляния. Поле под ногами было как пластилин. Оттаявший на солнце чернозем пудовыми липкими комьями повис на «берцах». Идти можно было только странной смесью конькового хода и ходульного шагания, потому что под оттаявшим черноземом была скользкая, как стекло, промерзшая земля.

«Вертушка» за спиной взревела движками и, круто накренившись, отвалила куда-то за

недалекий лес к передовой, где ее ждали раненые. С трудом доковыляв до ближайших палаток, чертыхаясь и проклиная оттепель, я вдруг неожиданно нос к носу столкнулся с невысоким, крепким и очень знакомым человеком в армейском «горнике» – брезентовом костюме. Юрьев! Валера Юрьев!

...Несколько лет назад, когда только начиналась та, первая война, я прилетел в Чечню с полком разведки ВДВ. Созданный буквально за год до этого, этот полк был качественно новой боевой единицей. Он был сформирован с учетом опыта использования армии в национальных конфликтах и имел в своем составе, кроме боевых подразделений, собственные разведывательные подразделения, причем не только войсковые, но и агентурные, технические. А также отряд психологических операций со своей типографией, теле- и радиостанцией. И отряд беспилотных самолетов-разведчиков – до этого вообще невиданное дело для линейных частей. В общем, это был мощный кулак, который перекрывал практически весь спектр конфликтных ситуаций. Командовал полком в Чечне Юрьев, бывший в ту пору начальником штаба полка.

...Полк специального назначения разведки воздушно-десантных войск был в декабре 1994 года едва ли не единственной полнокровной боевой единицей на все Вооруженные Силы России. Создавал его неторопливо и тщательно начальник разведки ВДВ полковник Павел Поповских, отбирая для будущей элитной части лучшие подразделения ВДВ. 218-й батальон спецназа, героически проявивший себя в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, стал основой этого полка, а к нему Поповских добавил «непромокаемый» (по шутке ВДВ) 901-й десантно-штурмовой батальон, выдержавший годичную блокаду в осажденном Сухуми. Всего за год из этих батальонов сложился элитный, абсолютно новый в современном военном строительстве полк, идеально приспособленный для участия в локальных конфликтах, имеющий полный арсенал средств для проведения как боевых, так и психологических операций. 1 января полк бросили в Грозный как последний резерв всей Российской армии. Полк спецназа не имел ни пушек, ни танков, ни минометов. Всего четыреста бойцов с легким стрелковым оружием да десяток бэтээров – вот и все силы десантников. А в городе, после разгрома и гибели 131-й бригады, 81-го полка, после отступления штурмовых группировок на одного российского солдата приходилось восемь боевиков. И казалось, что полный разгром и гибель остатков наших войск уже неизбежны. Вот в эти часы полк с боем прорвался к генералу Рохлину. Тогда-то и стали понятны мудрость и дальновидность разведки ВДВ, создавшей и обучившей этот полк. С первых часов разведчики захватили инициативу у боевиков. Умелые, обученные, психологически подготовленные спецназовцы начали беспощадно и страшно перемалывать опьяненных успехом, уверенных в безнаказанности боевиков Дудаева. Уже через сутки после прорыва полка к Рохлину боевики окрестили его «президентским» и при одном упоминании о нем начинали нервничать. А еще через двое суток Дудаев издал приказ о запрещении прямых столкновений с «серыми волками» (эмблема полка), объявил их личными врагами и назначил огромные премии за каждого убитого спецназовца и особую премию за пленного. Эта премия так и осталась невыплаченной... Дудаеву противостоял невысокий, худощавый, немногословный полковник, который прорвался в город на броне вместе со своими «спецами» и лично руководил разработкой и проведением каждой операции полка... Он мог

не ехать на эту войну. Как не прилетели сюда десятки комкоров, командармов и комдивов, отправивших в Чечню свои части, а сами оставшиеся в теплых штабных кабинетах. Но полковник Поповских не мог поступить иначе. Полк был его детищем, его созданием, а значит, он должен быть с ним. И потому Поповских не вылезал с передовой, лично ходил с группами на «боевые». Дудаев не знал, кто командует ненавистными ему «серыми волками», но заочно приговорил его к смерти. Слишком велики были потери боевиков и слишком горьким оказалось разочарование от выбитой из рук победы... Тогда, в январе 1995-го, полковник Поповских и его полк спасли не только группировку генерала Рохлина, но и честь, престиж всей России, ее армии от бесславного и позорного разгрома. Именно 45-й полк специального назначения ВДВ переломил ход боев за Грозный, нанес боевикам тяжелейшие поражения, овладел ключевыми узлами сопротивления и обеспечил удачное наступление других частей.

...Конечно, я стал гостем родного полка. Вечером в командирской палатке, отхлебывая из армейской кружки душистый чай, я с жадностью узнавал последние новости. О том, как воюют разведчики, как вообще дела у группировки ВДВ, как друзья-товарищи. Надо сказать, что интерес у меня был к полку особый еще и потому, что в нем до октября два своих солдатских года отслужил по моей «протекции» мой близкий друг Игорь, мечтавший служить только в спецназе. Вместе с полком он был переброшен в Дагестан и с первых дней войны воевал в составе группы спецназа. В составе группы он 1 октября принял неравный бой с бандой боевиков, буквально выкатившихся на замаскировавшихся в камышах разведчиков. В неравном бою разведчики рассеяли боевиков, уничтожив более десятка бандитов. Но не обошлось без потерь и у нас. Погиб командир группы майор Яценко. А Игорь был ранен – осколки гранаты посекали спину. Один из них, раздробив левую лопатку, ушел под легкое. И вот теперь я узнавал подробности того боя.

Конечно, говорили и о роли и месте «десантуры» на этой войне. Группировка ВДВ уже почти два месяца находится на острие наступления легендарного Трошева. И десантники ни разу не подвели. Воюет группировка зло, отчаянно, умело – как и полагается ВДВ...

РАЗВЕДЧИК ЛЕНЦОВ

...Вообще-то по должности Михаил Ленцов «химик» – боец взвода химической защиты. Но в силу какой-то странной военной логики именно военным-«химикам», наверное самым мирным, после медиков, были определены в заведование «Шмели» – реактивные огнеметы, едва ли не самое грозное боевое оружие из всего носимого пехотой. Короткие толстые тубусы «Шмелей» таят в себе ракеты, начиненные сверхмощной горючей смесью, которая, сдетонировав, способна сложить трехэтажный дом или испепелить все на площади в несколько десятков метров. Поэтому «химик» с «двухстволкой» – блоком из двух «Шмелей» за спиной стал на этой войне почти обязательным номером боевого расчета разведчиков.

В тот день Ленцов шел левофланговым разведгруппы двести сорок седьмого парашютного десантного полка. Задача у разведчиков была обследовать лес вокруг дороги на Аргун и обеспечить выдвижение основных сил полка. Ночью перед выходом группы густо валил снег, и к утру лес был почти по колено заметен. Снег для разведчика это, конечно, не

самая большая неприятность. Куда опаснее было другое. Под сугробами исчезли все следы. А ведь небрежно брошенная пачка из-под сигарет, окурков, обрывков бинта, вощеная бумага от патронной укупорки или остывающие угли костра так много могут рассказать бывалому разведчику. По «окаменелости» окурка, свежести бинта легко можно определить как давно были здесь боевики.

Но в это утро лес дышал девственной снежной свежестью. Ни следа, ни звука.

Разведчики осторожно пробирались между стволов, чутко вслушиваясь и вглядываясь в бело-черную «графику» заснеженного леса. Группа, развернувшись веером, прочесывала лес параллельно трассе. Ничто пока не свидетельствовало о присутствии боевиков. Стрелки на часах прошли двенадцатичасовую отметку. Совсем скоро разведчики должны были выбрать место для привала и скорого обеда. И здесь неожиданно прямо из зарослей орешника на бойцов группы вразвалочку, руки в карманах, вышли из зарослей орешника два боевика. Русских здесь явно не ждали. За эту беспечность «чечам» пришлось заплатить своими жизнями.

Очереди в упор опрокинули их на снег. И здесь Ленцов краем глаза заметил движение за спиной. Резко обернулся и уже инстинктивно рухнул в снег. Невысокий снежный холм, обойденный разведчиками, оказался землянкой. Черным зевом распахнулась дверь, и из темноты, щурясь от света, выскочил бородатый боевик с автоматом наперевес. Но понять, что к чему, он не успел. Ленцов поймал в прорезь прицела бритый лоб боевика, и через мгновение его проломила автоматная пуля. А из землянки на свет лез уже очередной «дух». Подождав, пока он весь окажется на улице, Ленцов вогнал пулю между глаз и ему. Лишь после того, как на пороге землянки рухнул замертво четвертый боевик, до тех, кто в ней оставался, стало доходить что происходит наверху. Но слишком долго размышлять им над судьбой Ленцов не дал, метнув в черный зев двери рубчатую картофелину лимонки.

Несмотря на фактор неожиданности, ситуация, в которой оказались разведчики, была крайне сложной. Группа оказалась прямо в центре лагеря боевиков. Из многочисленных землянок, как черти, на белый свет лезли испуганные, обалдевшие от неожиданности «чечи». Пользуясь неразберихой, разведчики густо валили их, но силы были слишком неравны. Пятнадцати десанникам было не под силу противостоять сотне боевиков. Тем более что с каждой минутой те все больше приходили в себя. Землянки ошестинивались огнем, под прикрытием которого «чечи» змеями расползались по траншеям, укутанным снегом. Надо было отходить. Но оторваться от боевиков днем, да еще находясь почти в центре их лагеря, было очень не просто. Огрызаясь огнем, прокладывая путь гранатами, разведчики пробивались в глубь леса. Замыкал группу Ленцов с одним из автоматчиков. Неожиданно на пути у группы оказалось болото. Среди снежных шапок кочек чернела вода. Прямо через болото тянулся заснеженный язык сухой земли. Разведчики проскочили по нему на другой берег. Совсем близко за спиной затрещали очереди. Поняв, что русских совсем немного, «чечи» бросились в погоню по свежим следам на снегу...

Именно такие ситуации в разведке всегда самые тяжелые. Чтобы дать возможность группе отойти, сбить след, кто-то должен остаться прикрывать отход. В девяти из десяти случаев остаться на верную гибель, жертвуя собой, чтобы спасти жизни своих товарищей.

На краю прохода через болото остался Михаил Ленцов. Стащил со спины тубусы

«Шмель», привел их в боевое положение. Выложил на снег гранаты, сменил «магазин» у автомата. Замаскировался. Крики и очереди приближались. И вот на краю болота показались боевики. Чужую добычу, они почти бежали по следам десантников. Несколько из них сунулись было напрямик через болото, но, провалившись почти по пояс в грязную жижу, ругаясь вылезли на снег и затрусили к «языку» прохода. Ленцов осторожно поднял «Шмель». В прорезь прицела поймал пробирающихся по «языку» боевиков и, выждав еще несколько мгновений, пока на переходе соберется их как можно больше, надавил на спуск. Оглушительно ахнул выстрел. Граната черной молнией метнулась к цели, и через долю мгновения «язык» утонул в огненно-черной вспышке. По ушам сухо ударил взрыв. Не давая боевикам очухаться, Ленцов подхватил второй «Шмель» и, быстро прицелившись, вогнал его гранату в самое начало прохода. Вторая вспышка накрыла подбегавших к нему из леса боевиков. И, не давая им очухаться, Ленцов ударил в это огненное месиво из автомата. Когда дым рассеялся, на черном, обугленном снегу тут и там бугрились изуродованные тела боевиков. Уцелевшие «чечи» торопливо отползли под защиту кустов. За некоторыми из них тянулись кровавые следы. Ленцов быстро сменил позицию – переполз к развилке старой ивы и замер. И вовремя. Спустя мгновение воздух распорол сотни пуль. Трещали срезаемые ими ветки, визжали от ricochetившие пули. Но били боевики не прицельно, куда попало, так и не поняв, где же находится позиция русского огнеметчика. Спустя несколько минут стрельба стихла, и от леса к проходу, сгибаясь, то дело приныкая к земле, устремились два боевика. Подождя, пока они окажутся на расстоянии броска гранаты, Ленцов рванул чеку из «лимонки» и, разжав ладонь, отпустил предохранительный рычаг. Выждав мгновение, он коротким резким броском отправил гранату в боевиков. Как он и рассчитал, взрыв прогремел в воздухе над головами боевиков, навсегда пригвоздив их к земле. Воздух вновь распорол выстрелы. Ленцов по-пластунски переполз на новую позицию. Еще дважды пытались боевики прорваться через проход в болоте и оба раза откатывались, оставляя убитых и раненых. Наконец, решив, что прорваться здесь не удастся, боевики бросились искать путь вокруг болота. Воспользовавшись этим, Ленцов отошел и через час нагнал свою группу, к которой уже подходили на помощь роты полка...

А еще через несколько минут по лагерю боевиков уже мощно работала артиллерия группировки, чей огонь вызвали и скорректировали разведчики...

Когда утром на место боя вышли передовые части полка, только у болота валялось более двадцати обугленных и разорванных тел боевиков.

Вечером того же дня командир полка полковник Юрий Эм представил рядового Михаила Ленцова к званию Героя...

АЛЛАХ АКБАР!

Свято блюдя традиции военной разведки, спецназовцы не любят представляться. Так повелось исстари, что уходящий за линию фронта в тыл врага боец оставляет свое имя, свое прошлое тем, кто остается. Ни одного документа, ни клочка бумаги, которые могли бы рассказать врагу о том, кто это был, если группа погибнет и враги будут обшаривать мертвые тела. Только оружие, боеприпасы и радиопозывной. Один на всех. Но даже он лишь кодовое

слово в голове командира группы и радиста... Ибо одна «засветка», и у самой подготовленной группы не останется ни одного шанса выжить. Ведь как бы ни был подготовлен спецназовец, жизнь его обрывается самой обычной пулей. Обнаруженная, окруженная в десятках километров от фронта группа обречена. Две недели назад погибла разведгруппа соседней бригады. Командир, заблудившись в густом тумане, вышел прямо на засаду боевиков. Из четырнадцати бойцов в неравном бою пало двенадцать. Двое ранеными попали в плен.

Но бывают и почти комичные ситуации. Так, на подступах к Аргуну одной из разведгрупп ГРУ была поставлена задача выйти скрытно в тыл к боевикам, замаскироваться и наводить артиллерию и авиацию на обнаруженного противника. Под утро группа заняла позицию на старом, еще с прошлой войны, опорном пункте. Пока серая предрассветная хмарь не рассеялась низким зимним солнцем, бойцы после ночного марш-броска торопливо приводили себя в порядок, готовясь на долгие часы залечь в «секреты». Один из них – снайпер группы – присел на поваленное дерево перемотать сбившуюся портянку. И едва он успел стянуть сапог, как захрустела под чьими-то ногами помороженная прошлогодняя листва и прямо на снайпера из темноты вышел здоровый боевик с пулеметом в руках. Увидев сидящего на стволе спецназовца и, видимо, приняв его за кого-то из своих, он бодро бросил:

– Аллах акбар!

– Аллах акбар! – откликнулся разведчик, сообразив, что «дух» обозначился.

Тот опустил рядом на бревно, и, поставив пулемет между ног, вытащил из кармана сигареты, протянул их спецназовцу.

– Я травки в них забил. Курны, брат, на дорожку. Хорошо бэрет!

– Да не хочется что-то.

– Зря. А я под кайфом этих свинэй лучше рэжу... – Тут он наконец присмотрелся к сидящему рядом разведчику. – Э, брат, а ты откуда?

– Из русского спецназа, брат...

На мгновение повисла тишина.

...У «чеча» пулемет между ног, у разведчика винтовка приставлена к бревну...

Боевик рванул с пояса нож и наотмашь ударил им спецназовца. Но на пол пути его рука попала в жесткий блок ладоней, и через мгновение борьбы нож выпал из выкрученной в суставе руки. А еще через мгновение уже нож спецназовца метнулся к горлу чечена. Каким-то чудом тот увернулся, и сталь только распахала лицо от глаза до уха.

– Виктор! Микола! – взвизгнул было боевик, но второй удар заткнул его навечно. Русский клинок вошел в его ухо по самую рукоять...

– Чего орешь, Ширвани! – раздалось из темноты – Опять обкурился, бисова душа?! Москалив на тебя нет.

Стало ясно, с кем перепутал его «чеч».

Разведчик буквально рухнул за трофейный пулемет, а через мгновение из темноты уже вычертились две фигуры.

– Ну, ты где?

Ответом им была длинная очередь в упор, буквально изрешетившая боевиков. В темноте кто-то закричал. И тотчас по всему опорному пункту густо затрещали выстрелы. Бой

был короток. Разведгруппа боевиков, состоявшая из чеченцев и украинских наемников, переодетых в российскую форму, беспечно заночевавшая на старых позициях, была почти полностью уничтожена. Наши разведчики отошли без потерь.

ВПЕРЕД, ДЕСАНТ!

Группировка ВДВ – это сплоченный единый кулак. Именно поэтому здесь меньше всего потерь, а одно имя ВДВ вгоняет в тоску самых отчаянных боевиков.

Вообще, наблюдая за жизнью и бытом наших десантников, я все чаще ловил себя на странном чувстве растерянности и восхищения этими людьми. Все же, как бы там ни говорили, но ВДВ – подлинная элита армии.

Они живут, выполняют задачи, сохраняют боеготовность и свой особый, ни на что не похожий десантный дух. Водитель подорвавшегося бэтэра, сам будучи тяжело контуженным, теряя сознание, смог остановить неуправляемую машину, вывернуть в сторону от обрыва, спасти товарищей – и лишь затем потерял сознание. Это ВДВ!

Ленцов – это ВДВ!

Юрьев – это ВДВ!

Эм – это ВДВ!

Честь и слава России – ВДВ!

Грозный-2000

ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ ДЕКАБРЯ

Занесенный снегом мертвый город. Бетонные скелеты руин. Непрерывный грохот разрывов, сливающийся в чудовищные по своей мощи очереди. Земля, а точнее развалины пятиэтажки, под ногами ходит ходуном. Это работает по передовым позициям боевиков наша артиллерия. Снаряды рвутся всего в ста метрах от нас. Все это уже было! Дежавю!

Такой же январь, такой же снег, те же руины. Вой снарядов, разрывы. Запах смерти: кислый – толовый, смрадный – пожарищ. Сырая муть тумана, утягивающиеся к небу жирные, черные клубы горящей нефти. Все это уже было!

Пять лет назад я вот так же лежал в километре от дворца Дудаева, вжимаясь в угол между разбитым холодильником и растрескавшимися стенами. И так же была по позициям боевиков артиллерия. Но то была другая война.

...Армия, умывшаяся кровью в новогоднюю ночь, потерявшая за несколько часов на улицах города сотни своих солдат и офицеров, большую часть техники, почти разгромленная, деморализованная, цеплялась ротами и взводами за дома и скверы, ценой огромных потерь закреплялась, замуровывалась в бетон, выравнивала положение. Шел январь 95-го. А на улицах валялись трупы наших солдат, павших еще 31 декабря, и городские псы, обожравшиеся мертвечиной, лениво обнюхивали обгрызенные руки и лица.

И вот теперь, в январе 2000-го, мы вновь берем Грозный. Но сегодня его берет уже

совсем другая армия. Обученная, собранная, осторожная. Берет не на «ура», любой ценой, «к юбилею». А методично, день за днем, дом за домом, метр за метром.

Нет. Эту войну нельзя сравнивать с той. Нельзя хотя бы потому, что сегодня нам противостоит совсем другой противник. В начале той войны на сотню боевиков приходилось не больше десяти обстрелянных опытных бойцов. Отряды их действовали вразнобой, хаотично, без особого плана. Теперь против нас дерутся отлично подготовленные профессионалы, прекрасно вооруженные, экипированные, организованные в сплоченные группы и отряды. Раньше наемников мерили десятками, теперь их сотни. Чеченские генералы сделали все, чтобы превратить Чечню в неприступную крепость и умыть русских собственной кровью. Но вышло иначе. Кровью умываются они сами. Потери боевиков в среднем шесть «бородатых» за одного нашего. Но сражаться приходится буквально за каждый метр.

Боевики дерутся с яростью обреченных. Консервный завод (в прошлую войну я жил там несколько дней у разведчиков 45-го полка спецназа) уже трижды переходил из рук в руки. Командиры поспешили отрапортовать о взятии моста через Сунжу, но к утру боевики вновь отбили его. Бои на «Минутке» не утихают уже две недели.

...Уже никто не помнит, как называется эта площадь по-настоящему. «Минуткой» ее прозвали из-за маленького кафе «Минутка», стоявшего здесь до штурма. В прошлую войну «Минутку» брала морская пехота. Был день, когда от черных морпеховских бушлатов, распятых пулями на снегу, рябило в глазах.

Но нам до площади еще почти километр.

* * *

...506-й полк готовится к третьей атаке. Роты накапливаются за непростреливаемыми стенами, бойцы торопливо забивают патронами магазины и пулеметные ленты, готовят «Мухи» и «Шмели», рассовывают по карманам гранаты из только что вскрытого ящика. Снайперы, не дожидаясь окончания артналета, расползаются по «лежкам». Сейчас закончит работать артиллерия, и полк рванется вперед через улицу к остовам двух девятиэтажек, в которых засел духовский отряд. Две предыдущие атаки захлебывались на подступах. Плотный огонь прижимал пехоту к земле, и приходилось, обкидавшись дымовыми шашками, отступить, вытаскивая на себе убитых и раненых. Двух «двухсотых» и четверых «трехсотых» увезла санитарная «метла» – МТЛБ. Один «двухсотый» так и остался на нейтралке.

За шиворот сыплется сбитая шальным осколком штукатурка. Беззлобно матерится прапорщик – бывший старшина, а теперь ротный, принявший час назад роту. Он уже четвертый по счету ротный. Первый погиб неделю назад. Второго ранили позавчера. Третьего – час назад. К вечеру роту примет кто-нибудь из офицеров, но пока рядом никого старше прапорщика нет.

Вообще полком 506-й остался только на штабных бумагах и картах. За неделю городских боев из строя выбыла почти треть его личного состава. В ротах осталось по двадцать-тридцать человек. В батальонах – восемьдесят-сто. Число погибших перевалило за тридцать. Люди на пределе измотанности. Но ни жалоб, ни просьб о замене. Только угрюмая

решимость идти вперед. И валить! валить! валить! боевиков.

Когда пыль, поднятая разрывами снарядов, осела, выяснилось, что штурмовать уже практически нечего. Вместо стоявших еще час назад апокалипсических «скелетов» девятиэтажек перед глазами горбатились обломками стен два огромных бетонно-каменных холма, курившихся тут и там серо-черными дымами. За ними в глубине улицы открылась скрытая до этого пятиподъездная пятиэтажка. И из нее тотчас защелкали выстрелы снайперов.

– Твою мать! – устало выдохнул прапорщик. – Начинай все сначала!

– Эти, что ли, отошли? – спросил об открывших огонь снайперах кто-то из бойцов.

– Хрен его знает. Там тоннелей нарыто – немерено. А может, уже другие. Этим-то не очень дали очухаться.

Корректировщики тотчас начинают связываться с цэбэу – центром боевого управления, запрашивать огонь по новой цели. Комбат докладывает на «Динамо» – в штаб Трошева – обстановку. Штаб останавливает атаку. Приказ один – беречь людей!

В ожидании очередного артобстрела свободный народ разбредается по подвалу, устраиваясь кому как удобно. Закуривает, притыкается к углам, дремлет. Все это под «аккомпанемент» разгорающейся перестрелки. Сухо трещат выстрелы снайперов, захлебываются пулеметы, ухают разрывы «граников».

– Сейчас будут работать «Тюльпаны»! кричит сквозь грохот стрельбы корректировщик. И любопытные приникают – кто к бойницам, кто к проломам. Выглядывают осторожно, хоронясь от снайперов. Но любопытство сильнее.

«Тюльпан» – сверхмощный миномет. В начале 90-х командование решило, что орудия большой мощности Российской армии не нужны. И все «Тюльпаны», «Пионы» и еще ряд систем были отправлены на базы хранения. По логике командования того времени, они мешали мобильности «новой» Российской армии. Сегодня в Грозном глупость этого решения видна особенно явно. У армии не оказалось артиллерии, способной разрушать сильно защищенные объекты противника. Бункеры, штабы, склады.

И пришлось буквально заново создавать артиллерию особой мощности. Восстанавливать и вводить в строй. Теперь «Тюльпаны» – одно из самых эффективных средств борьбы с бункерами и блиндажами боевиков. Двухсоткилограммовая мина «Смельчак» корректируется в полете и способна поражать цели размером буквально в несколько сантиметров.

Где-то далеко тяжело ухнули залпы. И через мгновение пол под ногами заходил ходуном от близких разрывов. Судя по мощи разрывов, это работает «Мета». Неожиданно откуда-то из зенита на крышу пятиэтажки стремительно упала какая-то жирная черная «капля». Она словно впиталась крышей. Прошло мгновение-полтора, и вдруг бетон под ногами буквально вздыбился от чудовищного взрыва. С потолка дождем посыпалась штукатурка и куски лопнувшего бетона. А два средних подъезда пятиэтажки, как в замедленном кино, беззвучно лопнули и сложились до основания. Так работает «Тюльпан»...

К ночи первый батальон 506-го полка взял пятиэтажку и закрепился на другой стороне улицы. Очередные триста метров пройдены. За них отдали жизнь четверо бойцов и один офицер. Десять человек выбыло из строя по ранению...

Вечером я вдруг вспомнил, как на прошлой войне в брошенных на штурм в новогоднюю ночь частях офицеры вели свой календарь.

– Это для кого-то сегодня 31, – объяснял мне тогда комбат вэдэвэшного спецназа. – А у нас 44 декабря...

Двухтысячный год многие части тоже встретили на передовой, а не дома за бутылкой шампанского. И значит, для очень многих русских мужиков сегодня еще 56 декабря прошлого тысячелетия...

РАЙ ПОД ТЕНЬЮ САБЕЛЬ?

...Когда видишь, какая мощь стянута под Грозный, эти бесконечные поля, заполненные техникой, военными лагерями, рядами пушек и колоннами машин; когда видишь, как дивизион сверхмощной артиллерии выбрасывает в день по восемьсот снарядов и буквально засыпает позиции боевиков, но те стоят под огненным шквалом насмерть; когда видишь, как каждый день десятки самолетов обрушивают на их окопы и блиндажи сотни тонн бомб и ракет, но уцелевшие под бомбежкой боевики вновь встречают наступающие части огнем, то поневоле начинаешь уважать этот народ. Стойкость его мужчин, мужество и терпение его женщин. Сначала я стыдился этого, казалось бы, запретного к врагу чувства, гнал его от себя, но когда я слышал эти же слова от многих солдат и офицеров, то понял, что в уважении к врагу нет ничего стыдного. Врага можно и нужно уважать. Иначе его невозможно победить.

Да, я уважаю этих врагов. Уважаю этот народ, бросивший вызов великой России. Не побоявшийся огромной военной мощи Империи, гордый, стойкий, злой.

Да – злой! Когда я вижу видеокadres зверских казней, когда на экране режут глотки живым людям, рубят головы, отрезают пальцы, когда я вижу обезображенные нечеловеческими пытками тела солдат и офицеров, я понимаю, что ненавижу этого врага. Я пытаюсь понять и не могу понять логику их операторов, смакующих смерть и пытки безоружных пленников. Я пытаюсь понять и не могу понять зверские убийства русских стариков, женщин и детей только за то, что они русские. Я пытаюсь понять, что заставляет чеченцев делать ни в чем не повинных людей рабами, гордиться и хвастаться жестокостью к беззащитным, смаковать зверства, культивировать ненависть и месть.

И когда я вижу глаза русского раба, семь лет гнувшего спину на семью каких-нибудь Басаевых, когда я вижу глаза русской девочки, у которой на глазах вырезали всю семью, а ее саму, десятилетней, кинули в бардак для арабских наемников, во мне умирает жалость.

Да, я уважаю этого врага, но во мне нет жалости к нему, нет милосердия.

* * *

...Мне попался в руки интересный документ – отчет о сессии Верховного Совета с постановлением о возвращении репрессированных чеченцев из мест ссылки. Все чин чинном. «Слушали... Постановили...» И вдруг фраза: «...Присутствовавшие в зале старейшины чечено-ингушского народа обратились к Верховному Совету Союза Советских Социалистических Республик со словами глубокой и искренней благодарности за мудрость

этого решения и клятвенно уверили присутствовавших в вечной верности чеченцев и ингушей братской семье советских народов». Вот так: «Вечная верность...» Всего через сорок лет после тех «горячих клятв» дети и внуки тех «старейшин» устроят «братским народам» концлагерь в отдельно взятой республике.

Я пытаюсь понять, чего не хватало чеченцам в Советском Союзе? Чем были они притеснены или чего лишены? Видит бог – уровень жизни на моей родной Смоленщине был несравнимо ниже того уровня, что был в Чечне. Так что это, месть за события столетиями давности? Но почему дагестанцы, так же храбро воевавшие против войск «Белого царя», сегодня мирно и спокойно живут в России? Кто завещал чеченцам месть? Шамиль? Но во всех своих письмах из плена он призывал соотечественников жить в мире и дружбе с Россией. Раскаивался в бессмысленной борьбе.

Тогда почему здесь сегодня идет война? Ведь казалось бы, де-факто чеченцы получили свободу пять лет назад. Россия ушла из Чечни. И даже был подписан торжественный мир и с помпой объявлено об «окончании столетиями давности войны». Почему тогда в августе этого года тысячные группировки Басаева и Хаттаба вторглись в Россию? Чего им не хватало?

Вопросы без ответов.

* * *

...Рынок Урус-Мартана. Чеченки торгуются, спорят, таскают товар. На прилавках сахар, сигареты, конфеты, чай, консервы, макароны. В мешках мука и крупа. Все «завозное», импортное или российское. Чеченцы особняком стоят в стороне. Торговля на рынке не мужское дело. Взгляды недобрые. Почти в каждом инстинктивно представляешь боевика. Конечно, это излишняя мнительность, но среди разглядывающих нас чеченцев наверняка есть те, кто по ночам достает спрятанное оружие и обстреливает нашу комендатуру. Последний такой обстрел был сегодня ночью.

– Знаешь, как переводится «Урус-Мартан»? – дергает меня за рукав молодой нахальный чеченец. – Русская смерть, русская могила.

И он вызывающе заглядывает мне в глаза. Взгляда я не отвожу. И с минуту мы буквально едим друг друга глазами. Потом он отворачивается, презрительно сплевывает и отходит. Сюрреализм! Захваченное село буквально упивается своей безнаказанностью. Попробовал бы кто-нибудь из русских сказать что-то подобное чеченскому боевику. Убили бы на месте. Голову отрезали. Но мы «цивилизованные», и потому мы терпим и молча сносим оскорбления и нахальство. Только в глазах чеченцев это не доблесть. Это трусость и слабодушие. Здесь в почете только сила...

Во дворе у входа в комендатуру топчется пожилой чеченец. Он пришел узнать насчет пенсии. Денег он не получал уже года четыре. Только дочери помогали. Одна живет в Астрахани, другая в Полтаве. Но с началом войны все связи с ними прервались.

– Чеченцы никому не уэрят, – говорит он, составляя русское «в» из привычных чеченскому языку «у» и «э». – Ни боевикам, ни России, ни арабам. Никому. Нас все обманывали и бросали. Теперь каждый за себя. Вы думаете, здесь все за боевиков? Нет. Ваххабистов, – именно так он почему-то называет ваххабитов, – у нас не любили. Эти

вообще выродки. У любого могли, что хотели, отобрать и убить. Для них свои только такие же ваххабисты.

Слушаю его жалобы, а перед глазами почему-то встают видеок cadры трофейной пленки. Казнь русского солдата в центре Урус-Мартана. Оскаленные, ненавидящие лица толпы. Грязная брань, плевки. Упивающийся безнаказанностью палач. Интересно, этот дед тоже был среди «зрителей»?..

* * *

«Рай под тенью сабель!» – такую надпись я увидел в Урус-Мартане на стене бывшего «Исламского университета». Что это, фанатичный девиз молодых ваххабитов или вековая мечта горных тейпов, известных своей непримиримостью и жестокостью? И как вообще сочетается понятие рая и тень сабель? Нет в Коране такого понятия. Не мечтал пророк о таком рае. Это уже из другой религии. Рай под тенью штыков строил Гитлер. В таком «раю» хорошо тем, у кого есть оружие, и настоящий ад для тех, у кого его нет.

Листаю телефонный справочник города Грозного за 91-й год – одни русские фамилии. Только все руководство – исполком, горком, профсоюзы, роно, директора, заведующие – чеченцы. В 91-м Грозный был русским городом. К декабрю 94-го две трети русских бежали из Чечни, почти пятьдесят тысяч русских были уничтожены и пропали без вести. Оставшиеся жили фактически на положении рабов. Такой вот «рай под тенью сабель» устроил здесь Дудаев. Я спрашиваю себя, чем были виноваты перед чеченским народом все эти Ивановы, Самсоновы, Петренко, Акопяны, которые просто честно учили, лечили, работали на коренную нацию автономии. За что мстили им, за что их убивали, грабили, насиловали, содержали как скот?

БОГ ВОЙНЫ СМЕЛЯНСКИЙ

Командир сводного дивизиона стопятидесятимиллиметровых гаубиц «Мета» Владимир Смелянский невысок, подвижен и улыбчив. Его штабной «кунг» стоит буквально в нескольких метрах от позиций батарей дивизиона. С ним его делит начальник штаба майор Нодар Абуладзе – круглолицый, плотный «настоящий» грузин, как его в шутку охарактеризовал Смелянский. Третьим обязательным номером боевого расчета является невысокий худенький солдатик, которого все почему-то зовут «Малыш». У Малыша талант к математике. В считанные секунды он в уме делает сложнейшие вычисления и сам может рассчитывать параметры для стрельбы. Перед Смелянским карга Грозного и большая тетрадь. Тренькает телефон.

– «Столица», – откликается в трубку Смелянский. – Принимаю! Цель двадцать шесть ноль один. Пятьдесят четыре. Шестнадцать. Семь...

Для непосвященного – полная тарабарщина. Для знающего – яснее ясного. Пятьдесят четыре – номер квадрата в сетке по горизонтали, шестнадцать – по вертикали. Семь – место цели по «улитке».

Абуладзе готовит данные для стрельбы. Его пальцы стремительно бегают по клавишам

вычислительной машинки. Ряды цифр ложатся на бумагу.

– Малыш, быстро на метео! Сними температуру и ветер.

Малыш стремительно выскакивает на улицу. Через несколько секунд возвращается.

– Минус три. Ветер – полтора.

Абуладзе быстро вычисляет поправки. Готово!

Смелянский поднимает вторую трубку:

– «Енисей», «Волга»! Цель двадцать шесть ноль один. Заряд уменьшенный. Фугасный. Взрыватель замедленный. Прицел триста восемьдесят один, уровень тридцать шесть, ноль. Основное направление правее один, двадцать. Четыре снаряда зарядить!

За стенками «кунга» над батареями эхом разносятся команды командиров взводов:

– ...основное направление правее один, двадцать! Четыре снаряда зарядить!

– «Столица»! Ну что там по двадцать шесть ноль один? – торопится штаб.

– Готовы к стрельбе, – коротко докладывает Смелянский.

– Работайте!

Выполняю!

И тотчас Абуладзе командует в соседнюю трубку:

– Залпом огонь!

Слышно как звонко лязгают затворы, запирая золотистые тубусы зарядов в казенниках.

– ...Триста тридцать три! – доносится до слуха. И все тонет в грохоте выстрелов.

– «Динамо», по цели двадцать шесть, ноль один, четыре снаряда в двенадцать тридцать одну, – докладывает Смелянский.

И его слова тонут в диком вое стреляющего по соседству дивизиона «Градов».

– Цель двадцать шесть, одиннадцать, – записывает Смелянский. – Координаты... Шестнадцать снарядов.

И вновь склоняется над тетрадь Абуладзе, рассчитывая данные для стрельбы, остро отточенным карандашом аккуратно заносит цифры в таблицу. Составляет формулы, выстраивает ряды цифр.

Идет боевая работа. И оружием в ней сейчас являются цифры. Поправка на влажность, переданная расчетам, подняла стволы на несколько «тысячных» (единица исчисления в артиллерии) к зениту. Поправка на ветер отклонила их чуть-чуть в сторону. И вот уже невидимые нити траекторий, скользя через дома и скверы, сходятся на далекой шестнадцатизэтажке. Нащупывают ее, цепляются за нее, берут в «вилку».

У гаубиц суетятся расчеты. Из ящиков достаются и выкладываются пирамидами снаряды и латунные тубусы зарядов. Заряжающие накручивают конусы взрывателей, специальными ключами выставляют их тип.

– Батарея! – разносится над позицией крик командира. – Цель двадцать шесть одиннадцать! Заряд уменьшенный!.. Прицел двести сорок семь. Уровень... Снаряд зарядить! Первый залпом, остальные по готовности! Батарея! Триста тридцать три! – И все тонет в залпе. Через мгновение из пыли поднятой залпом вырывается новый язык пламени, за ним еще один и еще – батарея ведет беглый огонь. Звенят отбрасываемые гильзы, лязгают затворы. Дрожит земля. Рвется воздух.

Время обеда, но отойти от пушек расчеты не могут. Почти непрерывно ведется огонь.

Поэтому обед тащат в термосах на позицию. И там, в редкие минуты затишья, по одному, по два человека с расчета бегут к термосам и, торопливо навалив в котелки супа и каши, так же торопливо трусят к орудиям и прямо на станинах глотают обед.

– Батарей!.. – разносится над позицией.

И котелки составляются на ящик с зарядами.

– ...Беглым! О-огонь!..

Когда стрельба стихает, суп уже покрывается коркой льда.

* * *

Вот уже неделю дивизион сносит позиции боевиков в Грозном. Снаряды приходится класть буквально в ста метрах от «передков» нашей пехоты. И это на дальности почти в девять километров. Мастерство артиллеристов удивляет и поражает. Впрочем, не нас одних. Боевики по-своему защищаются от артогня. Например, несколько раз, как только дивизион открывал огонь, «чечи» под шумок делали несколько выстрелов из миномета, по нашим передовым позициям. Тотчас в эфире поднимался шум, что артиллерия бьет по своим. Огонь прекращали, начинались разборки. И только когда несколько раз в воронках нашли концевики мин – стала ясна хитрость боевиков. Другой хитростью стала борьба с объемными боеприпасами. Боевики стараются держать на своих позициях разведенные костры, которые, по их замыслу, воспламят детонирующую смесь до возникновения опасной ее концентрации. При одиночном применении «объемников» эта защита достаточно эффективна.

На карте одной из целей обозначено православное кладбище. Я спрашиваю Смелянского, что там прячется у боевиков.

– Там открыты позиции зенитной установки, – поясняет Владимир. – Той, которая три дня назад обстреляла и повредила вертолет Трошева...

Дежавю! На прошлой войне в ходе штурма на этом же кладбище боевики под плитой на одной из могил прятали миномет. И вот теперь все то же самое. Опять русское кладбище используется в качестве позиции. На своих кладбищах они позиций не устраивают. Чтут, просят нас не трогать могилы боевиков. А наши кладбища поганить, значит, можно...

За сутки дивизион Смелянского выпустил больше шестисот снарядов. Соседний дивизион «Градов» – больше тысячи...

Чем дальше я здесь, тем отчетливее понимаю, как на самом деле далеки мы от мира. И военный разгром основных отрядов и баз боевиков ненадолго приблизит долгожданный мир. Самое трудное начнется как раз после окончания «горячей» фазы войны. Когда боевики растворятся в родных аулах, прикроются паспортами и справками «мирных» жителей. И продолжат каждый на своем месте эту войну. Минами, выстрелами снайперов, саботажем, убийствами «нелояльных» чеченцев. Пройдет не один месяц, прежде чем будет (если будет!) налажена эффективная работа местного МВД, ФСБ, органов власти. И у затаившихся бандитов загорится земля под ногами. Но необходимы годы, чтобы окончательно остудить этот «ядерный котел». Успокоить страсти, уничтожить непримиримых, дать уверенность в будущем робким.

Это русское слово – Победа!

ГОРОД ТЕНЕЙ

Грозный.

Город теней. Тень города.

Грозный.

Город призраков. Город призраков.

Грозный.

Город скорби. Город возмездия.

Стаи собак, пирующих на руинах. Обожравшиеся человечины, утратившие среди безответных трупов священный страх перед людьми. Злые, отчаянные. Омоновцы отгоняют их камнями. Но те лишь лениво отбегают в сторону. В их черных глазах циничное, оценивающее любопытство. Сколько раз они вечерами жрали тех, кто утром отгонял их камнями...

Люди, как тени. Среди изъязвленных сюрреалистических развалин такие же неестественные, неживые, ненастоящие. В каких-то тряпках, обносках или, наоборот, в отличной турецкой «коже», норковых и овчинных полушубках. Они механическими куклами медленно бредут вдоль рядов руин – бывших улиц, не обращая внимания ни на что. Бредут из одних руин к каким-то другим, им одним известным руинам.

На площади, где когда-то стоял дворец Дудаева, на ящике в окружении стаи мелких недопесков русская старуха. По ее словам, на всей площади, кроме нее, живут еще четверо. Ютятся в подвалах, пекут лепешки из муки. У старухи в России живет дочь, но как выбраться к ней – она не знает. О кухне, развернутой эмчээсовцами, слышала, но где она находится – тоже не знает. Ее подкармливает омоновский «блок» перед мостом через Сунжу. Долго втолковываем, как пройти к представительству МЧС, объясняем, что там ей помогут выехать из города, найти родных. В глазах старухи появляется надежда. Она долго машет вслед бэтээру.

Наш Виргилий в грозненском аду – молоденький лейтенант Алексей из разведки 131-й бригады. Той самой, что на прошлой войне попала здесь в огненный мешок и понесла большие потери. На этой войне бригада с избытком рассчиталась с «чечами» за своих павших на той войне. И что самое главное – отвоевала без потерь!

Алексей легок, строен и азартен. По виду украинец. На вопрос кивает – да, мать украинка. Отец – офицер. Со своим взводом Алексей облазил во время штурма половину города и теперь с удовольствием показывает нам его «достопримечательности».

Неподалеку от «романовского моста» – так назван железнодорожный мост, под которым подорвался на mine генерал Романов, огромное здание универмага. Под него уходит бетонный тоннель для заезда грузовых автомобилей. Шагаем по бетонке под универмаг. Там, глубоко под землей, огромная эстакада для разгрузки. Прямо над ней огромный пролом. Под ним заваленные рухнувшими бетонными глыбами бронетранспортер, джип и «УАЗ»

боевиков. Видно, боевики считали это укрытие надежным. С любопытством осматриваю пролом над головой. Явно не от снаряда. Как минимум тяжелая бомба. Но кто так точно навел авиацию на этот боевиковский схорон? Разведка? Агентура? Ведь с воздуха ничего заметить здесь было невозможно...

На подъезде к дворцу Масхадова наши бээмпэшки осторожно объезжают торчащий из асфальта «карандаш» неразорвавшегося градовского снаряда. Саперы сюда еще не дошли. Вообще нагрузка на них колоссальная. За сутки снимают до двух тысяч мин, растяжек, фугасов. Но разминировано пока не больше трети территории города.

Наконец мы перед резиденцией Масхадова. Здание правительства Ичкерии. Свежепобеленные стены. Черные, выгоревшие окна. Бетонное крошево осколков под ногами. Стены густо исписаны.

«Здесь был полк морской пехоты! Если надо – будем еще!».

«Смоленский ОМОН увиденным удовлетворен!».

«Так будет со всеми, кто поднимет руку на Россию! 506-я МСП».

«Слава России!».

«Масхадов! Ты сдохнешь, как собака!».

...Интересно, о чем думает сейчас Масхадов где-то там в горах? Вспоминает ли, как подъезжал сюда с толпой охраны, как преданные нукеры распахивали перед ним эти двери, вспоминает ли свой кабинет?

Теперь все это только грезы. Никогда уже в это здание не ступит его нога. И впереди только пустота, безвестность.

«Ломаем хребты волкам! Спецназ ГРУ».

У «романовского моста» блокпост питерского ОМОНа. Фамилия нашего лейтенанта и номер части заносятся в журнал. И так на каждом «блоке». Все «дикие» – без спецпропусков – машины и боевая техника задерживаются и передаются комендатуре для разбирательства. Наглядно видно, как командование борется с расхлябанностью и разгильдяйством.

Прямо у бетонных блоков фонарь. На нем обрывок веревки с куском фанеры. На фанере надпись: «Агент ФСБ». Тут же вспоминаю видео двухнедельной давности. Озверевшие от потерь и безысходности боевики бросились искать «агентуру ФСБ». По каким-то им одним понятным признакам схватили на улице человека и повесили в назидание другим. Значит, это было здесь...

Почему-то на стенах часто встречается надпись «Адмалла». Это оппозиционное Масхадову и прочим «ичкерийцам» движение. Неужели в Грозном действовало их подполье? Около одной из таких надписей приписка углем: «Шейх Адам – рука Москвы!» Соображаю, что «Шейх Адам» – это знакомый мне Адам Дениев, лидер «Адмаллы». Эта борьба наглядной агитации посередине разрушенного города удивляет и оставляет ощущение какого-то сюрреализма.

Площадь «Минутка». Холмы руин вдоль улиц. Глаза пытаются отыскать хоть какие-то знакомые еще с прошлой войны панорамы, дома, улицы. Но все тщетно. Только какое-то

смутное ощущение того, что этот разрушенный почти до основания город напоминает другой, который остался в памяти.

В комендатуре встречаю своего старого знакомого еще по той войне. Бывшего комдива 19-й дивизии генерала Василия Приземлина. Теперь он назначен комендантом Грозного. Фактически комендатура только создается. Формируются районные комендатуры, комендантские роты, милиция. Но уже сегодня перед Приземлиным и командованием группировки встал главный вопрос. Что делать с Грозным дальше? Восстанавливать или строить заново?

Военные инженеры говорят, что построить заново легче. А «старый» Грозный предлагают сделать полигоном для МЧС, спасателей и штурмовых частей. Но где взять денег на новый город? Этого не знает никто...

На окраине Грозного в аэропорту «Северный» батальоны готовятся к параду. «Коробки» пехотинцев, десантников, спецназовцев печатают шаг по бетону.

Из колонок передвижной радиоустановки звучит знакомый с детства марш:

...А значит, нам нужна одна победа!
Одна на всех – мы
за ценой не постоим!

И что-то сладко сжимает грудь. Идут парадные «коробки». Рубят шаг солдаты. Молоденькие, торжественно-серьезные. Какие-то совсем «игрушечные», не похожие на суперменов, богатырей. Но именно они взяли этот город, они сломали хребет ичкерийскому волку. И вот теперь этот парад, эта музыка возвращают городу его настоящее имя. Не Джохар-Кала – русский Грозный! Не «аэропорт имени Шейха Мансура», а русский «Северный»!

И именно здесь, сейчас я понимаю, что мы действительно сильнее врага. Не числом, нет. Духом! Я видел много пленных боевиков – крепкие, откормленные, здоровые мужики. Я помню, как ярко и грозно они орали перед видеокамерами заграничных операторов: «Аллах акбар!» Как клялись умыть русских кровью. Обученные, отлично вооруженные. И вот теперь они сокрушены и побеждены этими обычными русскими мальчишками. Они униженно заглядывают в глаза конвоирам, торопливо отрещиваются от всех преступлений, на чем свет клеймят Масхадова и Басаева, сдают места нахождения своих баз и лагерей.

Мой добрый друг Гена Алехин, редактор окружной газеты, рассказывает, как искал в городе дом, в котором раньше жил. Оказывается, здесь прошла его офицерская юность. Здесь же родилась его дочь. И даже рекомендацию для вступления в Союз журналистов СССР ему давал некто Темичев – под такой фамилией жил тогда будущий министр пропаганды Ичкерии Удугов. В Грозном много лет прожил и заместитель командующего объединенной войсковой группировки Геннадий Трошев. Сегодня он выбрал пару свободных часов, чтобы съездить на кладбище – навестить могилы родственников. Странное совпадение – именно на этом кладбище боевиками была замаскирована зэушка, обстрелявшая вертолет, на котором Трошев облетал Грозный. Говорят, зэушка била почти в упор. Но только повредила «вертушку». Кто сбил прицел чеченского зенитчика?

На вопрос, что чувствовал Трошев, воюя в Грозном, снося его с лица земли, Трошев пожимает плечами.

– Ощущение, что твой родной город захвачен бандитами, испоганен, измордован, – намного более мучительно. А руины что? Сталинград тоже из пепла поднимали. Только Грозный – не моя заслуга. Я в это время в горах работал. Его Владимир Васильевич брал...

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ

Генерал Владимир Васильевич Булгаков крепок, высок и как-то непоколебимо спокоен. От него просто веет какой-то основательностью, надежностью. От порядка, царящего в его штабе, от его офицеров – немногословных, собранных, без подобострастия и заискивания, столь свойственного многим штабным...

О генерале Булгакове ходят легенды. Его бесстрашие, мужество давно стали притчей во языцех. Но генерал чужд гордыне, сторонится камер, не раздает интервью. Его даже узнать непросто. Спецназовский «горник» без погон, обычная офицерская шапка. И только кобура «стечкина» через плечо выдает в нем командира.

Но именно этот генерал вынес на своих плечах штурм Грозного, этот генерал, его штаб сломали здесь хребет ичкерийскому волку, заманили боевиков в ловушку и беспощадно уничтожили их там.

В командирском «кунге» как-то аскетично пусто и чисто. Диван, стол. Карта под стеклом. Чайник. Ростовские сигареты.

– ...Когда я получил приказ принять командование группировкой, – рассказывает Владимир Васильевич, – штурмующей Грозный, обстановка сложилась крайне сложная. Штурм, который начали 6 декабря части МВД и Внутренних войск, ко 2 января практически остановился. Понесся большие потери, эмвэдэшники закрепились в Старопромысловском районе, фактически так и не войдя в черту старого города. «Старые промыслы» были фактически только предкрепостными укреплениями «духов». Центральная же часть была одной сплошной крепостью.

Город был разбит на сектора и имел три кольца обороны, сооруженных в инженерном отношении просто исключительно. Дома были превращены в опорные пункты. Стены армированы изнутри бетоном. От дома к дому тянулись ходы сообщений, причем настолько скрытые, что обнаружить их можно было, только свалившись в них.

Заводской район, промзоны были вообще превращены в крепости. На вооружении боевиков был огромный арсенал самого современного оружия. От крупнокалиберных снайперских винтовок – до орудий и минометов. Оборону в городе держали до семи тысяч боевиков.

Поэтому со 2 января до 12-го мы, активно работая по Грозному артиллерией и авиацией, готовили войска к штурму. Учитывая опыт городских боев в ходе прошлой чеченской кампании, полки и батальоны были разбиты на штурмовые отряды и группы. Было проведено их боевое слаживание и отработка действий. И с 12-го января начался новый штурм Грозного.

Бои носили исключительно ожесточенный характер. Но мы почти сразу увидели, что

замысел наш был правильным. Буквально за неделю все первое кольцо обороны «духов» было взломано, и войска вышли к центральной части города.

Особенно нам досаждали снайперы. На этой войне их вообще много, но в Грозном – особенно. У «духов» были целые мобильные отряды снайперов. Как своих подготовленных, так и спортсменов-наемников. Тех легко было узнать по характерным малокалиберным винтовкам. Тактика снайперов была весьма изощренной. Позиции оборудовались в глубине домов. Часто в комнатах, не выходящих на нашу сторону. В стенах проделывались узкие бойницы, и из них велся огонь через пустую комнату. В кирпичных стенах были специальные вынимающиеся кирпичи, бойницы делались в стыках угловых плит домов. Были даже позиции снайперов, прятавшихся под бетонными плитами, которые домкратами поднимались на несколько сантиметров, открывая пространство для ведения огня.

Но против них мы почти сразу применили антиснайперские группы, укомплектованные высокопрофессиональными стрелками из «Альфы», «Вымпела» и ряда других спецназов. Так же действовали и группы армейских снайперов. В этой снайперской войне мы перемололи основной «духовский» костяк. Но до последнего дня снайперы были одной из главных опасностей.

Чувствовал ли я уважение к противнику?

Нет. Это бандиты, выродки. И отношение у меня к ним было, есть и остается соответствующее. Да, по-бандитски они хорошо подготовлены. Но против регулярной армии они бессильны. Это я понял еще в Ботлихе, когда сто тридцать три моих бойца при четырех пушках сдержали натиск полутора тысяч хваленых басаевских и хаттабовских боевиков. Сдержали и нанесли им серьезное поражение.

Нет, я не чувствовал какого-то серьезного противника с той стороны. Мы знали, что будут делать боевики, что они могут предпринять, чего от них можно ждать. Ничего неожиданного, яркого за этот месяц боев мы от них не дождались. Никакого полководческого таланта за Басаевым я не вижу. Он очень шаблонен и убог. Из войны в войну использует одни и те же приемы. Просто раньше его «полководческий талант» оплачивали деньги за перемирия и переговоры, которые принимали мздоимцы в Москве. Именно перемирия и остановки войны всегда спасали его от разгрома. Теперь же платить некому, и звезда Басаева закатилась. У меня мечта – достать Басаева. И не думаю, что ему осталось долго бродить по этой земле.

Главный потенциал нашей победы – это патриотизм. Именно патриотизм. Замечательное, великое понятие.

Сегодня наши солдаты и офицеры знают, за что воюют. Они сражаются здесь за Россию, и единственное, что можно услышать от наших солдат, – это желание добить врага, закончить войну победой. И что самое главное – сегодня армия видит, что высшее руководство готово идти до конца. Армия верит правительству. А это много значит. Мы видим, что любое наше обращение, любая просьба удовлетворяются. А ведь сегодня у нас ресурсов куда меньше, чем пять лет назад. И это не может не окрылять.

За все эти долгие месяцы войны нас ни разу не поторопили, ни разу не потребовали «взять к такому-то числу».

Сегодня и сама Россия стала другой. После взрывов в Москве, после вторжения

боевиков в Дагестан все увидели, что с террористами невозможно жить в мире, что они ничего не понимают, кроме силы. И народ поддерживает сегодня свою армию. И это второе слагаемое нашего успеха. Мы знаем, для кого мы должны выиграть эту войну, кому нужна наша победа.

Боевики ничего не смогли противопоставить нашему натиску. И 6 февраля в одиннадцать часов сорок пять минут мне доложили о взятии последнего «духовского» района обороны. Город был взят без спешки и без неоправданных потерь. Мы наглядно показали боевикам, что сильнее их и тактически, и технически, и, что самое главное – духовно. Я горжусь своими солдатами и офицерами. Горжусь тем, что мне выпала честь командовать ими в эти трудные дни.

ЗЕЛЕНАЯ КРОВЬ ИЧКЕРИИ

Первый полк знаменитой Таманской дивизии мы нашли только в сумерках, поплутав порядком по окраинам Грозного. Омоновцы на блокпостах вообще без понятия, кто где стоит. Их задача – документы проверять, автотранспорт досматривать да себя защищать от ночных вылазок. Выяснили только, что полк стоит где-то у Калиновской. Раза три заворачивали на проселочные дороги, но упирались либо в пустыри, либо в тупики. Наконец на трассе остановились около молодых чеченок, толкавших перед собой тележку с лопатами и граблями. Алексей спрыгнул на землю и что-то подробно у них расспрашивал. Те кивали, показывали руками куда-то вправо. Наконец Алексей заскочил на броню.

Бээмпэшки развернулись на дороге и тронулись в сторону поселка.

– Это Калиновская! Говорят, что за площадью поворот налево и до конца! – кричит сквозь рев движка Алексей.

Я пожимаю плечами. Мне это не нравится. Я бы никогда не стал спрашивать дорогу у чеченцев. Мы въезжаем на многолюдную площадь поселка. И словно в подтверждение моим опасениям, кругом торгующие чеченки, кучкующиеся чеченцы. Взгляды настороженные, недобрые. За площадью мы заворачиваем влево и долго катимся мимо каких-то гаражей и пустырей. Идеальное место для засады. Всей кожей чувствую опасность. И тут из-за поворота показывается бронетранспортер «единицы» – первого полка. Не обманули чеченки! Да, что-то действительно изменилось в мозгах и настроении Чечни...

Мы ночуем в аду. Еще на прошлой войне я с любопытством разглядывал далекие факелы нефтяных скважин на склонах гор. И вот теперь БТР привез нас в расположение второго батальона, разбившего лагерь на горной поляне.

На дороге мы несколько раз проезжали мимо огромных, бушующих пламенем костров.

– Десантура накрыла чеченский нефтепровод! – пояснил замполит.

«Бэтээр» то и дело с шипением и бульканьем погружался в невидимые во тьме лужи, шумно расплескивая их из колеи.

– Нефть! – коротко бросил замполит, указав большим пальцем под колеса.

И я зримо представил черную, жирную, вязкую жижу внизу. От этого видения меня почему-то передергивает...

Огонь медленными языками сползает по склону вниз за растекающейся нефтью. И все

это почему-то очень напоминает увиденное по телевизору извержение вулкана.

«Добро пожаловать в ад!» – эту надпись я десятки раз видел на стенах чеченских домов.

И вот теперь русская пехота действительно пожаловала в ад. Вокруг лагеря батальона буквально ревели пламенем с десятков скважин и нефтяных озер. Пехота пожаловала в ад и неторопливо, обыденно готовилась к ночевке. Ощетинивалась стволами дежурных «бэтээров» и часовых. Курилась дымами палаточных «буржук» и полевых кухонь. Строилась к ужину, чистилась, считала личный состав. И все это в мертвенном дрожащем зареве адских факелов, горевших вокруг лагеря.

Но в обыденности этой пехотной жизни было что-то настолько грозное, несокрушимое, что все местные бесы, нефриты, джинны и иблисы не смели беспокоить чужаков и лишь в бессильной ярости выбрасывали ревущее пламя в безразличное ночное небо.

«Единица» – первый полк – сменил в Грозном на позициях 506-й полк Приволжского округа. 506-му пришлось буквально прогрызть внешнее кольцо обороны «чечей», и в этих непрерывных боях «волгари» понесли большие потери. Практически каждый четвертый выбыл из строя. И хотя оставшиеся были полны решимости драться и мстить за павших товарищей, было принято решение сменить 506-й таманцами.

Гвардия честь свою не посрамила. Офицеры батальона с гордостью говорили о том, что силами «единицы» была взята почти половина города. Но победа эта далась таманцам нелегко. Больше тридцати человек пали в городских боях. Из них треть офицеры. Практически каждый второй офицер в батальоне был убит или ранен...

Да, враг был силен и отчаян. Тем больше наша слава!

Рано утром нас разбудил дневальный. Пора было собираться. Командирский «бэтээр» уже негромко урчал движком. Улица встретила низким февральским солнцем, которое то и дело «гасили» жирные нефтяные клубы горячей нефти. Оказалось, что лагерь батальона был разбит на нефтяном поле. Кругом стояли решетчатые фермы скважин, тянулись трубы нефтепроводов.

Мы зашагали к командирскому «кунгу», где нас уже ждал комбат. Коротко поздоровались и стали рассаживаться по броне. Неожиданно в глаза бросилось густо измазанное зеленым – не то солидолом, не то смазкой – колесо.

– На что это так наехали? – спросил я из чистого любопытства.

– Так нефть же, – пояснил командир.

– Нефть? Зеленая?

– Зеленая, зеленая. Да сейчас сами увидите...

«Бэтээр» тронулся с места и медленно покатился по склону холма вниз. Неожиданно из-за поворота показалась огромная лужа темно-изумрудного цвета.

– Нефть! – крикнул с командирского места комбат. Но я уже и сам увидел, как на вершине холма из разорванного взрывом трубопровода разливались вниз по склону длинные зеленые языки. Нефть. И было какое-то дикое несоответствие в том, как по черному, лоснящемуся чернозему лениво текла зеленая, запененная нефть. Нет, не нефть! То текла зеленая кровь издыхающей в муках «великой Ичкерии»...

«Бэтээр» с шумом вломился в зеленую нефтяную лужу. Разметал ее широкими, тяжелыми колесами, с пренебрежением прокатился по ней и, пыхнув соляркой, рванулся по

полю вперед.

Комбат легко качнулся в такт движению, и я неожиданно поймал себя на мысли, что просто балдею от этого имперского презрительного безучастия комбата. Под колесами его бронетранспортера хлюпали деньги. В пустоту, в никуда разливались по полю тысячи, десятки тысяч долларов. За эти густые зеленые ручьи вот уже десять лет рекой льется по этой земле алая человеческая кровь. Одной этой скважины на вершине хватило бы, чтобы обеспечить весь род комбата на сто лет вперед. Лагерь батальона стоял на поле, которое могло бы всех до последнего солдата сделать миллионерами. Но это брошенное, бесхозное богатство ничуть не задевало солдат. Сотни долларов налипали жирной зеленой грязью на покрывки, но ничто не дрогнуло в душе комбата, ничто не смутило его дух. Он спешил на совещание в штаб полка. **И** его никак не волновала эта жирная зеленая грязь под ногами...

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ

– То, что боевики будут прорываться из города, мы поняли очень скоро, когда кольцо вокруг них начало сужаться. – Булгаков прикуривает, глубоко затягивается и выдыхает дым. – Уже тогда в разные стороны на прорыв потянулись мелкие группы, которые прощупывали нашу оборону, пытаясь найти в ней бреши и стыки. По мере нашего наступления эти попытки становились все более частыми. Постепенно они локализовались на четырех направлениях, а потом, после перекрытия нескольких участков, вообще на двух. Конечно, заманить боевиков в ловушку было нашей желанной целью, но делать это было необходимо крайне осторожно. Здесь, в заводском районе у Сунжи, у нас был стык обороны двух полков. И боевики не раз пробовали здесь прорываться из города. Мы даже установили здесь минное поле, но это не останавливало их. За несколько дней до основного прорыва здесь попытался прорваться целый отряд из семидесяти боевиков. Потеряв почти тридцать человек на минах и под огнем, боевики вырвались под Алхан-Калу. Там их через день блокировал и уничтожил наш батальон. Но мы поняли, что это была уже серьезная разведка. Чтобы у боевиков не возникло никаких сомнений, мы даже приказали провести расследование по факту этого прорыва. Выставили несколько дополнительных пулеметных гнезд.

Соотношение убитых и прорвавшихся, видимо, удовлетворило полевых командиров, и в ночь на 2 февраля они пошли на прорыв. Мы их ждали. Радиоразведка перехватила радиообмен между отрядами, где один из полевых командиров дал ориентир места прорыва, которое было хорошо нам известно. Заранее были спланированы огни артиллерии, по «стенкам» коридора были развернуты в засадах батальоны, проведена инженерная подготовка, выставлены новые минные поля в глубине на пути боевиков.

Передовой разведывательный отряд достаточно «легко» прорвался через стык в нашей обороне и тотчас дал радио главным силам. «Духи» не могли даже предположить, что в это время мы проводим массивное дистанционное минирование и разворачиваем на позициях новые батальоны. И когда сюда вышли их основные силы, они фактически оказались в мешке. Для нас теперь было главным не дать им вернуться в город и гнать их вперед. Самонадеянность в очередной раз подвела Басаева. Загнав свои отряды на мины, он

решился прорывать минное поле, даже не предположив, что впереди их может ждать еще не одно такое поле. В итоге они оказались в ловушке. Пути назад не было, впереди были мины, а с флангов их косили засады. У них оставался единственный путь – по воде. И это в десятиградусный мороз, ночью! На это мы и рассчитывали. После такого «купания» ни о каком дальнейшем прорыве в горы речи уже идти не могло. Надо было где-то обсушиться и прийти в себя. Уцелевшие в «мешке», помороженные, мокрые боевики фактически были обездвижены.

В Алхан-Кале мы их утром и блокировали окончательно. Только в плен было взято больше трехсот «духов». Около шестисот было уничтожено. В том числе больше десятка известнейших полевых командиров. Здесь же был тяжело ранен и Басаев, которого ценой огромных потерь боевики вытащили с поля боя.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОХОТЫ

...И началась бойня. Высоко в ночном небе вдруг вспыхнули ослепительные люстры осветительных снарядов, залив все вокруг неживым погребальным светом. А потом ударили пулеметы. Испуганные, ошарашенные этим светом «волки» приникли было к земле. Но на пустом, лысом берегу им негде было укрыться от света и огня. И тогда они рванулись вперед по руслу к спасительной тьме. Свинцовые плети выгрызали в сплошной массе бегущих провалы, распинали, разрывали тела. Но по упавшим мертвым и еще живым неслись вперед уцелевшие, давя, затаптывая бьющихся на снегу раненых. И тут впереди загрохотали сухие резкие разрывы. Мины! Что ж, их ждали. Еще разведчики докладывали о них. Вожаки что-то рывкнули и вперед погнались специально прихваченных для этого пленных, пробивая их телами проход. Тех, кто отказывался, тут же расстреливали очередями. Но и расстрельщики то и дело мешками валялись на снег, прошитые пулями и осколками засады. Огонь становился все более плотным. Заухали артиллерийские разрывы, опустошая, буквально выкашивая «стая». А проход все еще не был пробит. Разведка ошиблась. Поле оказалось намного длиннее, чем доложили. Пленные кончились. И тогда вперед рванулись самые преданные вожаку «волки». Они парами бежали вперед. Подрывались, падали на снег изуродованные, разорванные, наспигованные осколками. Хрипели, бились в агонии. А по их следам уже бежали очередные пары. Смерть, бушевавшая за спиной, подгоняла и придавала мужества. Только бы вырваться, спастись, а потом эти урусы ответят своей кровью за все! За каждого павшего в этой засаде «волка»! И они проббили-таки проход! Мины кончились.

– Аллах акбар! – взревели сотни Глоток, и «стая» бросилась по проходу, оставив за собой целый вал из мертвых и умирающих тел.

Адреналин ударил в сердце. Путь свободен! Значит, прав великий Шамиль – Аллах на нашей стороне. И кто еще посмеет усомниться в волчьем везении, интуиции Шамиля? Он все-таки нашел выход из ловушки, нащупал его и вывел за собой своих преданных «волоков».

– Аллах акбар!

И здесь «стая» страшно с разбега налетела на новое минное поле, о котором ничего не было известно, а воздух буквально разорвался десятками разрывов снарядов и мин. Они оказались в огненном мешке. Выхода не было. Смерть хозяйничала вокруг. Визжали осколки,

били пулеметы. Рвались мины.

– Аллаху акбар!!! – буквально взвыли «волки».

Но милостивый и милосердный отвернул свой лик от них. Чаша грехов была переполнена – и настало время возмездия. Умиряли опытные взрослые волки. Скалились, рычали, в последнем броске пытались прорваться к позициям засады, чтобы хоть напоследок забрать с собой кого-нибудь из врагов, но падали на полпути, иссеченные, нашпигованные свинцом. Гибли молодые, едва успевшие вкусить крови «волчата», истерично бросались через поле, надеясь на везение, удачу. И там, разорванные подрывами, разматывали по снегу внутренности, хрипели, сучили ногами. И снег под ними набухал черной кровью. Смерть работала, как мясник на конвейере, забирая жизни десятками и сотнями. Шамиль подорвался! – эхом пронеслось над толпой. Этого не могло быть! Как в солнце, как в воздух они верили в счастливую звезду Шамиля. И вот она закатилась. Этого не могло быть! Но мимо мечущейся толпы к черной воде Сунжи охрана на руках потащила тело. Запрокинутое, все в крови знакомое лицо. Шамиль! Черный, страшный, сочащийся кровью обрубок вместо ноги.

Это был конец!

В последней надежде уцелевшие кинулись к Сунже и, проваливаясь по грудь в ледяную воду, устремились вниз по течению. Рвались разрывы, визжали пули. Река подхватывала убитых и уносила в ночь. К утру немногие уцелевшие вышли к Алхан-Кале. Обмороженные, мокрые, израненные, они не могли идти дальше и разбрелись по домам поселка греться и сушиться. А утром поселок уже был блокирован русскими полками. К вечеру «волки» сдавались в плен сотнями...

Реквием по шестой роте

К ночи перестрелка перешла в плотный духовский обстрел. Пунктиры трассеров сложились в какую-то сумасшедшую графику красно-желто-синих ломаных линий, росчерков и стрел. Пули шипели над головой, лопались о камни, хлестко чмокали по грязи. В частую дробь очередей стали то и дело вплетаться разрывы мин и гранат. Не соврал «дух» – весь вечер десантники действительно дрались лишь с передовым отрядом, и вот теперь к боевикам подходили основные силы.

– Эй, командир! – услышал комбат в наушниках знакомый насмешливый голос Идриса – так назвался чеченец. – Тэбе не жарко там? Видыш, я слов на вэтэр не бросаю. На каждого твоего сопляка тэпэр по двадцать наших лучших воинов. Но нам нэ нужны ваши жизни.

Забирай своих цыплят и уходы. Командир, ты же умный мужик, сам видыш – у вас нет не одного шанса. Вы и часа не продержитесь. Мы смэтем вас, диш ты бя! Ночью к вам ныкто не прыдет. И летчики ваши спят. Спасай своих солдат, уходы с дороги!

...Он был прав этот Идрис. Превосходство боевиков было полным. На каждого десантника приходилось уже по полтора десятка «чечей». А «духи» все подходили. К тому же у боевиков минометы, десятки пулеметов и гранатометов, а у десантников только восемь «граников» с носимым боекомплектом гранат, да десятка два «Мух».

Никто не ждал здесь такой огромной банды боевиков. Разведка докладывала о

разрозненных мелких группах в десять-пятнадцать человек, прорывающихся к равнине. Только к утру на подготовленный уже опорный пункт должна была подойти техника и артиллерия. Ошиблась разведка...

Еще можно было отойти. Оставить заслон, обложиться минами, растяжками. Пробиться к реке и по руслу выйти к своим. В темноте «чечи» не решатся преследовать. Но тогда эта банда к утру вырвется из кольца. За семь часов, оставшихся до рассвета, боевики пройдут километров тридцать. Выйдут в лесистое предгорье, и там их уже будет не достать...

Комбат посмотрел на офицеров, сидевших на корточках вокруг него в мелком, полувыкопанном окопчике. Нормально закрепиться на высотке, окопаться, обложиться заграждениями десантники не успели. Выкатившийся на них в сумерках отряд боевиков не дал времени организовать полноценную оборону.

– «Духи» обещают дать коридор. Время им дорого. Хотят к рассвету быть в предгорье, а там и до Шали рукой подать. Мы тут у них как кость в горле.

Выворачивая душу, завывала падающая из зенита мина. Все инстинктивно пригнулись. Ахнул близкий разрыв, густо обкидав всех вывороченной землей. Кисло пахло сгоревшим толом.

– Пристрелялись, суки! – выругался ротный. – Что с помощью?

– До наших передков – километров десять. За спиной только трасса и гарнизоны по селам. По трассе должна была вечером на Ведено выйти колонна ментов, но связи с ними нет. Наши смогут подойти только к утру. Артиллерия огнем поддержит, но, если «духи» подойдут слишком близко, то сами понимаете. Авиация работать не сможет – ночь, туман. Так что будем делать, славяне?

...Комбат знал ответ. Знал, что скажут его офицеры. Знал, но хотел услышать эти слова, укрепиться ими, успокоить душевную смуту. Ведь вокруг него дрались его солдаты. Эти пацаны доверили ему свои жизни, верили в него, верили в мудрость и удачу своих командиров. Они хотели жить, любили жизнь. И ответственность за них невероятным грузом давила сердце. Он знал, что в этом бою до утра доживут немногие...

– Надо держаться сколько сможем! – ответил за всех ротный.

– Надо держать их, – эхом отозвался командир разведчиков.

– Будем держаться! – попытожил комбат. – А если совсем припрут, вызовем на себя артиллерию, и те, кто уцелеет, пусть пробиваются к реке.

Решение было принято. И неожиданно стало легко-легко на душе. Комбат прошел много войн. Вышел живым из многих переделок. Выиграл десятки боев. Воевал жестко, расчетливо. Он верил в свою счастливую судьбу, в удачу. И они не оставляли его. Но сейчас он ясно понимал, что уцелеть, остаться в живых на этой высоте не судьба...

Больше не было «вчера» или «завтра», оставалось только здесь и сейчас. И эта цельность давала какую-то странную свободу. Он больше не был ни сыном, ни мужем, ни отцом. Все это осталось где-то там, далеко за этой проклятой высотой. Осталось тем, кто прорвется сюда к ним, кто вынесет их отсюда, кто вернется домой и будет жить за них, оставшихся в этом бесконечном «сегодня». Теперь он был только воином.

А в жизни воина бывает миг, когда война из тяжелой, страшной работы становится просто принятием смерти...

– По местам, мужики! – скомандовал комбат. – И пусть каждый выполнит свой долг до конца.

* * *

...В третью атаку они уже просто пошли волнами. В полный рост, не пригибаясь. Их гнало безжалостное время. Шел второй час ночи.

– Аллах акбар! – ревели сотни глоток. Серый вал накатывался на позиции роты. Трещали, захлебываясь злобой, автоматы. Ухали разрывы. Но рота не отвечала. Десантники ждали, когда боевики подойдут в упор. Слишком мало оставалось патронов, чтобы тратить их впустую.

«Аллах акбар!» Накатывалось на высоту. И вот когда уже людской вал был готов захлестнуть вершину, окопы густо ощерились огнем. Кинжальный огонь был страшен. Очереди буквально выкашивали нападавших. Опустошали цепи. Под ноги уцелевшим полетели чугунные шары гранат. Все утонуло в грохоте разрывов. И «чечи» не выдержали. Цепи остановились, залегли и, не находя укрытия от пуль, поползли вниз к подножию, к спасительной тьме густого кустарника, оставляя на склоне десятки мертвых и корчащихся в агонии тел.

А на позиции десантников вновь обрушились мины. Воздух взорвался огнем. Всюду господствовала смерть. Одна из мин попала в пулеметное гнездо, разметав в клочья расчет. К пулемету бросился сержант-разведчик, но очередная мина изрубила осколками и его. Спрятаться от смерти было негде. Мины падали из черного ночного неба одна за другой. И каждый, вжавшись в камни, молил лишь об одном, чтобы следующая была не его...

В куцем окопчике раненые, не обращая внимания на обстрел, торопливо набивали магазины патронами. Один – с лицом в промокших черной кровью бинтах, на ощупь находил разбросанные по брезенту плащ-накидки бумажные пачки патронов, рвал их и точными, быстрыми движениями загонял острые «клыки» патронов в магазин. Второй, с перебитой пулей правой рукой, прижимая ее для устойчивости к животу, пальцами левой неуклюже забивал патроны. Третий, с простреленной, перетянутой жгутом ногой специальным ножом распарывал очередной патронный «цинк#.

Ахнул близкий разрыв. Осколок мины, словно бритвой, срезал два пальца на руке открывавшего «цинк» бойца. Брызнула кровь. Раненый охнул, потянулся к карману за бинтом, но вдруг обмяк и опрокинулся назад. Следующий осколок пронзил сердце, и отлетела солдатская душа...

А санитары подтаскивали к окопчику очередных раненых. Одного с серым землистым лицом, с пузырящейся кровавой слюной, пребывавшего в промедоловом дурмане, другого с оторванной по локоть левой рукой.

– Не возьмут гады! Не сдамся! – рычал он. В правой руке у него была зажата граната. Пусть подходят, суки!.. лять! Увидят, как десантура умирает!

Его стащили в окопчик.

– Если что, прижимайтесь, братки, ко мне! – прохрипел он лежавшим и сидевшим вокруг него раненым. – Живыми нас они хер возьмут!

Комбат был тоже ранен, но пуля прошла икру навывлет, и он, наскоро перевязавшись, продолжал руководить боем.

– Эх, комадир! – ожила станция. – Мы с вами по-хорошему хотели. Но вы нэ понимаетэ. Что ж, тепэр пощады не проси. Мы будэм вас всех как баранов резат. На кусочки, слышишь? Здэс наш амир Хаттаб. Он приказал из твоей собачьей шкуры сделат ему пояс. И я, мамой клянус, сдэлаю это!

Комбат поднес микрофон к губам:

– Послушай, свинья! С тобой говорит комбат воздушно-десантных войск России. Мы стояли, стоим и будем стоять на этой вершине. И пока мы живы, вам ее не взять. А что касается баранов – так их уже несколько сотен валяется на склонах. Некому собирать. А сколько еще будет – спроси у аллаха. Рассвет уже близок. Тебе нужна моя шкура? Приди и возьми, если ты такой смелый. А Хаттабу своему передай, что русские десатники не сдаются. Пусть это вспомнит, когда подыхать будет!

– Я иду к тебе!.. – взвизгнули было наушники, но комбат уже сорвал их с головы.

В окоп спрыгнул ротный.

– Ну как у тебя?

– Плохо. Минометы, мать их!.. Двадцать убитых, вдвое больше раненых. Из них половина тяжелых. Все, кто может автомат держать, – в строю. Но с боеприпасами – труба. По три магазина осталось на человека. У пэкаэмщиков по триста-пятьсот патронов. У «граников» на трубу по две гранаты и ручных полторы сотни. До утра никак не хватит.

– Аллах акбар! – донеслось с подножия высоты. Боевики пошли в очередную атаку...

* * *

...Только с пятой атаки, почти под утро, «чечи» ворвалась на высоту. Уже давно навсегда уткнулся в землю лицом ротный, пал от пули снайпера лейтенант-разведчик. Закончились выстрелы к гранатометам, и на каждого из оставшихся в живых десантников осталось по пол-рожка патронов.

– Прощайте, братцы! – Николай из Смоленска перекрестился и, встав в полный рост, бросился на подбежавших боевиков. С пояса расстрелял остатки патронов, завалив нескольких «чечей». С размаху, как в родной деревне вилы, по самый ствол загнал штык в грудь набегавшего боевика и, поддев его словно сноп, швырнул в сторону распоротого, умирающего. Еще успел заметить, как откуда-то сбоку, из-под руки выскочил тщедушный «дух». Крутанулся в его сторону, перехватил автомат, как дубину, и обрушил его на голову боевика. Но как хряснула раскалывающаяся черепная коробка, он уже не услышал. Длинная очередь в упор пробила грудь горячим свинцом. И отлетела солдатская душа.

– Мужики, двум смертям не бывать, а одной не миновать! – крикнул оставшийся за ротного старший лейтенант. – В штыки! Пусть запомнят, суки, как десант умирает!

– Ура! – грозно грянуло над высотой.

– Аллах акбар! – ревели склоны.

Сержант-татарин метнулся в самую гущу боевиков. Там, вертясь волчком, расстрелял последний магазин. Коротко, точно ужалил штыком в грудь одного боевика, достал в шею

второго. Третьему, набегавшему на него здоровому бородатому арабу, он вогнал штык в живот, но выдернуть его не успел. Араб дико завизжал, рухнул на колени и в предсмертном ужасе судорожно ухватился ладонями за ствол, не давая вытащить из себя лезвие штыка. Татарин изо всех сил рванул автомат на себя, но араб, как приклеенный, хрипя потянулся за ним. Матерясь, татарин уперся ногой в грудь араба и наконец рывком скинул того со штыка. Но распрямиться не успел. Длинное, узкое лезвие кинжала, пронзив лопатки, вышло из груди. И он удивленно, растерянно посмотрел вниз на торчащую из-под сердца сталь, попытался вздохнуть, но земля вдруг ушла из-под ног. И он упал навзничь, глазами уткнувшись в черное беззвездное небо, куда казанским голубем плеснула солдатская душа.

Убивший его боевик, судя по кобуре «стечкина» на поясе – командир, коротко, зло обтер кинжал о рукав куртки и, перешагнув через мертвое тело, огляделся.

– Комбата мнэ живым взять! – рявкнул он охранявшим его нукерам. У ног хрипел, бился в агонии проткнутый штыком араб. Чечен поморщился. Потом взвел ударник «стечкина», приставил его к затылку араба.

– Аллах акбар! – коротко произнес он и нажал на спусковой крючок. Ахнул выстрел. Араб дернулся и обмяк.

Смерть эта на мгновение отвлекла внимание охраны, и в это время из полыхающей огнями очередей предрассветной хмари возникла крепкая фигура. Охрана вскинула автоматы, но было поздно. Длинная очередь в упор разорвала командира. Сломала его пополам и швырнула на тело убитого им араба.

– Идрис! – буквально взвыли боевики. Но сразу достать его убийцу не удалось. Он еще успел завалить бросившегося на него начальника охраны и хохла-радииста. И только когда у него закончились патроны, чья-то очередь наконец достала уруса. Уже мертвого его долго и остервенело рубили кинжалами, в бессильной ярости вымещая на мертвом теле злобу и отчаяние. Но лейтенант всего этого уже не чувствовал. Душа его, уже свободная от смертной боли, в далеком от этой страшной высоты доме, склонилась над детской кроваткой, где вдруг безутешно заплакал во сне его сын.

– Аллах акбар! – радостно взревел боевик, запрыгнувший в окоп, где лежали раненые урусы. Рванул из-за пояса кинжал. – Сэйчас шашлык из вас нарежем!

И здесь до его слуха донесся до боли знакомый, страшный щелчок сработавшего бойка гранаты. Подчиняясь инстинкту, он рванулся из окопчика, но чьи-то руки ухватили его за ноги, прижали к земле. И тогда он завизжал в смертном ужасе. «Раз, два, три...» – механически отсчитывало сознание. И мир утонул в испепеляющей вспышке. А в далеком Пскове, в обычной двухкомнатной хрущевке вдруг надрывно завыл старый пудель, почувствовавший легкую, невесомую руку молодого хозяина...

– Сотый, я Стилет, боеприпасы кончились. «Духи» ворвались в траншеи. Весь огонь на меня! Повторяю, весь огонь на меня! Прощайте, мужики! Слава России!

Комбат бросил трубку на бруствер. Потом не торопясь расстрелял станцию. На дне окопа догорали радиотаблицы и карты.

Потом подпустил набегавших боевиков поближе и короткими точными очередями начал расстреливать их.

– Эй, собаки, я комбат вэдэвэ! Попробуйте меня взять, псы! – крикнул он, отвлекая,

вытягивая на себя боевиков. Давая хоть какой-то шанс тем немногим уцелевшим, кого еще не нашли, не достали «чечи». Он отстреливался. А сам про себя считал: двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... Ну когда же, когда?...Тридцать, тридцать один...» Первая пуля попала комбату в правое плечо, и он выронил автомат. Но тотчас подхватил его вновь и, кривясь от боли, уже неприцельно дал очередь. Вторая пуля попала в левый бок. Третья пронзила сердце. И уже умирая, он гаснущим сознанием успел услышать знакомый шелест подлетающих снарядов. И улыбнулся холодеющими губами.

Душа русского комбата тихо отлетела ввысь. На божий суд, где ему предстояло по-солдатски мужественно ответить праведникам, за что он бился и за что принял смерть. И душа его не боялась этого суда.

...А по руслу реки, шатаясь от усталости и ран, отходили его уцелевшие солдаты. Шестеро из девяноста...

Мы улетали из Ханкалы солнечным, теплым февральским днем. Простившись со старыми и новыми друзьями, долго сидели на авиаплощадке в ожидании «вертушки». Проголодавшись, резали колбасу, запивая ее водкой из фляги.

Повод был – в этот день мне стукнуло тридцать семь. Долго говорили о войне, о книгах, об общих друзьях.

А вскоре к площадке подъехала группа офицеров МВО, среди которых старший – генерал – тотчас взял нас под свое покровительство. В Москву мы летели в компании с боевыми генералами.

Время калек

ГОСПИТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

У этого госпиталя два лица. Одно лениво-фешенебельное, в камне и мраморе. С ухоженными клумбами, роскошным, почти дворцовым фойе, хрустальными люстрами, зеркально-каменными полами. Здесь охрана в модной униформе.

Здесь у строгого кирпичного КПП редко встретишь старенький «жигуль» или «Москвич». Все больше «Мерседесы», «Вольво», «БМВ» и прочий иностранный автозверинец последних моделей. Здесь путь для солидных пациентов и посетителей.

Обычный госпитальный народ здесь появляется лишь раз в час, когда к КПП подъезжает городская «маршрутка» и врачи, медсестры, санитарки, посетители среднего достатка меняют друг друга в душном салоне «автолайна». Одни возвращаются домой, другие, наоборот, приезжают, чтобы заступить на дежурство, выйти на работу, проведать своих родных и близких. Тогда у КПП вдруг на несколько минут становится многолюдно, а потом опять тишина, умиротворение, дворцовость...

Но есть и другой вход.

Дальнее КПП. Обычные металлические ворота, калитка. Здесь всегда многолюдно. Прямо за забором госпитальный поселок, где живет половина госпитального персонала.

Врачи, медсестры, санитарки, слесари, водители. Здесь магазинчики и укрытые «для интерьера» армейскими масксетями маленькие кафешки.

Рядом казармы и госпитальный автопарк. Привычная суэта людей в погонах и камуфляже.

Здесь уже все больше родных, отечественных машин и трава на газонах в полный рост.

Сердце госпиталя – два многоэтажных корпуса. Один построен в конце семидесятых. Тогдашний типовой, больничной. Но уже со скромными архитектурскими изысками в виде сплошного балкона на каждом этаже и даже «генеральскими» (в советском понимании) палатами. Это когда одна кровать в крошечном помещении со своим отдельным туалетом и душем. Старожилы рассказывают, что тогда, в начале восьмидесятых, госпиталь считался едва ли не санаторием для тогдашних генералов...

Но все чаще палаты на три койки с туалетом и умывальником в конце больничного коридора.

Теперь это основной хирургический корпус. Сюда еще совсем недавно сплошным потоком шли раненые из Чечни. Сегодня этот поток истончился, но все равно, Чечня без работы местную хирургию не оставляет...

Другому корпусу нет и пяти лет.

Его строили турки под руководством немцев, на немецкие же марки. Это, так сказать, один из примеров расплаты «натурой» за воссоединение Германии. Здесь уже совершенно иные стандарты. Роскошные холлы, просторные отделения. Все палаты одно-двухместные с туалетами и душами.

Все – стандарта середины девяностых.

Новейшее оборудование, самые современные лаборатории. Уникальные кардиологические операционные. Кого тут только не шунтировали...

Здесь уже и люксы совсем другие. Есть и двух – и даже трехкомнатные. Со всеми мыслимыми удобствами, от кондиционера и джакузи до собственной кухни и комнаты для охраны. Были бы деньги или достаточно больших звезд на погонах...

Поневоле сравниваешь люксы семидесятых и девяностых. Разница в запросах их обитателей, прямо скажем, впечатляет.

Интересно, но хирургический корпус почему-то ближе к дальнему КПП...

* * *

В местном кафе за соседним пластиковым столиком веселая компания. Человек шесть ребят и три девчонки. Много пива и воблы. Из старенького магнитофона что-то нечленораздельное поет одна из новомодных и пустых, как детская соска, современных групп:

«...И целуй меня везде!
Восемнадцать мне уже!...».

Рифма «везде – уже» вполне достойна интеллектуального уровня певцов.

Мы с двумя моими спутниками поневоле наблюдаем за молодежью. Ребята как на подбор – все коротко стриженные, в недорогих спорт-костюмах. Таких много болтается без дела по всем российским городам. Без работы, без профессии, без всякого особого смысла. Как говорится: «День да ночь – сутки прочь!».

Девчата тоже явно не из богатых семей. Но аккуратненькие, свежие своей молодостью. Как всякие провинциалки, немного разбитные, громкие.

В общем – один прайд. Видимо, местные, поселковые.

Они оживленно обсуждают какую-то Таньку, которая обещала, но почему-то не пришла. Видимо, из-за того, что перегрелась на пляже.

Потом переключаются на грядущий приезд в Москву «Агаты Кристи», спорят, как удобнее попасть на концерт. Один из ребят тянется к столу за пивом, из-под задравшегося края спортивной куртки неожиданно показывается рыжий край широкого армейского ремня.

«Что за странная мода носить под «спортивкой» широкий кожаный ремень?» – еще успевай подумать я, как неожиданно веснушчатый пацан, сидящий у самого стола, ловко подхватывает бутылку двумя, почему-то очень короткими руками, и передает ее тому, с ремнем. И взгляд буквально обжигает то, что на месте кистей у веснушчатого ничего нет. Точнее, из каждого запястья торчат по два странной формы пальца, больше похожих на клешни, которыми он и подхватил пиво для товарища.

И словно пелену сорвали с глаз.

Я вдруг замечаю, что у одного из ребят пустой рукав заправлен в карман куртки.

У накачанного, бритого крепыша в широком разрезе брючины поблескивает никелем спиц аппарат Илизарова.

А странная куча металлических трубок, которые я вначале принял за разобранный конструкцию летнего тента, оказалась составленными в кучу костылями...

Раненые!

Взглядом сталкиваюсь с глазами того, веснушчатого, без кистей и стыдливо, словно пойманный на чем-то неприличном, отвожу глаза и вновь натываюсь взглядом на широкий кожаный пояс.

Через пару дней в коридорах госпиталя встречаюсь с этим парнишкой. Он быстро, почти бегом пропрыгивает мимо на костылях. Правой ноги у него нет по самое бедро...

* * *

На карте долго ищу знакомое по всем московским больничным схемам слово «морг» и не нахожу. Нет его на плане. Потом мой Вергилий по госпитальному комплексу, проходя мимо неприметного одноэтажного здания в глубине госпитального «периметра», кивнул:

– Вон, отделение точной диагностики...

Смерть в госпитале скрыта от глаз. Отделена. Закрыта. И это выгодно отличает госпиталь от руин общегражданской медицины. Помню, когда в октябре 93-го я с ранением бедра лежал в 33-й остроумовской больнице, то каждое утро под окнами хирургических палат из подвала, куда ночью из реанимации и прочих «критических» точек спускали умерших за ночь пациентов, выстраивался целый скорбный «поезд» из каталок, на которых

лежали накрытые с головой простынями тела. И их с невероятным металлическим грохотом нетрезвые санитары везли по разбитому асфальту через добрую треть больничного комплекса к моргу...

И половина больницы с холодным содроганием следила в окна за этой мрачной процессией.

Госпиталь куда гуманнее к своим больным. Ушедших в мир иной здесь стараются по возможности в отсутствие больных сразу вынести из отделения, спустить на лифте к специальному входу, где уже стоит специальная санитарная машина, которая, опять же задворками, увозит скорбный груз к отделению «точной диагностики».

В этом прозвище патологоанатомического отделения свой мрачный юмор. Именно здесь окончательно определяется, как говорят врачи, «умер ли больной от того, от чего его лечили, или от чего иного...».

* * *

Вообще, чем дольше ходишь по бесконечным переходам и коридорам госпиталя, тем больше он напоминает некий огромный ремонтный завод.

Сюда попадает, привозится, притаскивается, поступает истерзанная, измученная болью, изъеденная болезнями человеческая плоть. И здесь, в его огромном чреве, будучи рассортированной по полу, возрасту, важности и стоимости, пройдя через рентгены и томографы, УЗИ и кардиограммы, анализы крови, мочи, желчи и еще бог знает чего, эта плоть человеческая исследуется его Технологами.

Они определяют характер и причину поломки и технологию починки каждого попавшего к ним изделия бога.

А потом начинается действие.

Одних распластывают на высоких кожаных столах и, отобрав одним уколом новейшего синтетического яда сознание и ощущения, врезаются в недвижимую, бесчувственную плоть, пробиваются сквозь ткани и кости к источникам боли и там иссекают, вырезают, сшивают, сращивают...

В другие тела впиваются пластиковые сосуды, и через них больная плоть омывается сложнейшими растворами, которые рассасывают, растворяют боль, заживляют, зарубцовывают, восстанавливают пораженные органы и ткани...

Здесь человеческие тела заново учат сгибать суставы, вставать, ходить, есть, испражняться...

Здесь их мнут руки костоправов, «прозванивают» все их нервные «цепи» тончайшими китайскими иглами, греют кварцем и радоновыми парами, массируют водяными струями.

И в конце, через недели, а иногда и месяцы вновь возвращают их окружающему миру. Не новыми, нет, но с продленным ресурсом...

* * *

Человечество только совсем недавно пришло к выводу, что куда более выгодно

поддерживать здоровье человека и растянуть как можно дольше его активную часть жизни, чем просто выжать его, как губку, за двадцать лет и в сорок, искалеченным, немощным стариком вышвырнуть на обочину жизни. Ведь живые и здоровые люди, перешагнувшие пятидесятилетний рубеж, это, по сути своей, самые лучшие специалисты и мастера, высочайшие профессионалы. Во многих видах современной человеческой деятельности пик мастерства приходится на время после сорока. Пилоты, капитаны, ученые, врачи, писатели... Всех не перечить.

То, что сегодня возраст немощности в развитых странах отодвинулся далеко за шестьдесят, позволяет, как ни странно, растянуть младшим поколениям комфорт детства и беззаботность юности. Сегодня семнадцатилетний подросток кажется еще совсем юнцом, а двадцатипятилетний студент никого не удивляет. А ведь еще в начале прошлого века нормальным возрастом для начала трудовой биографии считались шестнадцать, а то и четырнадцать лет. Инженеры покидали стены университетов в двадцать лет. Такова была суровая необходимость. Надо было восполнять естественную убыль...

Помню, как меня поразило, что большинство героев войны 1812 года умерло, едва перешагнув пятидесятилетний рубеж. Еще больше меня удивило то, что их к этому моменту уже давно считали стариками...

...Отношение к больным, к болезням вообще – один из главных показателей духовной зрелости государства. Я помню, как смеялся в советское время над вычитанной в журнале «Здоровье» фразой, что из-за обычного гриппа СССР в год теряет не то два, не то три рабочих дня, или сколько-то там миллионов рублей не созданного из-за этого ВВП. Тогда мне это казалось проявлением «совкового маразма». А совсем недавно в серьезном медицинском журнале я прочел статью о том, что в крупных японских корпорациях разворачивают собственные медицинские центры, чтобы прямо на предприятиях вести медицинское наблюдение за персоналом, так как слишком велики убытки, связанные с невыходом сотрудников на работу по болезни. Поэтому же в капиталистических Японии, Германии, Франции, Голландии и еще целом ряде стран уже введена или активно вводится система обязательной ежегодной диспансеризации населения, которую они посчитали необходимым перенять у Советской медицины...

А у нас, в России, после введения «страховой медицины» сегодня мечтают хотя бы об обязательной диспансеризации школьников. Об остальных речи просто не идет...

Из статьи в медицинском справочнике: «...Каждый второй умерший от рака мог бы жить, если бы он был продиагностирован на ранней стадии болезни. Простейшим способом своевременного выявления онкозаболеваний на ранних стадиях в СССР являлась всеобщая диспансеризация...».

Сегодня средняя продолжительность жизни мужчины в России всего пятьдесят семь лет.

* * *

Осторожно интересуюсь у знакомого врача фронтовыми судьбами лежащих в отделении ребят.

Тот, без кистей, конопатый – сапер. Отслужил в Чечне год. Весной их вызвали в одну из местных школ. Перед занятиями кто-то из учителей совершенно случайно обнаружил установленную ночью мину. Боевики свято следуют завещанию убиенного «дядюшки Джо» – Джохара Дудаева, что чеченцу для жизни больше трех классов не надо...

При первом же осмотре мины стало ясно, что установили ее на неизвлекаемость. Надо взрывать на месте, но директор школы буквально умоляла саперов этого не делать. Школу с таким трудом восстановили...

Саперы решили попробовать.

Они смогли снять основную мину, разрядить почти все ловушки, кроме одной, той, которая взорвалась прямо в руках сапера.

Здесь, в госпитале, хирурги сделали почти невозможное – из остатков раздробленных костей и мышц сформировали новые пальцы. Всего по два на руку, но даже это – медицинское чудо. С ними парень уже не беспомощный калека, который даже ширинку без посторонней помощи расстегнуть не сможет...

Крепыш с аппаратом Илизарова – десантник. Был ранен снайпером при одной из зачисток.

Худенький, без ноги – его БТР четыре месяца назад подорвался в Грозном на мощном фугасе...

Все они попали сюда после целой череды медсанбатов и прифронтовых госпиталей, где врачи боролись за их жизни, вытаскивали из шока, выполняли первые, самые необходимые операции. И здесь, в госпитале, специалисты высочайшего класса зачастую фактически заново формируют их тела, пытаясь вырвать их у инвалидности, увечности...

...В Истории Великой Отечественной войны прочитал, что войну выиграли раненые и солдаты 1895–1890 года рождения...

* * *

Врачи.

Технологи госпиталя. У каждого свой путь к госпиталю. Редко у кого сразу со студенческой скамьи, из ординатуры. У большинства через десятки гарнизонов, дальних «точек», батальонные и полковые санчасти. У многих за спиной раскаленные госпитальные модули и палатки Афганистана. Десятки выходов на «боевые», где часто приходилось резать, сшивать, обезболить, интубировать прямо под огнем душманов. Где некоторые сами, поймав душманскую пулю или осколок, теряя сознание от боли, еще успевали вколоть раненому бойцу промедол и последним движением гаснущего сознания зажать кровотечение резиновой удавкой жгута...

Здесь по возрасту врачей можно почти безошибочно определить, кому какая война досталась.

Капитаны и майоры – те почти сплошь «чеченцы». У каждого по несколько командировок на горящий Кавказ.

Кто чуть постарше уже – помнят Карабахские засады, разрушенный землетрясением Спитак, жару июльских Бендер и Абхазский зной.

Ну а те, кому за сорок, начинали еще с Афгана, Эфиопии, Никарагуа, Сирии...

Есть вообще экзотические персонажи. Один из реаниматологов несколько лет отслужил во вьетнамских джунглях, другой хирург больше пяти лет работал в Африканской сельве.

«Я на неграх так руку набил, как ни на одних морских свинках в институте не получится!» – мрачно шутит он. Его действительно считают одним из лучших хирургов. В Африке местные прозвали его «чудо-доктор»...

Вот этот огромный совокупный врачебный опыт и есть главная «технология» госпиталя, его ноу-хау. В нем накоплен уникальный опыт лечения любых, самых разных и экзотических болезней, травм, ранений и поражений. Именно поэтому даже новорусские олигархи и министры, которым доступны любые самые фешенебельные клиники Америки, Германии, Швеции, Японии, предпочитают в серьезных случаях ложиться сюда, в госпиталь.

Здесь лечил свою изъеденную гепатитом печень Березовский. Здесь почти с того света вернули Кобзона. В коридорах Госпиталя видели и Татьяну Дьяченко, и Кокошина, и Чубайса, и еще десятки разных министров, депутатов, банкиров и олигархов...

Но я бы сказал неправду, если бы попытался представить госпиталь таким оазисом без забот и проблем. Нет. Скорее он напоминает крепость в осаде. Госпиталь, как и всю нынешнюю российскую медицину, осаждает нужда, разруха и безденежье.

Врач получает мизерную зарплату. Медсестры еще меньше. При этом на них лежит самая тяжелая и грязная работа. В тех же хирургических отделениях медсестра должна за смену сделать сотни уколов, десятки перевязок, обеспечить подготовку больных к плановым операциям, прием послеоперационных больных. Это почти каторжный труд.

А кроме этого еще суточные дежурства, когда на всю ночь медсестра с дежурным врачом остаются одни на целое отделение, где десятки лежачих и тяжелых послеоперационных больных.

Не зря шутят, что опытная хирургическая медсестра – это еще не врач, но уже не фельдшер.

Поэтому в той же частной стоматологии сестер с опытом работы в хирургических и реанимационных отделениях расхватывают «с руками» и платят на порядок выше.

Зарплата санитарок вообще крохотная. Поэтому текучка медсестер и санитарок огромна. И хотя командование госпиталя старается организовать гибкую систему выплат, установить разнообразные надбавки, но все равно некомплект младшего медперсонала велик...

Поэтому с каждым годом госпиталь вынужден выделять все больше своих мощностей на «платную» медицину. Сегодня лечь в еще недавно совершенно закрытый для посторонних госпиталь может любой, у кого есть деньги.

Поступления от «коммерческой программы» позволяют госпиталю закупать новое оборудование, вести ремонт своего обширного хозяйства, поддерживать и облагораживать территорию. Но исподволь с «коммерциализацией» в госпиталь начинает проникать и поразившая и теперь уже почти уничтожившая всю гражданскую медицину болезнь – безразличие к обычному больному человеку. Ведь что там говорить, внимание «коммерческим» больным уделяется особое. Поэтому многие, раньше легкодоступные всем восстанавливающие и оздоравливающие процедуры в той же физиотерапии сегодня для

«обычных» больных постепенно становятся «дефицитны».

Пока, к счастью, только в физиотерапии...

* * *

Вечером в кафе собирается все та же компания. Ребята беззаботно пьют пиво, хрустят сухариками. Отставлены в сторону, убраны от глаз подальше костыли. Смеются девчонки, лапятся к парням. Из хриплых динамиков опять кто-то кого-то призывает куда-то увезти...

...А я, глядя на этих ребят, вдруг понял, что они и есть главный символ сегодняшней нашей России.

Истрадавшиеся, искалеченные за нее, еще толком не понимающие, что с ними произошло, но веселые, азартные, ловко хватающие страшными «клешнями» кружки с пивом, рвущие ловко зубами и одной уцелевшей рукой воблу, которая еще два месяца назад там, в горах, казалась редчайшим деликатесом – они символ. Символ русской жизни, пробивающейся сквозь любые изломы и камни, приспособливающейся к любым самым суровым условиям и, несмотря ни на что, верящей в лучшее, тянущейся к свету, к солнцу.

И еще я понял, что эти ребята – главный пробный камень всех сегодняшних дел и обещаний новых наших правителей. Забудут они об этих ребятах, вышвырнут их из жизни, сольют в свои золотые гальюны, как десятки тысяч бывших до них «афганцев», «карабахцев», «абхазцев», тех, еще первых «чеченцев» – и грош цена всему тому новому, о чем убежденно говорят эти самые правители.

– А я, как выпишусь, поеду к брату во Владик. Опять пойду матросом на траулер, – рассказывал подружке десантник. – Поедешь со мной?

Девчонка смеется и прячет лицо у того на шее. В глазах недоверчивый азарт. А вдруг действительно позовет?..

Они верят, что жизнь только начинается...

Обычный герой

Вовку Салимова разбудил знакомый рев движков. Прямо над казармой прохлопала лопастями и ушла куда-то в сторону гор вертушка. Он открыл глаза и еще какое-то время прислушивался к тающему вдали гулу. Потом приподнялся на локте. Прямо у головы на столе громоздились оставшиеся с вечера пустые бутылки, початые консервы, засохший хлеб и прочая снедь, способная поднять вечернее настроение компании фронтовых офицеров. Вовка пошарил рукой по столу и, найдя пластик бутылка с минералкой, жадно приник к горлышку губами. Притушив характерную утреннюю жажду, он откинулся на подушку и заложил руки за голову.

Хорошо!!!

Еще вчера в это время он был в воздухе. Нарезал виражи под облачностью, выискивая в разрывах облаков проход через хребет. И, наконец найдя его, буквально юркнул в стремительно затягивающееся туманом «окно». Прошел в десятке метров над склоном хребта, успел проскочить теснину скал и в уже густеющей облачности соскользнул в узкую

горную долину, где вертушку ждали на полковой площадке тяжелораненые солдаты из подорвавшегося на горной дороге «броника». Едва колеса вдавились в жирный горный чернозем, как хлынул дождь. Плафон – позывной местного авианаводчика – только руками развел. Видимость упала почти до нуля. Но это уже было не важно. Взлететь он мог при любой погоде и даже с закрытыми глазами...

И вот теперь первый раз за эти три месяца он встречал знакомый гул движков не на «капэ» и не в кабине своей «восьмерки», а на койке. И это был повод...

Но в одиночку пить Салимов не умел и не желал. Это же просто извращение – пить в одиночку. Крайняя форма эгоизма, переходящая в бытовое пьянство. Поэтому, сев на кровати, Вовка обвел глазами казарму, оценивая обстановку. Результат этой оценки его не обрадовал. Казарма была безмолвна и пуста. Весь народ отвалил на аэродром. И это не могло не огорчить военлета Салимова.

Еще вчера вечером за столом было не протиснуться. Отмечали день рождения замкомэска Партикеева. А вот теперь ему, целому майору, ветерану нескольких войн, выпить, понимаешь, не с кем.

Неожиданно краем глаза он уловил в углу казармы движение. Кто-то лежал на кровати. Салимов приподнялся, пытаясь узнать лежащего, но лицо его было закрыто какой-то книжкой, которую тот читал. И все же по какому-то наитию Вовка его узнал.

– Васильев, ты?

Из-за книжки показалось знакомое худощавое лицо Васильева – штурмана гусаровского экипажа.

– Ну-ка, иди сюда.

– Нет, Магомедыч, я пас, – отозвался Васильев, сообразив, для чего именно зовет его Салимов.

– Ты это кончай, Андрюха! Тебя целый военный майор вызывает. Твой замполит, между прочим. Иди сюда.

– Магомедыч, я больше не пью, – заныл Васильев.

– Ты не агитируй, ты сюда иди.

Васильев нехотя встал с койки, сунул ноги в солдатские шлепанцы и направился к койке Салимова.

«Их же вчера проконопатили», – вспомнил Вовка.

Он был в воздухе, когда услышал доклад, что в районе Арштов «восьмерка» Гусарова попала под плотный зенитный огонь. С окраины села по вертушке отработало десятка полтора стволов. Больше тридцати дырок привез Серега. Пули пробили маслопровод, топливные баки, посекали приборную доску, но главное – одна из них повредила движок, а другая пробила лонжерон. До аэродрома Серега дополз только чудом. Масло текло по остеклению кабины, температура росла. Еще бы минут пять, и точно бы поймали клин...

Впрочем, самое худшее судьба от них отвела. Граната, выпущенная из РПГ с крыши дома, срикошетила о кожух пылезащитного устройства и рванула самоликвидатором метрах в ста от фюзеляжа.

Главное – обошлись без потерь. И хотя на борту находились четырнадцать человек, пули всех обошли. И только молоденькому лейтенанту одна рикошетом раздробила голень.

...Не зря говорят, что самые опасные на войне – это первый и последний день. Лейтенанта покалечило в его первый час на войне...

Инженеры, осматривавшие «восьмерку», только головами качали. Работы теперь как минимум на неделю. И если сам Гусаров к этому случаю отнесся вполне философски, то его штурман явно «клинил». Сначала он жадно выкурил целую пачку «Явы», не куря до этого ни дня. А затем вообще впал в ступор. Молча сидел за столом, не обращая внимания ни на что и не откликаясь на обращения.

Понятное дело, что сегодня экипажу дали отдых. Самого Гусарова уже давно след простыл. И Вовка примерно догадывался, где тот может в этот момент находиться. Еще с вечера Гусаров просто бредил «Балтикой», которую на Ханкалу почему-то упорно не завозили.

Васильев подошел, сел напротив, и Вовка заметил лихорадочный блеск в его глазах. В руках Васильев держал какую-то затрепанную книжицу. «Молитвослов» – разобрал он название.

Отыскал чистые стаканы. Плеснул в них водку.

– Давай, за здоровье!

– Нее... – протянул Васильев, – не буду. Я теперь вообще больше не пью.

– Ты кончай «грузиться». – Вовка озабоченно нахмурился. – Бывает. Все мы дырки привозили. Мы, в конце концов, военные летчики, а не армия спасения. Конечно, не по шерсти, когда видишь, как по тебе бьют. И привыкнуть к этому нельзя. Все боятся – командующий, и летеха. Но и впадать в ступор нельзя. Прошло уже. Все! Выпей и забудь!

Андрей непокорно сверкнул глазами. Сжал в руках томик «Молитвослова», как партбилет перед голосованием.

– Магомедыч, ты в Бога веришь?

– А то как же. Вот, смотри... – Вовка вытащил из-за пазухи крестик на тесемке. – Перед командировкой жена отвела меня в церковь. Крестила. Так что я теперь православный татарин. Иже еси не небеси... Но водку на земле пью...

...Через час Васильев заплетающимся языком объяснял, ругая ладонью воздух:

– ...И понимаешь, я же его рожу вижу. Пасть оскаленную, глаза выпученные. Вижу, как затвор у него дергается вперед-назад. Как пламя ствол закрывает. И он, сука, по мне лупит. Понимаешь! По мне! Я Сереге кричу – бей! А он все тянет и тянет. И так целую вечность. Затвор дергается. Вспышки. Дырки в стекле, а Серега все не стреляет...

Сам Вовка слушал этот словесный поток уже в полудреме. Ему было хорошо и спокойно. Выговаривается Васильев. Водку выпил. Значит, в себя приходит. Главное, в себе это не держать. Снять с души. У медиков ступор, кажется, шоком называется.

И его так же «клинило» в свое время. В прошлую «Чечню», когда впервые его «восьмерка» сошлась в дуэли с чечиковской «зэушкой». Тогда все решали мгновения. Восьмерка с десантурой на борту завернула за угол склона, выходя в район десантирования. И там буквально наскочила на дудаевскую «зэушку», развернувшуюся на скальном балконе. Отвернуть, уйти было нельзя. Слева и снизу гребень скалы. Развернуться вправо, но это значит подставиться под огонь в упор, а с такого расстояния не было ни одного шанса уцелеть. И он инстинктивно, буквально «на пятке», развернулся и, резко накренив

«восьмерку», поймал в прицел зенитку. Он еще успел увидеть, как лихорадочно крутит баранку наводки чеченский наводчик, лоя его самого в паутину прицела. Он увидел, как напрягся «дух», как его нога потянулась к педали «спуска», и в этот момент он надавил на гашетку «нурсов», а потом, дав максимальный газ, рванул ручку управления на себя. Близкий разрыв подбросил вертолет, и он, уже едва увернувшись от скалы, скользнул в спасительную чашу долины.

А потом, на аэродроме, он вот так же курил одну сигарету за одной и цедил сквозь зубы обжигающий спирт – универсальный русский «антишок»...

Сколько с тех пор было таких вот дуэлей, сколько раз по прилету техники считали дырки в фюзеляже?

Вообще с каждым годом мужиков из старой гвардии остается все меньше и меньше. Из тех, кто прошел Афган, летал в Африке, кто помнит времена Союза. Это уже все больше командиры полков, командующие. Редко кто в комэках задержался. А вот Салимов так в замполитах и остался. Ну не тянет его командировать. Не тот характер. Ему нравится с людьми работать, быть среди них. И летать. Где только он не летал. Работал с космонавтами. Разыскивал приземлившиеся экипажи. Потом занесло его в Африку, в Анголу. Потом была первая Чеченская война. Командировка в Таджикистан. И вот теперь он третий месяц здесь...

Новую власть Салимов недолюбливает. А за что ее любить? Ну, к примеру, какому кремлевскому остолопу взбрело в голову заменить слово «замполит» каким-то детсадовским «воспитатель»...

Принципиально Салимов не выбросил и свой партбилет. «**Я** советский человек! – говорит он о себе. – И меня уже не переделаешь...».

Правда, в полученном им от Министерства обороны коттедже на Смоленщине он больше склонился к буржуазной роскоши. Своими руками выстроил в подвале отличную баню и выкопал бассейн...

К обеду вернулся Серега Гусаров. Да не один, а с двумя журналистами. Усадил их за стол. Из парашютной сумки на стол извлекли целую батарею «Балтики».

– Знакомся, Володя, это журналисты. Наши ребята.

Салимов к журналистам относился вполне добродушно, но настороженно. Но когда выяснил, что ребята «свои» – из «Русского дома», расслабился. Свои – гадость не напишут. Это не НТВ.

Гусаров, конечно, хитрюга. Пиво покупали гости...

– Что такое вертолет? – грозно спросил Серега у захмелевших репортеров. – Представьте себе карандаш, на его кончик насажен огурец, и этот огурец крутится. Это и есть – вертолет. Самый странный и удивительный летательный аппарат из всех созданных человеком. Он противоречит всем нормальным законам авиатехники. Вот центр тяжести. В вертолете он находится над головой летчика. То есть вертушка – система абсолютно нестабильная. Она устойчиво держится в воздухе исключительно за счет автоматики.

Лица журналистов с каждой фразой все более суровели, и по всему было видно, что желание летать на «нестабильном аппарате» у них резко поубавилось.

– А мы на нем не просто летаем по прямой. Мы воюем, людей возим. Это же самое близкое пехоте оружие. Вертолет – это солдат современной войны. Я вчера тридцать две

дырки привез, а «ласточка» вытянула, выдержала. Умница, а не машина!

Серегу понесло...

Расходились за полночь. Журналисты, счастливые своим ощущением причастности, как пишут в газетах, к «героическому летному труду», изрядно «расслабленные», обнимались, долго писали на визитках телефоны, звали в гости.

Гусаров их тоже звал «полетать» с ним, когда его «ласточку» починят...

Когда Салимов с Гусаровым вернулись в казарму, стол уже был пуст и застелен вместо скатерти чистой простыней. Выходной закончился...

* * *

– ...С десантом пойдет пара Салимова. Ее прикроет пара Кайданова. Район падения «сушки» предположительно вот этот склон. – Командир остро заточенным карандашом очертил кружок на карте. – Летчик на связь вышел один раз сразу после приземления. Доложил, что жив и отходит от места приземления. И тут же отключил связь. Бойся быть запеленгованным. Пээсэсовский вертолет был подбит и сел вот здесь. – И карандаш вновь вывел небольшой овал на карте. – Ведут бой в окружении. Погода в районе падения – «СМУ», нижний край сто. Быть готовыми к встрече с «чечами». «Сушку» предположительно сбил «пээээрка». Разведка докладывает о том, что в этом районе у «чечей» действует до пяти «зэушек». Поэтому головы не терять. Любая работа только с противозенитным маневром. Все. На взлет!

Летчики бегом бросились к машинам. Взвыли движки, захлопали, набирая скорость, сливаясь в мерцающие диски лопасти.

...Сорок минут назад летчик «Су-25», работавший в предгорье, успел передать, что самолет подбит и падает. А еще через полчаса была подбита вертушка с поисково-спасательной группой, вылетевшей на поиск сбитого пилота. И вот теперь группа вылетала на эвакуацию сбитых ребят.

Десантники в салоне хмуро и сосредоточенно готовились к бою. Подтягивали ремни «разгрузок», навинчивали запалы на запасные гранаты, топили в «стаканах» подствольников заточенные цилиндры гранат.

Боевики отлично понимают, что русские не бросят своих, что за ними прилетит подмога. А это значит, что группу может ждать новая засада. Возможно, еще более мощная и изощренная. И готовым надо быть ко всему.

...Салимов отжал рычаг общего шага и мягко отдал ручку управления от себя. Тотчас земля стремительно ухнула вниз, а затем, наползая на остекление вертолета, заскользила под фюзеляж.

Справа в пеленге пристроился ведомый и два «Ми-8», словно взявшие след гончие, они, уставившись кабинами в землю, рванулись к синеющим вдали горам. Над ними чуть в стороне прошелестели винтами «двадцать четверки» звена прикрытия.

Терский хребет проскочили «горкой» на крейсерской скорости, и вот уже внизу промелькнула широкая серебристая лента Терека. Еще несколько минут полета, и «вертушки» перемахнули невидимую линию фронта. Теперь Под ними лежала чужая,

враждебная земля. Тотчас «восьмерки» зарыскали, змейкой уклоняясь от прицелов, не давая сосредоточиться, просчитать маршрут, ударить на упреждение.

– Входим в район поиска! – доложил штурман.

...Чеченский стрелок был опытным бойцом. Зная опасность вертушки в передней полусфере, он хладнокровно пропустил ведущего, подождал, пока над ним пролетит ведомый, и, лишь когда увидел его хвост, заставил зенитку ожить.

Лесистый склон горы вновь коротко вспух огнем. И совсем рядом с кабиной Салимова прошел сноп золотистых смертельно опасных колосьев. Но второй раз выстрелить «зэушке» Салимов не дал. Заложив крутой вираж, он буквально на долю секунды поймал в прицел оседающую над чечиковской позицией пыль, а уже через мгновение полтора десятка начиненных взрывчаткой реактивных дротов неслись к чеченской засаде. Отворачивая в сторону в противозенитном маневре, он успел заметить, как вздыбилась под разрывами «нурсов» земля, как взметнулись в небо камни, какие-то искореженные железки и куски досок. Больше зенитка не стреляла...

Но Салимова занимало совсем другое. Заложив крутой вираж, он пытался обнаружить место падения вертолета. Есть! Вот он. На склоне лесистого холма глаза выхватили знакомый силуэт лежащей на боку «восьмерки». Вокруг нее за камнями жались десантники. Отстреливались, переползали. Увидел он и боевиков, которые перебежали, перекатывались, подползали к десантникам, стремясь как можно быстрее подойти на расстояние, делавшее вертолеты бессильными.

– Сто сорок седьмой, отсекай «духов»! – бросил он командиру звена прикрытия, но тот уже и сам увидел боевиков. Пара «крокодилов» легла на боевой курс, и с пилонов к земле потянулись дымные росчерки «нурсов».

– Наблюдаю выдвижение большого отряда в вашу сторону, – услышал он в наушниках доклад ведущего второй пары прикрытия. – Предположительно до ста человек. Начинаю работу!

Да, боевики явно подготовились к встрече поисково-спасательной группы...

Необходимо было срочно принимать решение. Внизу, на склоне горы, дрались в окружении десантники и экипаж сбитого вертолета. С каждой минутой их положение становилось все более тяжелым. К боевикам подходило подкрепление. Еще полчаса, и все будет закончено. В таком неравном бою чудес не бывает...

И здесь на вираже он заметил небольшую проплешину – низину выше по склону. Если зайти от реки, то можно сесть!

– Сто сорок седьмой, прикрой меня, сажусь на площадку выше сто по склону от Валеры.

– Понял тебя, Володя. Работаю!

...От реки он снизился до брющего полета. Проскочил над самыми верхушками деревьев, разгоняя их в стороны ураганом винта. Он видел, как разбегаются под ним в стороны боевики, как залегают, открывают огонь. Но это его уже не интересовало. Наконец вертушка выскочила над прогалом в лесу, небольшой полянкой, в которую машина если и поместится, то только чудом. И он его сделал! Вертолет точно впечатался пневматиками в центр поляны. Взметнулись ввысь срезанные лопастями ветви кустарника, «не

вписавшегося» в радиус винта. И тотчас в распахнутую дверь посыпались на землю десантники. Пригибаясь к земле, разбегались в стороны, занимали оборону. Вот они достигли края поляны, вот исчезли в лесу...

Время, кажется, остановилось. Только рев движка, мечущаяся под лопастями трава и бесконечное ожидание. Неожиданно глаза уловили странное движение в верхушках деревьев. Их ветви, словно срезанные невидимой косой, падали и тут же, подхваченные ветром, уносились прочь. «Пули! – сообразил он. – «Чечи» пытаются достать, но снизу вертушка прикрыта склоном, и пули только секут вершины...».

Сверху, на брешке, упруго простигла воздух «восьмерка». Слух уловил знакомый треск пулемета. Ведомый дрался, сдерживал натиск боевиков.

Наконец из леса на поляну выскочили десантники. На руках тащили раненых. Подбежали к борту, грубо, торопливо забросили их внутрь и вновь бросились к лесу. А навстречу им из леса к вертушке уже бежали, пригибаясь от ветра, знакомые фигурки в летных кожанках. Экипаж Кристофорова. Живые!

– ...Сто сорок третий сбит! Наблюдаю падение и взрыв! – обжег слух доклад ведущего второй пары прикрытия. Сергиенко сбили! Это чертово предгорье забрало еще один вертолет!

Даже сквозь гул движков он слышал, что треск очередей приближается. Неожиданно с треском лопнуло зеркало, его осколки брызнули в форточку, и прямо в центре зеркалодержателя появилась круглая дырка. Нащупали!

Следующая пуля прошла борт у левой ноги и, высверлив ровную дырку в стойке кресла, ушла куда-то за спину в салон.

На краю поляны вновь появились фигуры десантников. Они бежали к машине, но даже на бегу то и дело оборачивались к лесу, замирали, вскидывали оружие и полосовали очередями кусты. И в этом их отступлении была какая-то особая, выработанная войной слаженность, ритм. Пока одни перебежали от опушки к борту, другие прикрывали их огнем. Потом сами откатывались под прикрытием очередей товарищей.

– Володя, ты как? – услышал он голос ведомого.

– Собираю людей! Скоро буду взлетать. Что у тебя?

– Наседают! Дырявят как шумовку. Володя, побыстрее! «Чечи» совсем близко от тебя. Повторяю. «Чечи» сов... – голос ведущего вдруг оборвался. Очередная пуля разбила станцию.

А за спиной уже гремели в салоне карабкающиеся туда десантники. Он почувствовал, как осела под их весом «вертушка». За бортом мимо кабины, к дверям, на руках протащили солдата с залитым кровью лицом, потом еще кого-то на плащ-палатке.

Неожиданно он почувствовал, как что-то зло и сильно куснуло левое запястье. Инстинктивно отдернул руку, поднес ладонь к лицу. В запястье впился развороченный, распоротый корпус от часов. Пуля попала в циферблат и, срикошетив, вмялась в приборную доску.

– Все, командир! Все на борту! Взлетаем! – услышал он сквозь рев движков крик бортехника над собой.

– Точно все? Сколько человек?

– Все! Даже «двухсотых» вытащили! Тридцать один человек!

«С нами тридцать три!» – обожгло сознание. А максимальный допуск – двадцать. Перегруз почти в два раза...

Но времени на размышление уже не оставалось. В салоне загрохотали автоматы десантников, бивших по опушке. Счет шел на секунды.

И отжав вверх, до максимала «руды» – рычаги управления двигателями, он поймал знакомый миг «подхвата», когда пришпоренная форсажной мощностью вертушка буквально вздыбилась – потянул рычаг общего шага на себя, плавно отдавая ручку, гася правой pedalью поворотный «инстинкт» винта.

Давай, родимая! Тяни, голубушка!

«Восьмерка» пошла крупной дрожью, пытаясь изо всех своих стальных и реактивных сил выполнить волю человека. И она смогла! На полном запрделе сил и мощи колеса вырвались из жирного чернозема склона. И, рубя винтом верхушки деревьев, ломая ветки балками подвески, «вертушка» буквально проломилась сквозь чашу в небо.

– Ух ты моя хорошая! Миленька ты моя! – почти кричал он, выдавливая из души, из сердца страшное напряжение прошедших минут.

Пробив облака, к нему пристроился ведомый.

«Жив Колька!» – Радость теплом окатила сердце.

Но вид у них обоих был не лучший. Связь разбита, половина приборов не действует, тут и там из обшивки торчат заусеницы пробоин.

За Кузнецовым к тому же тянулся легкий копотный след. Но главное – живы! Теперь только бы побыстрее Терек перевалить.

...За Терекком копать за Кузнецовым стала гуще. Салимов то и дело озабоченно оглядывался на ведомого. Дотянет ли? Неожиданно далеко внизу замелькали характерные «брусски» боевой техники и зеленые квадраты палаток.

Наши. И «вертушка» Кузнецова тут же начала снижаться. «Значит, здорово его зацепили!» – понял Вовка. «Пошел на вынужденную». Но проводить его до земли он уже не мог. Топлива хватало точно до моздокской полосы...

Уже на земле, заглушив движки, он вдруг вспомнил о времени.

– Сколько же мы там просидели? – спросил он «штурманца».

– Двадцать две минуты, Магомедыч. Двадцать две минуты...

* * *

...Вечером Вовку вызвали на доклад к «энгэша». Квашнин захотел лично увидеть летчика, вытащившего группу буквально с того света. И Салимов подчеркнуто корректно и спокойно докладывал обстоятельства вылета.

– ...Вышли в район падения... Обнаружили визуально... Снизился... высадил десант... Принял решение ждать...

И хотя острое обоняние давно уже равнодушного к алкоголю «энгэша» улавливало характерное амбре лучшего русского «антишока», грозный и непримиримый к этой слабости Квашнин словно бы и не замечал «замаслянившихся» веселых глаз Вовки...

– На вертолете Салимова насчитали сорок две пробоины. У Кузнецова шестьдесят четыре. Он сел на вынужденную в мотострелковом полку у Червленной, – услужливо подсказал «энгэша» командующий авиацией группировки.

– Представляйте к герою! – коротко подытожил Квашнин. – Завтра же представление мне на стол! Спасибо тебе, майор! Огромное человеческое спасибо!

...Бородатый чиновник, один из тех, что часто мелькает по телевидению за спиной президента, долго и въедливо расспрашивал об обстоятельствах полета, что-то записывал, внимательно вчитывался в анкету и представление. Наконец поднял голову.

– Ну что ж, мне кажется, что вы вполне достойны высокого звания Героя России. В ближайшие дни ваши документы будут на столе у президента. Может быть, вы хотите что-то уточнить, узнать?

– Хочу.

Брови рыжебородого удивленно вскинулись.

– Я не один был в воздухе. Меня прикрывал мой ведомый, капитан Кузнецов. Без него бы ничего не получилось. Погибли бы все. Считаю, что он безусловно заслужил звание героя. И дать одному мне звезду будет не справедливо.

Рыжебородый аккуратно закрыл папку с документами Салимова.

– Странно. Каждый второй из тех, кого представляют к званию героя и с кем мы беседуем, почему-то просит еще за кого-то.

– Что же тут странного? – вздохнул Салимов. – Война на всех одна, и один в поле не воин...

Генерал

Писать о генерал-полковнике Виталии Егоровиче Павлове трудно. Трудно потому, что масштаб его личности, его мощь требуют очень точных слов. Слов, чуждых экзальтации, восторгов, но вместе с тем понятных и значимых потому, что вся жизнь генерала Павлова – это яркая вспышка, полет, подвиг. За спиной тридцать семь лет службы, две войны. Афганская и чеченская. И на каждой его имя было легендарным, в каждую он вписал свою страницу. В Афганистане полковник Павлов – один из лучших командиров полков, лично совершивший шестьсот семьдесят боевых вылетов, потерявший за полтора года боев всего три вертолета, удостоенный за эту войну звания Героя Советского Союза. В Чечне генерал-полковник Павлов, командующий авиацией сухопутных войск, когда того требовала обстановка, сам поднимал вертолет в небо и пробивался сквозь густую облачность и горы к передовым батальонам, вывозил раненых.

У вертолетчиков его фамилия так же легендарна, как фамилия Маргелов у десантников или Варенников у пехотинцев.

Среди развала и тлена, в который медленно погружается Россия, уже нет опоры на казавшиеся незыблемыми столпы государства. Армию, госбезопасность, милицию, суд. Все обветшало, все до трухлявости источено челюстями разрушителей. И только некоторые люди, личности противостоят этим термитам. Сохраняют и сберегают то небольшое, что еще осталось. На этом сопротивлении держится сегодня Россия. Именно эти люди герои нашего

времени. Генерал-полковник Виталий Павлов один из них.

Первым самолетом, который он увидел в своей жизни, был «кукурузник» «По-2», пролетающий изредка над его городком Трубчевском, что на Брянщине. Было ему тогда что-то около пяти лет. А вот поезд вблизи он увидел только в шестнадцать, когда отправился на нем к брату под Куйбышев устраиваться на завод. «Так что с авиацией я познакомился раньше всего», – шутит он теперь. Потом был завод. Школа рабочей молодежи, в которой закончил десятилетку. Походы к аэродрому «Звезда» сызранского летного училища. Интерес к авиации, увлечение и, наконец, решение поступать «на летчика».

Их курс был первым, кого набрали и обучали по программе вертолетчиков. До этого все начинали с самолетов. Вертолет тогда был чем-то очень экзотическим и пугающим, как летающая тарелка. Только-только в серию пошли самые первые советские образцы «Ми-1», «Ми-4». «Самолетчики» сторонились нового летающего детища, называя его «летающим огурцом на карандаше».

Поэтому долгое время отношение к вертолету в нашей армии было, мягко говоря, прохладным. Даже вертолетные училища долгое время приравнивались к среднеспециальным. Все в корне изменилось после корейской войны, где американцы массово применяли вертолеты для перевозки грузов в труднодоступную местность, высадки десантов, эвакуации раненых и попавших в окружение. Именно там впервые проявилось главное преимущество вертолета – возможность летать в труднодоступной местности, взлетать и садиться на любые клочки поверхности.

После корейской войны нашим командованием были сделаны соответствующие выводы и в Советской армии появились вертолетные эскадрильи. А после арабо-израильских войн – вертолеты огневой поддержки.

Сегодня на поле вертолет – такая же привычная боевая техника, как танк или самоходка. В тылу огромные «Ми-26» способны в чреве перевозить до роты пехоты и по паре БМП, а «лошадки» «Ми-8» за ночь перебрасывают к передовой целые полки. Вертолеты – это кавалерия современной армии.

После окончания училища лейтенанта Павлова оставили летчиком-инструктором. И до семьдесят второго года он обучал курсантов, готовил вертолетчиков. Закончил заочно Высшее военное училище. И в семьдесят третьем поступил в Академию имени Гагарина.

Потом была служба в Закарпатье. Там он впервые вылетел ночью на спасение людей. Разлившаяся река Стрый затопила карьер, в котором велись работы, и посреди бурлящего озера на пятачке полтора на двадцать метров оказались отрезанными от суши четырнадцать человек. Вода прибывала. По тревоге подняли военных вертолетчиков. Ночью в дождь, в сильный боковой ветер Павлов сумел снизиться и упереться передней «ногой», как говорят вертолетчики, в край островка. Не выключая двигателей, замереть в нескольких сантиметрах над водой и втащить на борт всех, кто был на острове. Спустя несколько минут после взлета остров скрылся под ледяной бурлящей водой...

* * *

Генерал курит, задумчиво глядя куда-то за окно. За стеклом на белую замерзшую реку, на стрельчатые опоры парковых аттракционов густо сыплет снег, нависает тяжелыми белыми шапками, замедляет, забеливает... И в его мельтешении генералу вдруг чудятся белые, выжженные солнцем склоны гор, мелькающие за стеклом кабины, прилепившиеся друг к другу, как ласточкины гнезда, дувалы, матовый упругий диск вращающихся лопостей. И память вновь уносит генерала сквозь годы в далекую азиатскую страну, где по утрам надрывно кричали муэдзины, сзывая правоверных к намазу, где «вертушки» почти царапались брюхами о вершины Гиндукуша, перебираясь через его перевалы и гребни. Где «зеленка» могла в любой момент огрызнуться жалящей очередью ДШК или беспощадным «стингером».

Он навсегда запомнил свой первый боевой вылет.

Информатор сообщил, что за дувалом на окраине одного из кишлаков находятся вернувшиеся с гор на отдых два брата – влиятельные полевые командиры местных душманских банд. На штурмовку взлетели три пары «Ми-8». Ведущим первой был он – тогда командир полка, полковник. До цели чуть больше шестидесяти километров. К кишлаку группа подлетела как раз в самую послеобеденную жару, когда все живое, спрятавшись от солнца в спасительную тень и прохладу, предавалось отдыху.

Быстро сориентировался, отыскал глазами указанный агентом дувал и, резко снизившись, зашел на цель.

«Восьмерка» стремительно скользила над землей, выходя на рубеж пуска «нурсов». Дувал, за которым находились душманы, увеличивался, напал на блистер. Уже стал различим часовой на крыше – верный признак точности информации. Пальцы легли на кнопку пуска ракет, как вдруг глаза выхватили рядом с часовым маленькую фигурку в пестром ярком халате – девочку лет десяти.

Рубеж пуска!

Часовой, только сейчас заметивший вынырнувшие из-за холмов «вертушки», заметался.

Надо бить! Но девочка?!

Часовой подскочил к ней и, подхватив ее под мышки, буквально скинул с глиняной крыши строения.

Можно бить! Но взрывная волна, осколки?..

И тогда он принял решение. Короткая команда второй паре. А его пара стремительно проскочила над целью, не открывая огня, давая ребенку время отбежать на спасительное расстояние. А через несколько мгновений по дувалу ударили «нурсы» второй пары. Разворачиваясь, заходя вновь на цель, он поймал краем глаза знакомый пестрый халатик, мелькавший в поле, далеко от места штурмовки. «Жива!» – успел еще подумать он, а потом сознание привычно отсекло лишние мысли, сосредоточившись на боевой работе. Залп «нурсов» лег точно в уже обрушенный второй парой дувал. Третья пара сровняла его с землей, разметав руины мощными бомбами...

И еще одна деталь поразила его в том полете. Выходя из атаки, он заметил мужчину и женщину – дехкан, махавших кетменями в поле буквально в двухстах метрах от места боя. Они словно не замечали и не слышали ничего вокруг, однообразно вырубая кетменями пласты рыжей сухой земли...

...Потом были сотни вылетов, штурмовок, эвакуаций, десантирований, но еще много месяцев ему снилась та белая глиняная крыша, часовой и девочка в пестром халате в прицеле «нурсов»...

* * *

Может быть, в тот день кто-то там, на небесах, хотел испытать Виталия Павлова. Проверить его духовную прочность.

Можно сколько угодно разглагольствовать о том, что нам нечего было делать в Афганистане, клеймить, называя наших солдат «оккупантами» и «захватчиками», рассказывать сахаровские ужастики о том, как наши вертолетчики расстреливали своих окруженных солдат, чтобы те не попали в плен. Но все это мгновенно становится дешевой ложью перед простой и ясной правдой вертолетчика, отвернувшего в сторону от цели только потому, что на линии стрельбы оказался ребенок.

...Для него афганская война осталась в памяти странной смесью солнца, неба, огня, боли, подвига и... дехкан, однообразно и безразлично махавших кетменями в двухстах метрах от войны. Непостижим Восток...

...Прогоревшая почти до фильтра сигарета обжигает пальцы, и генерал, поморщившись, давит ее в пепельнице. В телевизоре неожиданно возникает знакомый бородатый человек в «пуштунке» – шерстяной шапке. Ахмат Шах Массуд. «Пандшерским тигром» называли его афганцы. Он был, пожалуй, самым грозным нашим противником. Умелым, хитрым, жестким.

Прошло уже десять лет с того дня, как мы ушли из Афганистана, но мира Ахмат Шах так и не получил. Отряды движения «Талибан» теснят постаревшего «тигра», загоняют все дальше в его родовое логово – Пандшерское ущелье – огромную неприступную крепость. Телеэкран крупно показывает его лицо, и генерал смотрит в глаза своего бывшего противника. Глубокие морщины, тяжелый взгляд. «Устал Массуд. Устал...» – Генерал ловит себя на мысли, что с сочувствием смотрит на бывшего врага. О чем думает сейчас Массуд? Озабочен ли он тем, как провести через район, занятый «талибами», караваны с боеприпасами, или тем, где достать хлеб и масло для своей запертой в ущелье армии? А может быть, разговаривая с русским корреспондентом, Массуд гонит от себя горькую мысль, что зря он воевал против «шурави», зря слушался лукавых пакистанских генералов и американских инструкторов. Зря видел в русских врагов ислама. Ведь они ушли, но на смену им пришли безжалостные средневековые фанатики, для которых он, Массуд, всю жизнь воевавший против неверных, сам «кафир» – неверный. И с этими уже не договоришься, как с русскими, не заключишь мир. И эти не строят школы, больницы, электростанции, не раздают муку, соль, сахар, лекарства. А только режут, грабят, вешают. И все «во имя Аллаха», под знаменем пророка. Так кто же тогда настоящий враг его земли?

Генерал смотрит в глаза своего бывшего врага. Неуверенность, страх перед будущим видит он в них. Устал «пандшерский тигр». Постарел. Двадцатилетняя война тяжелым грузом давит на плечи и душу. И во имя чего?

Генерал с сочувствием смотрит на Ахмат Шаха, но нет в нем жалости к нему. Каждый

платит по своим счетам.

...17 мая восемьдесят второго – черный день в его афганском календаре. В тот день началась войсковая операция по очистке Пандшерского ущелья от банд Ахмат Шаха. Долгие переговоры с Массудом зашли в тупик. Его отряды вели активные боевые действия против наших войск и местных органов власти. Каждый день приносил сообщения о новых нападениях и засадах. И потому было принято решение разгромить основные базы Массуда.

В тот день вертолетный полк высаживал на склоны ущелья десантные группы. Ведущим первой пары, как всегда, был «ноль двадцать пятый» – командир полка Павлов. Площадка высадки. За борт горохом посыпались десантники, стали разбегаться в стороны, занимать оборону. Саперы быстро разворачивали миноискатели, скручивали щупы. После того как последний десантник прыгнул за борт, «вертушки» резко оторвались от земли и ушли в небо. А на их место уже заходила вторая пара. И здесь с вершины горы почти в упор ударил душманский ДШК. Командир экипажа был убит на месте, раненый штурман еще попытался выровнять машину, посадить ее, но следующая очередь сразила и его. Вертолет рухнул на скалы и взорвался. Его ведомый замполит эскадрильи майор Садохин резко снизился, высадил десант ниже по склону горы и, взлетев, бросился на выручку ведущему. Вертолет и ДШК сошлись в дуэли.

Вертолетчики еще не знали, что Массуд долго готовился к обороне. Не знали о замурованных в бетон и скалы пулеметных гнездах, о выезжающих на платформах из тоннелей турельных установках спаренных ДШК, о десятках других ловушек и заграждений.

Залп «нурсов» накрыл «духовский» ДШК. Садохин начал разворачиваться, чтобы сесть возле упавшего командира, но тут сбоку, почти в упор ударила замаскированная «зэушка». Садохин был убит, машина загорелась, но штурман смог отвернуть ее в сторону и посадить на склон. Потом он вытащил из горящей машины борттехника, бросился вытаскивать тело командира – и в этот момент вертолет взорвался.

Это была тяжелая потеря. В бою погибло все командование одной из эскадрилий – командир, замполит, начальник штаба и летевший с ними штурман армии. Сгорели сразу две машины. Особенно тяжело было потому, что в его полку это была первая потеря за одиннадцать месяцев боев...

А еще через несколько дней на офицерском собрании было решено обратиться к командованию с ходатайством не назначать никого на место павшего в бою замполита, героически бросившегося на выручку товарищей. Чтобы его место в строю было всегда свободно. Командование удовлетворило эту просьбу летчиков. Отказался от эвакуации в Союз и штурман, раненный, при взрыве вертолета, он сбежал из госпиталя в полк.

Вообще за годы службы генерал Павлов пришел к твердому убеждению, что военная слава, доблесть, награды любого командира или начальника принадлежат прежде всего его подчиненным. Солдатам и офицерам, героически выполнявшим свой долг, шедшим в огонь и на смерть «за други своя», за Родину, за командира. И потому у него особое отношение к звезде героя, которой он был награжден через три месяца после возвращения из Афганистана. Говоря о ней, думая о ней, он всегда вспоминает своих летчиков, техников, механиков. Это и их награда. Их заслуга. Скупые записи из журнала боевых действий: «...мая 1982 года. Заместитель командира полка подполковник Карпов заменил раненых борттехника и

штурмана-оператора...Заместитель командира эскадрильи майор Сурицук за день сменил три изрешеченных пулями вертолета, его ведомый старший лейтенант Наумов – четыре... Группа во главе с майором Жуковым под огнем мятежников восстановила два вертолета... 19 мая 1982 года капитан Кабдулин, «подперев» носовым колесом вершину горы, завис на высоте 2800 метров, забрал раненых и погибших, «свалил» вертолет в пропасть и, выровнявшись, ушел из-под обстрела... За время операции полком произведено 5460 вылетов, уничтожено 214 огневых точек, 377 опорных пунктов, 33 лагеря, 54 каравана...».

...Из двадцати шести летчиков, награжденных за Афганистан званиями Героев Советского Союза, девятнадцать вертолетчиков. Это высшая и самая точная оценка действий и значения вертолетчиков на той войне...

* * *

К сожалению, теперь на всю огромную Россию осталось всего четверть от былой численности вертолетных полков. Спустя десять лет после войны в войсках остались служить только шесть героев, из них трое: генерал Очиров, полковник Райлян, полковник Филипченко у генерала Павлова.

Соотношение по вертолетам между США и Россией – шесть к одному. А между НАТО и Россией – десять к одному. Могло быть и еще большим, если бы не огромные усилия генерала Павлова и его штаба, которые в буквальном смысле слова воевали за каждый полк, за каждую эскадрилью. А ведь вертолеты – это будущее сухопутных войск. Без них сейчас невозможно вести успешные боевые действия. Военные доктрины всех развитых стран стремятся к тому, чтобы на каждый пехотный взвод приходилось по боевому или транспортному вертолету. В обычной пехотной дивизии США численность винтокрылых машин переваливает за сотню, а у нас даже штатные дивизионные эскадрильи существуют только на бумаге. Денег на новые вертолеты нет, и потому все разработки милевского и камовского КБ, скорее всего, так и останутся экспериментальными образцами. Даже на ремонт и модернизацию штатных машин деньги приходится собирать по крупицам и растягивать этот процесс на месяцы. Наборы в вертолетные училища сокращены до минимума, из трех училищ осталось одно...

* * *

...Смутные времена. Рука опять тянется к сигаретной пачке, но та уже пуста. Надо бы бросать курить. Он, было дело, бросил. В октябре девяносто четвертого. А потом началась Чеченская война.

10 января с утра был плотный туман, а в Грозном у вертолетной площадки тяжелораненые ждут эвакуации. Он принял решение лететь. Шел по железнодорожным столбам. Видимость – семь столбов. Чуть больше трехсот метров, нижний край метров двадцать. Дошел. Сел. У площадки буквально в грязи лежат раненые. Все мокрые, замерзшие, в крови. Где-то совсем близко, впереди бой. Чтобы не морозить ребят, выключил движки и сам пошел помогать загружать. Последним поднесли на носилках старшего

лейтенанта. Рука оторвана по плечо. К ране примотана бинтами обычная солдатская подушка. Пока заносили, поддерживал его под спину, чтобы не упал с носилок. Вытащил руку – вся в крови. Сел в кресло, попросил у штурмана полить на руку водой из фляжки – смыть кровь. «Извините, Виктор Егорович, все раненым отдал. Ни капли нет». Взлетели. Опять по столбам, почти вслепую. Наконец сели в Моздоке. Попытался разжать ладонь, отпустить ручку управления – не получается. Кровь присохла к ее рубчатой поверхности. Пришлось буквально отрывать. Оторвал, а раскрыть все равно не получается. Кровь в складках засохла, не дает.

Вылез из вертолета и там же, на бетонке, закурил...

Рассказывает Анатолий Сурцук

ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ

...Я хорошо помню день, когда мне пришлось выбирать судьбу. Мне было тогда пятнадцать. Так уж вышло, что от рождения достался мне идеальный музыкальный слух. Это было, так сказать, наследственное. Мой старший брат к этому моменту уже учился в консерватории. И потому кем быть – вопрос не стоял. Конечно, музыкантом! Я с отличием окончил музыкальную школу по классу баяна и готовился к поступлению в училище. Репетировал программу.

Но второй моей страстью была авиация. Я перечитал все книги, какие смог найти в городской библиотеке, постоянно крутился возле аэродрома, мечтал побывать на авиазаводе, где работал мой отец. И я очень хорошо помню тот момент, когда прямо посреди репетиции вдруг осознал, что вот сейчас я должен выбирать. Или музыка, или небо. И я понял, что больше всего в жизни хочу быть летчиком...

Как ни странно, но это мое решение поддержал отец.

Но легко сказать «решил быть летчиком»...

Первые экзамены в Училище гражданской авиации я провалил по наивности. Прочел, что экзамен по математике будет устным. Готовился докладывать теоремы, правила, а меня вдруг вызвали решать задачу. Растерялся, запутался. Уже после экзамена по памяти вспомнил задачку. Решил за пять минут. Но поезд уже ушел.

Потом попытался поступать в Авиационный техникум. Опять не получилось. Но это даже и хорошо. Я только потом узнал, что название «Авиационный» – не значит летающий. В нем готовили инженерно-технический состав...

Тогда мой отец, посмотрев на все мои мытарства, мудро сказал: «Что ж, придется тебе идти в вертолетчики...».

Поступил на работу на авиазавод. Работали с отцом в соседних цехах. А по вечерам ходил в вертолетный аэроклуб. Там я впервые поднялся в небо. А потом судьба пришла ко мне в образе офицера военкомата, который проводил набор на службу в вертолетные части лучших пилотов клуба. Так на мои плечи легли офицерские погоны. Правда, на них было всего по одной звездочке, но главное, что небо наконец стало делом жизни.

А музыка? Музыка никуда не ушла. Играл, выступал в Домах офицеров, даже ансамбль, было дело, организовал. Играли на танцах в военном городке.

Но было и еще нечто. Музыка странным образом слилась с работой. И вертолет стал не просто аппаратом для полетов, а совершенным музыкальным инструментом, в котором слита целая симфония звуков. И у каждого свое значение. Я по малейшему полутону могу понять, почувствовать состояние машины, определить отказ еще до того, как на него среагируют приборы. И это дает удивительное чувство единства с вертолетом.

Наверное, поэтому я уже в двадцать один год сел в левую «чашку» командира, хотя тогда стать им, даже в двадцать восемь, считалось удачей. А в двадцать пять я уже стал командиром звена...

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Самый тяжелый день? Был такой. Никогда его не забуду. 17 мая 1982 года. Это был первый день пандшерской операции. Было впервые принято решение всерьез штурмовать это ущелье. До этого лишь однажды в него зашла наша рота и в считанные часы была там почти полностью уничтожена.

Со всеми отрогами Пандшер составлял почти пятисоткилометровый труднодоступный горный район, превращенный в огромную крепость. Десятки укрепрайонов и фортов, сотни складов и хранилищ, подземные базы, госпитали, тоннели, фактически полная автономность делали Пандшер неприступным.

Под ружьем душманов было более двух тысяч моджахедов, а ПВО насчитывало около 200 зенитных орудий и пулеметов.

Для ущелья, где максимальное расстояние между стенками составляло один километр, а в большинстве не превышало и нескольких сотен метров – такая плотность ПВО была исключительной, можно сказать, сплошной. Неудивительно, что моджахеды поклялись что никогда нога русского солдата не ступит на эту землю.

К весне 1982 года уверовавшие в свою неуязвимость душманы стали грозой северных провинций Афганистана. Их отряды действовали уже далеко от базовых районов, постоянно расширяя зону влияния. Тогда и было решено провести большую войсковую операцию по разгрому боевиков в их же логове.

Для проведения этой операции на аэродром Баграм была стянута мощнейшая авиационная группировка. Более ста вертолетов «Ми-8», «МТ» и «Ми-24». Фактически сюда перелетели все самые современные вертолеты ограниченного контингента. Кроме них, авиационную поддержку осуществляли полки «МиГ-21» и «Су-17» – основных наших штурмовиков в то время.

Замысел был следующим: с рассветом 17 мая ствольная артиллерия и «Грады» нанесут удары по позициям боевиков. Затем штурмовая авиация «расчистит» площадки для высадки десанта, и после этого начинается высадка десантов силами армейской авиации на господствующие вершины. После того как десантники возьмут их и подавят основные очаги сопротивления, в ущелье должна будет зайти бронегруппа, которая уже завершит наземный разгром противника.

Впервые в отечественной военной истории армейской авиации придавалось такое значение в операции.

Общее руководство вертолетчиками возложили на нашего командира полка Виталия Егоровича Павлова. И это тоже был показатель того, как командование оценивало возможности нашего полка. Но для нас такая «оценка» означала только одно – наши вертолеты будут на самом острие удара...

Неожиданно для себя я получил задачу возглавить поисково-спасательную группу, которая без необходимости не должна была вступать в бой. Честно скажу: этому «назначению» я не обрадовался. И даже усмотрел в этом недоверие к себе. Попытался поговорить с комэском Юрой Грудинкиным, но он только руками развел. Мол, так решили при планировании. И переигрывать все за несколько часов до операции уже никто не будет.

«Ничего, – сказал он мне, – завтра отработаешь в ПСО, а послезавтра я постараюсь тебя заменить...» Это был один из наших последних разговоров...

С рассветом операция началась. Отработала артиллерия, несут удары штурмовики. Наконец в ущелье ворвались вертолетные группы. Одно из ключевых положений в ущелье занимал аул Руха, который был укреплен особенно тщательно. Первую пару «Ми-8» вел мой комэск. На борту «восьмерок» десант спецназа, который должен был блокировать Руху и начать ее зачистку. По замыслу, вертолеты должны были сесть на западной окраине, но с утра была дымка, которая закрывала район, и пара, начав снижение, проскочила район высадки и оказалась прямо над аулом. В первое мгновение «духи» растерялись, но уже через несколько секунд открыли огонь. Прямо по пилотской кабине комэска полоснула очередь «зэушки». Оба летчика были убиты почти мгновенно, и вертолет Грудинкина, не снижая скорости, упал на небольшой остров посреди реки ниже аула. Его ведомый замполит эскадрильи Саша Садохин успел проскочить аул и высадить экипаж ниже по склону. Начал взлетать и здесь увидел, как «зэушка», сбившая ведущего, разворачивается на него. Садохин еще успел повернуться и накрыть ее «нурсами», но тут почти в упор ударила вторая «духовская» зенитка. Корпус «восьмерки» заходил ходуном от ударов снарядов. Петя Погалов вдруг почувствовал, что ручка управления ослабла, он бросил взгляд на командира – залитый кровью Садохин безжизненно повис на ремнях, кабину сразу заволочло дымом, и, чтобы хоть как-то сориентироваться, он открыл блистер кабины, выглянул наружу и увидел, как на вертолет стремительно надвигается склон горы. Инстинктивно он потянул ручку вправо, чтобы избежать прямого удара. А уже через мгновение они столкнулись с горой...

После удара вертолет покатился вниз по склону и загорелся. Каким-то чудом Погалов уцелел и смог прийти в себя до того, как вертолет полностью охватило пламя. Он выбрался из кабины и рывком вытянул за собой борттехника Витю Гулина. Тот уже горел. Еле его загасил.

Вернулся за Садохиним, но огонь уже охватил всю машину...

Я находился выше района боя в зоне ожидания. Видел, как наша группа зашла в ущелье, но за стенами склонов гор ничего не было видно. Только радиообмен помогал ориентироваться в происходящем.

Слышу:

– Горит! «Зеленый» (так называли вертолеты «Ми-8») горит!

– Наблюдаю работу «зэу»! Отработал по ней!

– Горит! «Зеленый» упал и горит!..

Захожу в ущелье. Снижаюсь. Пытаюсь визуально обнаружить, где упал наш вертолет. Проскочил над самой Рухой. «Духи», видимо, после того как сбили пару, не ожидали такой наглости и по мне не сделали ни одного выстрела. Наконец обнаружил место падения Садохина. Подсел. Вдруг вижу, рядом садится мой ведомый Юра Наумов. Я успел подумать: «Ты что делаешь?!».

Ведь главная задача ведомого прикрывать меня с воздуха.

Но времени разбираться уже не было.

Гляжу, ко мне бежит Погалов весь в крови и, как куклу, тащит за собой кого-то в куртке и трусах. Подбегает. А это Гулин. Одежда на нем сгорела. Уцелела только кожаная куртка. Она ему жизнь и спасла. Мы его затащили в кабину и видим, что «носки» и «перчатки» – это кожа с кистей рук и ног, облезшая от ожогов... А Погалов, как в бреду, одно повторяет: «Сашка сгорел! Сашка сгорел!..».

Взлетаю. Поравнялся с Рухой, и вдруг мой «правак» Боря Шевченко кричит: «ДШК! ДШК!» Это он увидел, как на нас разворачивается духовская «зэушка». А я как на ладони. Сто скорость, сто высота. Идеальная мишень! Инстинктивно разворачиваюсь к нему хвостом, чтобы хоть как-то прикрыться, ручку управления «от борта до борта», и слышу только, как будто кто-то, как кувалдой, по корпусу бьет. Мне до этого было известно выражение «смерть в затылок холодом дохнула», но, думал, так, красивая фраза. Но только в этот момент вдруг такой ледяной холод от загривка к затылку пробежал, словно действительно кто-то морозом дохнул...

Как вырвался – не знаю. На инстинкте. В себя пришел уже на высоте. Осмотрелся. Все вроде в норме. Движки работают, приборы основные тоже. Только гляжу, моего ведомого на месте нет. Я его по радио запрашиваю: «Двадцать шестой! Двадцать шестой!» – Тишина. Один! Меня как током обожгло: «Сбили!» А кругом «вертушки» носятся. Где чья – не разберешь. Одни входят в ущелье, другие возвращаются. Толкотня в воздухе. Я в эфир открытым текстом: «Ищите двадцать шестого!» А сам на точку. Раненых отвозить. А на душе кошки скребут. Сел в Баграме и вдруг смотрю, на стоянку мой родной «двадцать шестой» заруливает. Я к нему, чуть ли не с кулаками, а Наумов только рукой машет. Посмотрел, а на его «восьмерке» места живого нет. Дыры в кулак. Это его так над Рухой изрешетили, когда я проскочил. И сел он тогда фактически на вынужденную. Рация разбита, навигация разбита, двигатель поврежден. Топливо самотеком поступало...

Но только отдышались – команда: сменить вышедшие из строя борта на любые исправные и на взлет, за Грудинкиным. При ударе на его борту, оказывается, несколько десантников выжили. Покалеченные, побитые смогли покинуть борт...

На этот раз проскочили к Рухе по руслу реки. Сначала подсели к месту гибели Садохина. Спецназ к этому моменту уже смог его достать. Занесли его на брезенте. А затем смотрю – еще кого-то в чалме затаскивают. Я в пылу не сразу понял, в чем дело. А потом оказалось, что к месту падения Садохина от Рухи рванула «Гойота» с «духами» – пленных брать. И со всего размаха влетела в спецназовскую засаду. Всю охрану мгновенно перебили, а одного душмана взяли в плен. И он оказался не кем иным, как начальником штаба «духов»,

да еще со всеми документами...

В этот момент я второй вертолет увидел. На островке посреди реки. Перелетели. Сели рядом. Часть «двухсотых» загрузили. Ждем. Тут ко мне десантник подбегает: мол, пока улетай. Не всех еще «двухсотых» из железа вырубил. А пули кругом просто как пчелы. Слышу, опять по корпусу замолотили. Я «праваку» кричу: «Может быть, развернемся?» – Он ко мне голову повернул: «Чего?» И в ту же секунду пуля, едва не мазнув его по щеке, попадает борттехнику, сидящему между нами, в челюсть. Тот завалился в салон, кровь хлынула. Я ведомому: «Юра! По мне долбят из «зеленки» с другого берега. Погаси!».

А он на высоте метров шестьсот. С такой высоты разлет снарядов сто метров. А от меня до «духов» максимум сто пятьдесят...

Слышу заход, пустил. Про себя считаю «раз, два...» На пятой «зеленка» аж закипела от разрывов. Ювелирно отработал.

Эх, Юра! Все войны прошел, в таких переделках уцелел. А погиб на земле. В Дагестане под Ботлихом сразу после посадки его «восьмерку» сожгли ПТУРом с горы. Знали, что он Квашнина привез, ловили...

...Вернулись в Баграм. Осмотрели «вертушки» – хана! Редуктор пробит, несколько лопаток компрессора первой ступени выбито. В ремонт! Звоню на КП, а мне командуют: «Бери пару баграмских. Она для тебя уже движки прогревает, и давай за оставшимися!».

Опять прошли по руслу. Сели. И вновь десантура не успела всех достать. «Взлетай, – говорят, – мы тебе ракету дадим! Только ты осторожнее по руслу заходи. Тебя там уже второй раз ДШК обстреливает...» Вот обрадовали...

Взлетел. Нахожусь в зоне ожидания. Время идет. Топливо уходит. Наконец ракета! И здесь меня как заколотило! Страх до самого нутра пробил. Ну не хочу я опять в это пекло опускаться. Не хочу!

Сколько это продолжалось – не знаю. Наверное, пару секунд, а казалось – вечность. А потом начал снижение. Тут уже инстинкт включился. Сел. И началась загрузка. В кабину убитых затаскивают, раненых, оружие, боеприпасы, сами спецназовцы лезут. Все вперемешку, навалом. Перегруз дикий. Взлетал – передним колесом по воде чиркал. Набрал высоту. Меня Павлов спрашивает: «Всех собрал?» – Докладываю: «Всех!» – Он опять: «Всех?» – Отвечаю: «Всех!»...

Сели в Баграме. После осмотра и эту «вертушку» в ТЭЧ на ремонт потащили.

А вечером вернулся на свою точку, захожу в наш «модуль» – и тут меня как обожгло. Одни пустые заправленные койки. Мы с Борей одни во всей комнате. Остальные кто убит, кто ранен...

В эту ночь я так и не уснул.

А утром на построении стоим – экипажи друг другу в затылок, напротив каждого его группа десанта тоже в колонну по одному. Павлов вышел на середину, помолчал, а потом жестко так:

– Да, потери были тяжелы. Но если мы вильнем, струсим – то опозорим память наших павших товарищей. И лучшим нашим салютом им пусть станут залпы наших нурсов по врагу.

Тяжело? Да, тяжело! Но задачу мы выполнять будем!

И по вертолетам!

...Американцы хвастливо называют высадку с вертолетов четырех тысяч десантников в безлюдной кувейтской пустыне во время «войны в Заливе» «уникальной» и «первой в истории авиации», но еще за девять лет до этого наши вертолетчики всего за четыре дня высадили четыре тысячи восемьсот десантников. Причем в сложнейшей горной местности, под плотным огнем ПВО. И это наглядный показатель боевых возможностей наших вертолетов и подготовки наших летчиков.

А всего я в Афгане выполнил 522 боевых вылета и провел в афганском небе 600 часов...

«СТОЛБЫ», «КАСТРЮЛИ», «ТЕРРАСЫ».

Я не уважаю тех, кто летает с психологией шофера. Пришел на полеты, откатал программу, вылез из кабины, вышел за ворота аэродрома – и забыл о небе. Эти люди в авиации случайные.

Работа летчика – это постоянный поиск нового. Новых тактических приемов, новых маневров, фигур пилотажа. Иногда они становятся результатом долгого поиска, просчета всех возможных вариантов. Иногда наоборот – экспромта. Но всегда за ними глубочайшее знание машины, ее возможностей. Сильных и слабых сторон. И, конечно, мастерство летчика.

Помню, в Афганистане прохожу над ущельем и слышу запрос:

– Я Маяк. У меня десять «трехсотых». Нуждаюсь в срочной эвакуации...

Снизился. Вижу, на вершине хребта наши. Судя по всему, десантники. Начал выбирать площадку для приземления. Чистый вариант «лезвие ножа» – так мы называли площадки на острых склонах. Были еще «кастрюли» – когда садишься как бы внутрь каменной «кастрюли». «Столбы» – плоскость на вершине. «Террасы» – здесь понятно без объяснений.

Наконец нашел площадку. Только начал садиться, как меня поймал нисходящий поток. Ощущение – словами не передать. Все на максимале, а машина стремительно просаживается вниз на скалы. Стенка прямо перед кабиной. Задень лопастями – и все. До дна ущелья больше километра, но до него вряд ли что долетит. Все размажет по скале. Мы просто замерли, пока машина из последних сил боролась с потоком. Секунда, вторая – и вдруг поймали восходящий ветер. Нас, как мяч баскетбольный, швырнуло вверх. Там поймал момент, сбросил шаг винта и плюхнулся прямо на каменное лезвие. Нос с одной стороны над пропастью нависает, хвост – с другой. Движков не выключаю. Начали загрузку раненых. Но чтобы их ко мне поднять, надо почти по вертикали лезть. Одного затащить – целая операция. А их десять. Смотрю на топливомер. И кажется, что он, как секундная стрелка, бежит к нулю. А на борту только половина «трехсотых». Слышу мой ведомый заблажил: «Все. Остаток только до аэродрома дотянуть!» Дал команду возвращаться. Только он ушел, удары по обшивке. Бьют из кишлака, что в километре внизу. Хоть и не прицельно, но попадают. А десантура только за девятым пошла...

Вдруг слышу, кто-то меня спрашивает:

– Кто там сидит?

– Двадцать пятый, – отвечаю.

- Я над тобой. Тебя прикрыть?
- Если сможешь. Я ведомого по топливу увел.
- Понял тебя. Прикрываем...

Смотрю, а это пара «двадцатьчетверок». Они с «бэшэу» (бомбоштурмовой удар) возвращались. Правда, из боеприпасов только снаряды к пушке оставались. Но обстрел прекратился.

...Наконец затащили десятого. Надо взлетать, а мощности не хватает. Можно, конечно, все выжать из движков, но все равно по нормальному не взлетишь. Мощности на этой высоте не хватит. Ну, я прикинул, посчитал в уме и с большим тангажем свалил машину в пропасть. Аж дух захватило. Пока падал – разогнался до нужной скорости. А потом виражом в сторону. Еще успел напоследок весь боекомплект «нурсов» в кишлак вогнать. Рассчитался за свои дырки.

...Потом такой взлет с падением в пропасть стал обычным приемом для наших летчиков...

Вообще Афганистан вывел нашу вертолетную авиацию на качественно новый уровень. До него на вертолетчиков смотрели как на какой-то «приданный» и даже второстепенный род войск. Афганистан показал, что вертолеты сегодня являются едва ли не самым основным оружием на поле боя. Без вертолетов не проходила ни одна операция. Они вели разведку, расчищали дорогу пехоте огнем, высаживали десант, вывозили раненых, спасали от верной смерти, эвакуируя наши подразделения из-под самого носа «духов».

А сколько Афган дал тактических приемов, новых пилотажных приемов!

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Всю первую чеченскую войну меня не оставляло ощущение огромной беды.

Впервые наше оружие било по нашим, российским городам и поселкам. Впервые наши солдаты стреляли по людям, в карманах которых лежали паспорта граждан Российской Федерации, и гибли от пуль своих же сограждан.

При этом армия была просто заложницей. Российские СМИ развернули антиармейский фронт, когда по всем телеканалам на страну реками лилась антиармейская пропаганда.

Сегодня война другая. Как бы сейчас ни изворачивались некоторые СМИ, но сегодняшняя обстановка в Чечне качественно иная. Изменилось главное – отношение высшего руководства страны. Сегодня мы спокойны за свои спины. Знаем, что за ними никто с боевиками не договаривается, никто нам в затылок не выстрелит. А потому и результаты уже качественно иные. И хотя до полного разрешения кризиса еще далеко, но есть все предпосылки для этого. Армия свою задачу выполнила. Теперь дело за политиками и хозяйственниками. Ведь по-настоящему война здесь закончится лишь тогда, когда у простых жителей появится возможность зарабатывать на жизнь мирным трудом.

Как и прошлую чеченскую, так и эту чеченскую войну вертолетчики вынесли на своих плечах. Можно много рассказывать о подвигах наших вертолетчиков, о проведенных блестящих операциях, но я бы хотел рассказать о судьбе только одного человека. Подполковника Александра Жукова, начальника поисково-спасательной службы СКВО.

30 января 2000 года в Чечне погиб Николай Майданов. Его группа высадила десант на горную вершину почти в самый центр укрепленного района боевиков. Завязался бой. Пользуясь темнотой, десантники отошли в лесной массив и запросили эвакуацию. Слишком неравны были силы. Утром за ними ушла вертолетная группа. Обнаружили наших, но места для посадки не было, и тогда десантников стали поднимать в кабину на лебедке в зависший вертолет. Для помощи им вниз спустился Жуков.

Конечно, боевики обнаружили вертолет и стали подтягиваться к району эвакуации. Завязалась перестрелка. И вот, когда внизу оставались всего три человека – солдат-десантник, начальник ПДС полка майор Анатолий Могутнов и Жуков, «духи» подошли совсем близко. И тогда, чтобы не подставляться под обстрел своих товарищей, Жуков дал команду экипажу уходить, а сам остался.

Боевики окружили наших и взяли в плен.

Жукова притащили к известному своей жестокостью «трактористу» – Темирбулатову. Тот сразу выхватил кинжал и приставил к горлу полковника: «Сейчас я тебе башку срежу!».

«Если надо – режь!» – ответил Жуков, поняв, что терять уже нечего.

Это спокойствие смутило «тракториста». Он убрал кинжал и приказал обыскать пленного. В кармане нашли удостоверение. Выяснили, что перед ними подполковник. Это «тракториста» обрадовало. «Мы тебя на наших командиров обменяем!» – заявил он. Потом Жукова заставили переодеться в какие-то обноски и бросили в яму.

Его постоянно охраняли десять боевиков. Избивали регулярно. Одни били из ненависти, другие просто от скуки. Некоторые даже оправдывались, мол, мы бы давно ушли домой, но боимся мести...

Вскоре отряд «тракториста» присоединился к банде Гелаева. Вот здесь был действительно ад. Ближайшее его окружение составляло настоящее зверье, наемники арабы, негры, были даже славяне из дезертировавших в разные годы солдат, которые приняли ислам и теперь служили хозяину не за страх, а за совесть. Для гелаевцев пытки, издевательства, зверские убийства были едва ли не главным развлечением.

Несколько раз Жукову предлагали принять ислам. Обещали поблажки, хорошую кормежку. При отказе грозились убить. Смог схитрить – мол, зачем вам нужен неискренний мусульманин. «Человек должен принимать веру свободным. Я не хочу быть дешевкой». На время отстали. Но однажды его привели к Хаттабу.

Тот только мельком посмотрел и сразу спросил:

– Этот принял ислам?

– Нет.

– Или принимай, или – к стенке!

Тогда он был на волосок от смерти. Но неожиданно вмешался сидевший рядом с Хаттабом мулла. Он посмотрел на Жукова:

– Этот еще не готов. Мы с ним поработаем.

Потом Жукова склоняли сделать заявление, осуждающее войну, действия Путина.

И вновь он смог уклониться.

– Я – маленький человек. Не мне оценивать решения президента.

В конце концов его решили обменять на брата Арби Бараева. Дали даже телефон

позвонить жене, сказать, что жив...

Но обмен так и не состоялся. Банда Гелаева зашла в Комсомольское и попала в капкан.

Три дня он сидел в каком-то подвале, ежеминутно ожидая смерти. То ли от своих бомб и снарядов, то ли от руки озверевших от отчаяния боевиков. Один раз его послали на переговоры, но он не смог даже отойти от дома – столь плотным был огонь.

Наконец боевики решили прорываться к окраине, взяв с собой Жукова как заложника. Бежали толпой. Наши тут же открыли плотный огонь. Один боевик упал, другой, третий. Наконец пуля попала и в Жукова.

Рядом упал тяжело раненный охранник по имени Али.

– Али, не забирай меня с собой! – крикнул ему Жуков.

– Извини, ты слишком близко лежишь, – прохрипел Али и потянул зубами чеку лимонки. Но тут очередная пуля попала ему прямо в лоб.

Собрав все силы, Жуков бросился из простреливаемого пространства. Одна пуля ударила в руку, другая в спину, сразу несколько прошили ноги, и он рухнул прямо на берегу реки. Еще он успел запомнить, что вода в реке была красная от крови. А все ее берега были завалены трупами...

Пришел в себя оттого, что услышал неподалеку русскую речь. Начал кричать, звать на помощь. В ответ опять полетели пули. Начал ругаться. Наконец уgomонились. Подползли ближе. Вытащили из-под огня.

Жуков попросил вызвать вертолетчиков, передать, что он жив.

Пехотинцы сначала отнеслись недоверчиво. Наконец, связались со штабом авиации. Уже через 20 минут рядом с позициями сел вертолет. К этому моменту Жуков уже был без сознания. Спасло его чудо – буквально утром на Ханкале был развернут госпиталь МЧС, где Жукову сделали срочную операцию. По словам врачей, при эвакуации до Моздока он бы просто не дожил...

Такая вот история кавказского пленника...

ФИЛОСОФЫ НЕБА

Каждый вид авиации накладывает свой отпечаток на характеры и взаимоотношения людей. Истребители и штурмовики напоминают средневековых рыцарей: чаще всего – это яркие индивидуалисты. И это понятно. Истребитель в небе один на один с самолетом. Он – и его латы, и его оружие.

Бомбардировщики – мужики артельные. И на службе, и в быту. Всегда вместе, всегда все у них общее. И победа и поражение.

Транспортники – это небесные скитальцы. Каждый знает, что ему делать. Кто-то самолет готовит к полету, кто-то на КП пробивает «добро» на вылет, кто-то едет на местный рынок затовариваться здешними дефицитами. У транспортников четкая кастовость...

А вот вертолетчики – это пахари войны. Особенно «восьмерочники». Мужики простые, без гонора и «звездности». Они спокойно заночуют в палатке или пехотном блиндаже, позавтракают из солдатского котла. Они видят войну не с высоты нескольких километров и даже не со ста метров. Они ее видят в упор. На полу вертолетной кабины не успевают

высыхать грязь с сапог, кровь раненых, лекарства из капельниц. Здесь вперемешку сидят генералы и рядовые. «Восьмерочки», как никто другой, близки солдату.

В экипаже всегда особые отношения устанавливаются между командиром и штурманом. За месяцы, проведенные плечом к плечу в небе, вырабатываются полное единство, понимание друг друга с полуслова и, конечно, дружба на всю жизнь.

А вообще вертолетчики – это своего рода философы неба. Никто так крепко не связан с небом и одновременно не близок так земле, как вертолетчики...

На войне есть место всему. Иногда даже юмору.

Помню, сел на площадку в Митерламе под Желалабадом. А надо сказать, что для афганцев любой вертолет подчас – единственное транспортное средство. Стоит сесть, как вокруг уже толпа. И все лопочут одно: «Кабуль! Кабуль!..» (В Кабул, мол, надо.)

А у нас категорический запрет на перевозку местных. Но стоило мне отойти от вертолета, как толпа тут же снесла борттехника и расселась по кабине. Вернулся. Все сидят, на меня смотрят.

Конечно, я принялся объяснять. Но куда там! Я языка не знаю. Среди афганцев нет никого, кто бы понимал по-русски. Я им:

– Выметайтесь! Нис! – нет.

А они мне:

– Нис! Кабуль! Кабуль!

Думаю, ну как им объяснить. Вспомнил известный анекдот, начал его цитировать:

– Ду ю спик инглиш?

В ответ опять:

– Нис! Кабуль!..

– Парле ву франсе?

– Нис! Кабуль! Кабуль!

И уже как крайний вариант:

– Шпрейхен зи дойч?

И вдруг один пожилой бородатый афганец в калошах и пуштунке вскакивает с места и радостно бросается ко мне.

– Я! Я! Их шпрахе дойч!

Я чуть не поперхнулся...

Это надо было слышать. Смесь немецкого, дари и русского.

«Нис! Цурюк! Ферботен... Шурави... Дост, рафик! Твою мать!» – экипаж просто лежал от смеха.

...Потом подошел переводчик, и выяснилось, что это местный учитель немецкого языка. Партиец. Активист. Добирается в Кабул на совещание. Ну, прихватили с собой по такому поводу.

Сегодня вертолетная авиация переживает не самые лучшие времена. За годы «реформ» количество вертолетов сократилось почти в пять раз. Новых машин почти не поступало. Но это не значит, что Россия осталась без вертолетов и что пора на армейской авиации ставить крест. Нет. Сегодня мы еще остаемся вертолетной державой. Наши вертолетчики по праву считаются опытнейшими пилотами. Не зря в последнее время ООН все чаще для проведения

миротворческих операций старается привлекать именно наши вертолеты и наши экипажи.

Наши «вертушки» пользуются славой неприхотливых, надежных, живучих и очень простых в эксплуатации машин.

Та же «восьмерка» летает уже более 30 (!) лет – и до сего дня считается самым надежным и одним из самых массовых вертолетов в мире. А по оценкам экспертов, после модернизации оборудования может еще как минимум 15 лет нести службу.

Столько же после модернизации сможет пробыть на вооружении и «Ми-24».

Кстати, именно с «Ми-24» связана интересная история. Совсем недавно наша вертолетная группа прибыла для выполнения миротворческой миссии в Сьерра-Леоне. И вот в один из дней решили мы выбраться на океан посмотреть – благо до него рукой подать. Лежим, загораем. Вдруг откуда ни возьмись выскакивает «двадцатьчетверка» и давай над нами пилотаж крутить. Я точно знаю, что в небе наших нет. Покрутилась в небе – и на посадку. Вечером того же дня нам представили единственного вертолетчика Сьерра-Леоне, белого южноафриканца Нила. Мужик – лет за пятьдесят, в очках.

Не выдержал, спросил, где он обучился летать на нашем вертолете. А он в ответ – по надписям в кабине и прилагающейся к вертолету инструкции. В общем, сам. На ощупь. Самородок. Он же его сам и обслуживает, и ремонтирует.

– Ваш вертолет, – говорит Нил, – самая удобная машина из всех, на которых мне довелось летать.

Ну если сам без инструктора смог изучить, то, значит, точно удобная машина. А на месте оператора у него летает местный негр. Нил обучил его стрельбе из пулемета. Так они и воюют.

Противника по цвету штанов определяют и по тому, кто как руками машет. Те, кто радостно, широко – свои. А те, кто с опаской и чуть-чуть – повстанцы...

Конечно, хотелось бы, чтобы на вооружение быстрее поступили новые типы вертолетов. Раньше была возможность принимать на вооружение «сырые» машины и потом, уже в ходе эксплуатации, доводить их до ума. Но сегодня такой подход – слишком дорогое удовольствие. Поэтому мы не торопимся с решениями. Сегодня нашими конструкторами разработаны несколько новейших типов вертолетов. По своим пилотажным качествам они превосходят все мировые аналоги. Но с навигационным оборудованием, системами управления огнем еще необходимо поработать. Решения, заложенные в них, должны не просто соответствовать сегодняшним требованиям, но и иметь перспективу еще как минимум на десять-пятнадцать лет.

Поэтому сегодня принятие на вооружение новых типов боевой техники – дело кропотливое. Но есть надежда, что мы получим наконец машины, которые избавят российских летчиков от унижительного чувства зависти к зарубежным образцам.